МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе

МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Волгоград, 24 мая 2024 г.

Волгоград
ВА МВД России
2024

УДК 343.2(082)
ББК 67.408я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

А 43 **Актуальные** проблемы уголовного законодательства на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 24 мая 2024 г. / редколлегия : Н. Н. Бугера, В. А. Канубриков, Ю. И. Козаренко [и др.]. – Электрон. дан (1,2 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 SP1 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 1,2 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 х 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7899-1571-4

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе» (24 мая 2024 г.), проведенной на базе Волгоградской академии МВД России. Статьи посвящены проблемам совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного, а также уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и иным смежным проблемам.

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.2(082)
ББК 67.408я43

Редакционная коллегия: Н. Н. Бугера (председатель),
В. А. Канубриков (зам. председателя), Ю. И. Козаренко (отв. секретарь),
А. А. Лихолетов, А. М. Басханов.

ISBN 978-5-7899-1571-4

© Волгоградская академия МВД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово заместителя начальника
Волгоградской академии МВД России (по научной работе)
кандидата юридических наук, доцента
А. П. Алексеева 7

Алексеева А. П., Анисимова Т. В.
Законодательные инициативы в сфере усиления ответственности
за совершение преступлений с публичной демонстрацией:
проблемы и перспективы 8

Антонова Д. В.
Историческая ретроспектива противодействия преступлениям,
связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств
или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем
или лицом в результате совершения им преступления 11

Бавсун М. В.
Проблемы правовой регламентации основания освобождения
от уголовной ответственности, предусмотренного статьей 78.1
Уголовного кодекса Российской Федерации 14

Басханов А. М.
О некоторых вопросах регламентации ответственности
за укрывательство преступлений 17

Бобровская М. В.
О роли профилактики в предупреждении преступлений,
совершаемых медицинскими работниками
в сфере профессиональной деятельности 19

Бугера Н. Н.
Об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда 22

Бытко С. Ю.
Криминогенность бюрократизации управленческих процессов 26

Волколупов В. Г., Сенцов А. С., Волколупова В. А.
Актуальные проблемы регламентации уголовной ответственности лиц
с психическим расстройством, не исключающим вменяемости 30

Громов В. Г., Войтенко Е. В.
Криминологический анализ личности пенитенциарного преступника 35

Делевер А. В.
Преступная деятельность биолабораторий. уголовно-правовые
и криминологические аспекты предупреждения 38

Евлушина Д. Н.
Об отдельных элементах уголовно-правовой характеристики преступлений,
связанных с незаконным оборотом новых видов наркотических средств 41

Егорова Н. А., Гордейчик Т. С.
Состав незаконного предпринимательства
в свете последних изменений уголовного закона 46
Егорова Н. А.
О декодификации уголовного законодательства России 51
Журавлева И. А., Николаев К. Д.
Изменения в уголовном законодательстве России: современные тенденции 58
Каландаров М. М.
Некоторые взгляды о социологии применения наказаний 61
Кальченко Н. В.
Причинение смерти в состоянии крайней необходимости:
некоторые вопросы теории 65
Канубриков В. А.
Уголовная ответственность за совершение преступлений
экстремистской направленности 70
Козаренко Ю. И.
Особенности квалификации половых преступлений
в отношении несовершеннолетних 74
Косенко Е. А.
Федеральный закон «О противодействии коррупции» –
основа антикоррупционной политики России 79
Косян А. А.
Обеспечение безопасности продукции, товаров и услуг в США 82
Кувардин В. В.
О посягательствах на лиц,
осуществляющих служебную деятельность
или выполняющих общественный долг 86
Лихолетов А. А.
Систематизация норм об ответственности за преступления
в сфере осуществления специальных видов
предпринимательской деятельности
в Уголовном кодексе Российской Федерации: проблемы и перспективы 89
Лобанова Л. В., Малимонова М. А.
Некоторые аспекты назначения наказания при рецидиве преступлений 94
Мирович А. Р.
Уголовно-правовые взгляды Иеремии Бентама 98
Намнясева В. В.
Проблемные вопросы уголовной ответственности
за заведомо ложный донос 101
Незнаева Д. Е.
Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности
по возврату просроченной задолженности физических лиц:
зарубежный опыт 107

Нифталиева И. А.
Требования принципа справедливости при реализации
уголовной ответственности 112
Озерова Ю. С.
Особенности субъекта преступления в составе халатности
при производстве предварительного расследования
в форме дознания в органах внутренних дел 115
Онгарова Г. Б.
О криминализации незаконного обогащения
в уголовном законодательстве Республики Казахстан 118
Пикуров Н. И.
Конкуренция и коллизия норм общей и особенной частей
Уголовного кодекса Российской Федерации:
поиск оснований для их разрешения 123
Пикуров О. Н.
Преступления против личности: преемственность ценностей
в отечественном уголовном законодательстве 129
Пинкевич Т. В.
Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием
цифровых технологий 133
Плюта А. Д.
Виды функций криминологии 138
Расулев А. А.
Проблемы и перспективы уголовно-правового регулирования
ответственности за незаконный сбыт наркотических средств,
психотропных веществ: анализ и рекомендации 143
Сейтенов К. К.
Современное состояние законодательства Республики Казахстан
в сфере противодействия бытовому насилию 149
Стрилец О. В.
Современные проблемы реализации отраслевых принципов
уголовно-исполнительного права 155
Сысолина Н. С.
Понятие и содержание преступной среды 159
Тарабрина К. С.
Правовые основы предупреждения сексуального насилия
в отношении несовершеннолетних с использованием
информационно-цифровых технологий 163
Титаренко А. П.
Иное вовлечение лица в совершение преступления
как форма содействия террористической деятельности 169

Тишкин Д. Н., Бабенко С. В., Напханенко И. П.
Анализ современного состояния антиобщественных действий несовершеннолетних (на примере Астраханской области) и возможные меры комплексного государственного противодействия в данной сфере 173
Углицких Д. В.
Проблемы и решения в сфере уголовно-правовых аспектов, связанных с атаками на объекты топливно-энергетического комплекса 179
Хакимов Р. Т.
Международно-правовые источники противодействия коррупции 184
Ханова И. В.
Особенности установления объективных признаков преступления, предусмотренного частью второй статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации 188
Шкаплеров Ю. П.
Спираль эволюции полномочий прокурора в белорусском досудебном уголовно-процессуальном производстве 194
Штаб О. Н.
Криптовалюта как предмет получения взятки: современные аспекты и проблемы квалификации 199
Эшонов Д. А.
Предпосылки криминализации деяний, дискредитирующих вооруженные силы Республики Таджикистан 203

А. П. Алексеев,
заместитель начальника
Волгоградской академии МВД России
(по научной работе),
кандидат юридических наук, доцент

Уважаемые гости и коллеги!

Приветствую вас в Волгоградской академии МВД России на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе». Отрадно, что многие присутствующие уже неоднократно принимали участие в нашем ежегодном научно-представительском мероприятии, которое в этом году является одиннадцатым. Всего в работе конференции в разном формате принимают участие представители 36 учебных заведений, из них восемь иностранных вузов: Академия МВД Республики Таджикистан, Академия МВД Республики Узбекистан, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Алматинская академия МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова, Институт государства и права Академии наук Республики Узбекистан, Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, Могилевский институт МВД Республики Беларусь.

Следует отметить, что с каждым годом преступность становится все более масштабной, более изощренной. В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, что одним из безусловных приоритетов работы сотрудников нашего ведомства является борьба с преступлениями с использованием информационных технологий. Соответственно, подготовка сотрудников правоохранительных органов должна быть направлена на формирование профессионально грамотных специалистов, знающих современное законодательство, обладающих навыками эффективного противодействия любым, в том числе дистанционным, действиям злоумышленников, способностью вскрывать преступные схемы в информационном пространстве. Выпускники нашей академии реальными делами доказывают способность расследовать сложнейшие уголовные дела.

Искренне надеюсь, что те результаты, которые будут достигнуты участниками нашей конференции, помогут теоретикам по-новому взглянуть на многие, казалось бы, ранее известные и очевидные вопросы, открыть в них какие-то еще малоизученные грани, практикам – обозначить направления для дальнейшего развития их деятельности, а законодателю – наметить перспективы для последующей работы по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Желаю всем участникам конференции вдохновения, творческих успехов и плодотворного сотрудничества.

Анна Павловна Алексеева,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
Татьяна Валентиновна Анисимова,
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор филологических наук, профессор

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ УСИЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

7 декабря 2023 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был представлен Законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”))» (далее – Законопроект) [1]. С помощью сформулированных в нем поправок законодатель планирует сдерживать распространение в информационном пространстве деструктивного контента, транслирующего преступные действия, совершаемые с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для пострадавшего (так называемый «треш-стрим»).

Стрим (англ. stream) – это трансляция видеоизображений или аудиозвука в реальном времени через Интернет. Стриминг позволяет пользователям слушать музыку, смотреть игровые трансляции и другой контент непосредственно в момент их воспроизведения без необходимости скачивания файлов заранее [2].

В отличие от этого, треш-стрим – это стрим, во время которого стримеры, играющие в игры или проводящие другие мероприятия на стриминговых платформах, ведут себя очень эксцентрично, в крайних формах – деструктивно, совершая во время прямого эфира правонарушения. Такие стримы часто нацелены на привлечение большой аудитории зрителей за счет создания шокирующей атмосферы совершаемых действий [3].

По задумке законодателя новый квалифицирующий признак Законопроекта должен появиться в таких статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), как 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127.2. В качестве дополнительного наказания законодатель предлагает ввести «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», что позволит суду ограничивать преступникам доступ в Интернет.

Публичная демонстрация совершения других, кроме перечисленных, умышленных преступлений во время эфира должна стать отягчающим вину обстоятельством.

Действительно, публичное совершение преступлений, сопряженное с их демонстрацией через средства массовой информации или Интернет, усиливает их опасность для общества. Такие деяния не только нарушают права и свободы отдельных людей, но и угрожают общественной безопасности, общественному порядку, позволяя воспринимать преступное поведение как что-то допустимое и доступное для широкого круга лиц. Подобные трансляции часто просматриваются детьми и подростками, которые еще только формируют свои ценности и мировоззрение. Деструктивное воздействие на их сознание может создать у них впечатление о приемлемости демонстрируемых поступков, что уже не раз провоцировало начинающих стримеров на повторение эпатажных действий, совершенных популярными треш-стримерами в прямом эфире.

Подобная ситуация подчеркивает важность противодействия публичному продвижению преступной деятельности через средства массовой информации или Интернет. Демонстрация насилия может оказывать негативное воздействие на общество, провоцировать нарушение законности и правопорядка, нести потенциальную опасность для душевного состояния аудитории. Подобные контентные материалы могут дезориентировать зрителей, способствовать подрыву доверия к правоохранительным органам, которые не в состоянии вовремя остановить преступление, происходящее в прямом эфире. Рост популярности треш-стримеров среди их зрителей создает иллюзию оправданности совершения ими деструктивных действий, поскольку приводит в итоге к желаемому результату – увеличению числа подписчиков, доходов, получаемых от трансляции этих сюжетов. Создается обманчивое представление о нормальности подобного поведения, поскольку формируемая вокруг треш-стримиров аудитория, часто так же как и они сами не обладающая высокими нравственными качествами, поддерживает и стимулирует правонарушителей к новым съемкам.

В связи с этим важно с помощью нормативно-правового регулирования обеспечить безопасность использования медийных платформ, чтобы не допускать распространение негативного воздействия деструктивного поведения на общество.

Полагаем, что в свете научно-технического прогресса, постепенного внедрения новых технологий в жизнь общества, растущей популярности медийных платформ, транслируемая через них информация нуждается в повышенном контроле. Предложенные в Законопроекте изменения позволят более эффективно преследовать нарушителей за преступления, связанные с демонстрацией в эфире деструктивного поведения, а также обеспечить профилактическое воздействие уголовного законодательства для предупреждения подобных деяний.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)): проект Федерального за-

кона № 506240-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8 (дата обращения: 05.03.2024).

2. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ / Е. Н. Рахманова, А. Н. Берестова, П. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 137–143.

3. Антипов А. И. Криминализация преследования, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 27–31.

© Алексеева А. П., Анисимова Т. В., 2024

Дарья Владимировна Антонова,
следователь следственного отдела МВД России
в аэропорту Домодедово

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДРУГИМИ ЛИЦАМИ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ИЛИ ЛИЦОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Изучение истории по отмыванию денег и имущества, приобретенных преступным путем, помогает выявить общие тенденции, проанализировать используемые схемы и методы, а также определить уязвимость в системе противодействия указанным преступлениям и некоторые пробелы в законодательстве. Кроме того, историческая ретроспектива дает возможность извлечь уроки прошлых ошибок и разработать более эффективные стратегии борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, добытых преступных путем.

Исторический анализ позволяет выявлять новые методы отмывания денег, приспособиться к изменяющимся условиям и принимать проактивные меры для предотвращения преступлений. Поэтому в целях детального и всестороннего анализа такого сложного явления, как легализация (отмывание) доходов, добытых преступным путем, необходимо использование историко-реминисцентного [1, с. 38] подхода для исследования различных источников права, имеющих прямое либо косвенное отношение к рассматриваемому вопросу.

Мировое сообщество достигло определенного согласия по борьбе с названными преступлениями относительно недавно (в начале 70-х годов XX в.). Именно в этот период началось активное развитие экономических отношений, и государства осознали, что процесс интеграции преступных денежных средств и другого имущества в легальную экономику представляет серьезную угрозу, требующую эффективного противодействия. Борьба с незаконными экономическими отношениями требовала значительных временных и ресурсных затрат, что привело к задержкам во внедрении соответствующих норм. Хотя история правового регулирования ответственности за данный вид преступной деятельности началась в Новое время, ее корни уходят в историю человеческой цивилизации.

Отмывание имущества, доходов, добытых преступным путем, стало признанным преступлением сравнительно недавно, несмотря на его долгое историческое развитие. Как отмечает В. М. Алиев, даже во времена Римской республики (508–30 годы до н. э.) можно было обнаружить много примеров деяний, напоминающих легализацию незаконных материальных ценностей. Например, представители патрициев и верхних слоев среднего класса (всадничество) «мыли» свое имущество, добытое во время военных кампаний, включая самые ценные вещи, такие как золото, драгоценности и др., которые, хотя и должны были быть сданы в государственную казну,

оставались у них. Древние источники, дошедшие до наших дней, упоминают о присвоении и растрате общественного имущества, которое также должно было перейти в доход Римской республики. В случае нарушения этих правил предусматривалась смертельная казнь, хотя для воинов, как исключение, могло быть применено разжалование или увольнение с позором [2, с. 16].

В Средние века католическая церковь категорически запрещала ростовщичество, считая его не только преступлением, но и смертным грехом. Торговцы и ростовщики для скрытия факта взимания процентов по займам прибегали к различным уловкам, напоминающим легализацию (отмывание) преступных доходов. По заранее согласованному плану торговцы умышленно завышали обменный курс, чтобы включить в него выплату процентов, оправдывая это тем, что проценты по платежам являются видом премии за задержку или поздний платеж.

Кредитор и заемщик заранее сговаривались, что задержка в оплате была предположительно обусловлена. Иногда определенная сумма капитала предоставлялась под видом займа, чтобы затем вернуться назад как полученная прибыль, а не как проценты по кредиту, хотя на деле никакой прибыли не было. Известны случаи, когда проценты по платежам представлялись как доходы вымышленных коммерческих учреждений, которые на самом деле не занимались заявленной деятельностью.

Кроме того, в Средние века в Европе, включая Испанию, существовала практика продажи драгоценностей, добытых пиратским путем, что негативно сказывалось на экономике. Большое количество денег, поступивших в оборот, уменьшало стимул к развитию ремесел и промышленности. Аналогичная ситуация наблюдается в государствах, которые создают свои экономики на базе оффшорных зон. Такие страны обеспечивают наиболее благоприятные условия для «отмывания» денег, полученных преступным путем (например, через торговлю оружием, наркотиками, финансирование террористической, экстремистской деятельности). Это, в свою очередь, затрудняет нормальное функционирование других субъектов.

Механизм «отмывания» денежных средств можно проследить через преступные действия пиратов, которые в начале XVII в. облагали налогом морскую торговлю европейцев в Атлантике (как аналог оффшорных зон) и затем находили безопасные убежища или же использовали преступно полученные средства для выкупа у своей страны.

Термин «отмывание денег» стал обычным в XX в. и связан с сухим законом, принятым в США в 1920 г., который напрямую связан с деятельностью известного чикагского гангстера Аль Капоне, создавшего сеть прачечных для «отмывания» доходов от нелегальной торговли спиртным, чтобы преступные деньги приобрели вид законно заработанных. Еще одним примером «отмывания денег» является американский преступник Майер Лански, специализировавшийся на игорном бизнесе, который использовал коррумпированный режим на Кубе для перевозки преступных средств, заработанных на торговле наркотиками, оружием, проституции и вымогательстве, из Флориды в Гавану. Скрытые в швейцарских банках преступные капиталы возвращались обратно в США в виде легальной прибыли от зарубежных инвестиций [3, с. 215].

В разные исторические периоды существовали идентичные методы противодействия преступлениям, связанным с легализацией денежных средств или иного имущества. Российское государство постоянно развивает подходы в борьбе с финансовыми преступлениями в соответствии с вносимыми изменениями в законодательство, методами и способами совершения данных преступлений, а также с изменяющимися технологиями.

Таким образом, рассмотренный генезис преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или лицом в результате совершения им преступления, помогает отследить становление данных деяний, а также рассмотреть исторические обусловленности развития этого негативного явления.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Киров А. В. Уголовно-правовое противодействие легализации активов, приобретенных преступным путем: специальность: дис. автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Киров Андрей Валерьевич. М., 2022. 18 с.

2. Алиев В. М. Легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем. Уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. М.: Институт современного права, 2001. 235 с.

3. Шашкова А. В. Международная и национальная практика противодействия коррупции и отмыванию незаконных доходов: Практика корпоративного управления: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.

© Антонова Д. В., 2024

Максим Викторович Бавсун,
заместитель начальника Санкт-Петербургского университета
МВД России (по научной работе),
доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 78.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное уголовное законодательство в последнее время активно изменяется под влиянием условий отечественной и мировой действительности. Специальная военная операция и все, что с ней связано, например вопросы отношения к нам со стороны стран Запада, психологические проблемы отдельно взятого человека – участника такой операции – и др. Законодатель вынужден учитывать абсолютно все, находясь при этом в крайне сжатых временных рамках, реагируя на беспрецедентно широкий круг возникающих вопросов. Безусловно, одной из таких проблем является отношение государства к военнослужащим либо мобилизованным, совершившим преступления в период мобилизации или в условиях военного времени. Пределы уголовно-правового воздействия к такой категории граждан должны меняться в сторону сужения при обязательности сохранения баланса, исключающего саму возможность полной их безответственности.

Указанные обстоятельства поспособствовали включению в уголовный закон принципиально нового (специального) основания освобождения от уголовной ответственности. При этом нельзя не отметить, что, как и любое другое нововведение, ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), помимо своих позитивных аспектов, не лишена скрытых недостатков и противоречий, а некоторые из них имеют если не методологический, то как минимум спорный характер.

Во-первых, обращает на себя внимание перечень преступлений, исключающих возможность освобождения от уголовной ответственности по данному основанию. Законодатель в рамках ч. 1 ст. 78.1 УК РФ дает возможность избежать уголовной ответственности тем, кто совершил преступления, посягающие на половую свободу как потерпевшей, так и потерпевшего (за исключением п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, а также ч. 5 ст. 131 УК РФ и п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132 УК РФ). Сам факт возможности освобождения виновного от тягот и лишений за такие преступления, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера не может не вызывать вопросов, даже с учетом субъекта совершения преступлений подобного рода и времени (военного) его совершения. Дело не в личности виновного (его статусе), а в общественной опасности объективной стороны `им выполняемой, а также аморальности самого поступка. Следует согласиться, что оба преступления, предусмотренные перечисленными составами, далеки от оправдательных мотивов как с точки зрения морали, так и с позиции общественной опасности тех деяний, которые ими предусмотрены. Отсюда вполне логичным является вопрос относительно необходимости проявления лояльности законодателя на таком уровне по отношению к тем,

кто занимает некий особый статус. В данном случае это любое лицо имеющее отношение к процессам мобилизации, призыву на военную службу и заключением контракта о прохождении военной службы (либо ее прохождением) в период военного времени. Есть обоснованные сомнения, что события подобного рода могут оказать настолько необратимые последствия на психику потенциального виновного, чтобы он был бы способен совершить преступления данной направленности. Между тем такая причинная связь должна быть обязательной, иначе сама постановка вопроса об исключении репрессии становится как минимум голословной, а принятое решение необоснованным. Представляется, что найти такую причинную связь применительно к данному случаю вряд ли возможно. Ее попросту нет, а сам факт совершения посягательств подобного рода уже указывает на низменные качества лица, способного на такой акт насилия.

Принятое нововведение вызывает много вопросов на фоне демонстрируемой государством, начиная с 2009 г., крайне жесткой позиции к лицам, признанным виновными в совершении посягательств подобного рода. Проведение специальной военной операции и сам факт военного противостояния имеют крайне важное значение для корректировки уголовной репрессии, в том числе и в сторону ее смягчения. Однако такая корректировка не может выходить за пределы общего вектора государственной уголовной политики, особенно когда речь идет об одной и той же группе общественно опасных посягательств.

Во-вторых, не может не вызывать вопрос, отмеченный в ч. 2 ст. 78.1 УК РФ, статус лица (включая пределы его полномочий), на которого возлагается контроль за данной категорией лиц, а это – командование воинской части (учреждения). Названная категория лиц в УК РФ указывается в единственном месте, а именно в ч. 6 ст. 73 УК РФ, более не имея своих аналогов в иных институтах уголовного права. Вместе с тем условное осуждение есть не что иное, как осуждение, хотя и условное. Соответственно ч. 6 ст. 73 УК РФ относится исключительно к осуждению, а никак не к освобождению от него. Институт освобождения от наказания для данного института пока что требует как минимум ведомственного нормативного правового регулирования. Что характерно и для ведомственного регулирования, введенное в УК РФ изменение пока что остается за пределами его предмета. В частности, речь идет о приказе Министерства обороны Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 680 «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» [1]. Название приказа уже указывает на невозможность регулирования в нем вопросов освобождения от наказания, имеющих совершенно иную правовую природу, а соответственно и специфику решения.

Вопросов в связи с особенностями контроля лиц, освобожденных от уголовной ответственности (и наказания в случае со ст. 80.2 УК РФ) существует достаточно много. Вопросы эти принципиально разные, и говорить, что формальное изменение наименование приказа Министерства обороны с минимальной его корректировкой решит проблему, нельзя. Речь идет о принципиально новом явлении, требующем новых подходов для его правового регулирования, в том числе на ведомственном уровне, необходимом для нормального функционирования мер по контролю за лицами данной категории.

В-третьих, требует осмысления следующая из предыдущего аспекта проблема, нашедшая свое проявление в другом нововведении – в ч. 4 ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где речь ведется о взаимодействии командира воинской части с указанными в норме службами. Согласно ее содержанию «порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов (органов дознания) по вопросам прекращения уголовного преследования в связи с прохождением подозреваемым или обвиняемым военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время определяется совместными решениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования».

Такая формулировка вызывает много вопросов. Среди них, в первую очередь, обращает на себя внимание используемый законодателем термин «прекращение уголовного преследования», в то время как согласно ч. 1 ст. 78.1 УК РФ речь идет об освобождении от уголовной ответственности, что происходит на более ранней стадии, чем прекращение. Следует также понимать, что как освобождение, так и прекращение не что иное, как не реабилитирующие основания освобождения от репрессии, а соответственно учет такой категории лиц, возможно, контроль за ними, объем полномочий и ответственности тех, кто их осуществляет (командиров воинских частей), должны быть четко регламентированы («возможности режима»). В свою очередь, могут возникать вопросы, связанные с должностными обязанностями этих субъектов правоотношений, которые имеют четкие пределы и далеко не всегда могут за них выходить, особенно с учетом несвойственности новых функций. Законодатель, ранее уже наделив командиров воинских частей полномочиями подобного рода, последними изменениями в уголовный и уголовно-процессуальный закон их расширил. Осталось понять не только пределы этого расширения, но и наличие самой возможности фактически, а не формально реализовывать новые функции, оставаясь при этом в пределах начала законности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими : приказ Министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71442470/ (дата обращения: 06.04.2024).

2. Манинников, Д. Ю. Средства исправительного воздействия при исполнении условного осуждения в отношении военнослужащих // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.04.2024).

© Бавсун М. В., 2024

Ахмед Магомедович Басханов,
преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В науке уголовного права вопросы регламентации ответственности за укрывательство преступлений приобретают особую актуальность. Это связано с ростом числа преступлений и необходимостью обеспечения законности и правопорядка.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) хоть и закреплена норма, устанавливающая ответственность за укрывательство преступлений, тем не менее она имеет свои законодательные пробелы. Подобная норма практически во все времена была отражена в правовых памятниках. Несмотря на это некоторые правоведы ставили под сомнение необходимость ее существования. Так, В. Спасович при характеристике заранее не обещанного укрывательства преступлений отмечал, что это «самостоятельное преступление до того видоизменяется от свойства руководивших преступником мотивов, что иногда сомнительно считать ли его преступным и запрещать ли его или нет (сострадание, дружба, родство)» [1, с. 165].

Вопрос о необходимости существования данной нормы среди ученых дискуссии не вызывает. В связи с последними изменениями, внесенными в ст. 316 УК РФ, в частности дополнения статьи ответственностью за укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, возникает вопрос: стоит ли наказывать за укрывательство преступлений небольшой или средней тяжести? На этот вопрос нет однозначных ответов.

Н. Полетаев, рассуждая о сущности прикосновенности к преступлению, пришел к выводу, что многие прикосновенные деяния не должны быть уголовно наказуемыми, а должны быть «помещены в кодекс полицейских проступков» [2, с. 44].

В. А. Пономаренко предлагал установить ответственность за укрывательство всех категорий преступлений [3, с. 144]. Полагаем, что данная позиция не совсем отвечает требованиям принципа гуманизма. Это может породить необоснованное количество осужденных. Введение уголовной ответственности за укрывательство преступлений небольшой или средней тяжести может оказаться не только излишним, но и контрпродуктивным. В целях эффективной работы правовой системы необходимо сконцентрироваться на более серьезных преступлениях, которые представляют угрозу общественной безопасности и порядку. Подобные усилия следует направить на предотвращение и расследование тяжких преступлений, что обеспечит более эффективное использование ресурсов правоохранительных органов и судебной системы. Вместо того чтобы растрачивать усилия на мелкие нарушения, важно обращать внимание на проблемы, имеющие наибольшее влияние на общество и его безопасность.

Нужно учитывать нравственную составляющую. Современное российское уголовное законодательство должно отражать не только стремление к наказанию, но и иерархию общественных ценностей. Уголовное преследование за мелкое правонарушение может привести к избыточной строгости и даже нанести ущерб доверию к справедливости системы. Поэтому важно сохранить баланс между справедливостью и пропорциональностью в нашем уголовном законодательстве, уделяя основное внимание серьезным преступлениям, которые имеют значительную об-ще-ственную опасность.

Укрывательство преступлений небольшой или средней тяжести целесообразнее всего отнести к административным правонарушениям ввиду незначительной общественной опасности данного деяния. В рамках ежегодного послания парламенту Президент России В. В. Путин выступил с инициативой о декриминализации некоторых статей УК РФ и предлагал перевести преступления, представляющие небольшую общественную опасность, в разряд административных правонарушений. Обосновывая сказанное, Глава государства отметил, что «закон должен быть гуманен к тем, кто оступился». Президент подчеркнул, что «человек, в том числе молодой, попадает в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на его дальнейшей судьбе. И нередко приводят к последующей судимости» [4]. Так и в нашем случае: закон должен быть гуманен.

Решая вопрос о совершенствовании нормы об укрывательстве преступлений в целях реализации принципа справедливости и гуманизма, мы полагаем, что целесообразней всего закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях норму, предусматривающую ответственность за укрывательство преступлений небольшой или средней тяжести.

Таким образом, предлагается следующая редакция статьи об укрывательстве преступлений, которую необходимо поместить в «Главу 19. Административные правонарушения против порядка управления»: «Ст. 19.14 Укрывательство преступлений. Заранее не обещанное укрывательство преступлений небольшой или средней тяжести наказывается...»

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 178 с.

2. Полетаев Н. А. Прикосновенность к преступлению // Журнал Министерства Юстиции. 1862. Т. XIV. С. 45.

3. Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Пономаренко Елена Валерьевна. Саратов, 2007. 229 с.

4. Путин: закон должен быть гуманен к тем, кто оступился // Межгосударственная телерадиокомания «мир»: [сайт]. URL: https://mir24.tv/news/13606504/putin-zakon-dolzhen-byt-gumanen-k-tem-ktoostupilsya (дата обращения: 20.04.2024).

© Басханов А. М., 2024

Маргарита Владимировна Бобровская,
адъюнкт 2 курса факультета подготовки
педагогических и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОФИЛАКТИКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Профессия врача и медицинского работника относится к числу благородных профессий наряду с учителем и спасателем [1], что предопределяет особые требования к нравственной составляющей личности ее представителей. Помимо того медицинская деятельность имеет ярко выраженный гуманистический характер, что хоть и не исключает возможность совершения медиками преступлений, но накладывает определенные моральные ограничения на членов медицинского сообщества.

Среди преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности, традиционно преобладают преступления с неосторожной формой вины [2], что закономерно связано со спецификой профессии. Профессиональная деятельность медиков находится в тесном соприкосновении с жизнью и здоровьем людей, а потому любая незначительная на первый взгляд оплошность может привести к неблагоприятным последствиям. Это определяет факт того, что при рассмотрении проблемы предупреждения преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности, следует уделять внимание деяниям с неосторожной формой вины, посягающим на жизнь и здоровье человека, как наиболее распространенным и вероятным.

Среди причин, обуславливающих преступное поведение медицинских работников, традиционно выделяют проблемы ресурсного обеспечения здравоохранения – нехватка кадров и недостаточный уровень финансирования со стороны государства. Это отмечено в работах П. Г. Габай [3, с. 12], Е. К. Сенокосовой [4, с. 126], Н. А. Огнерубова [5] и Е. В. Червонных [6, с. 19], что отражает уровень криминальной пораженности медицинского сообщества.

А. Е. Брусиловский и А. М. Левин пишут, что большинство медицинских ошибок имеют психологический характер [7, с. 24]. Это может быть связано как с профнепригодностью работника, так и с общим угнетением его психофизиологического состояния, вызванным вышеуказанными факторами. При этом А. Е. Брусиловский и А. М. Левин указывают на необходимость оптимизации труда и отдыха медицинских работников и наблюдение за их душевным состоянием, особенно в период проведения ими оперативных вмешательств [7, с. 22]. К необходимости совершенствования норм, регулирующих режим труда и, следовательно, рабочую нагрузку, обращается П. Г. Габай [3, с. 15], в том числе указывая на факт высокой распространенности профессионального выгорания среди медицинских работников [8], наличие которого ведет к деформации модели профессионального поведения, заключающегося в деградации нравственных качеств специалиста и в некоторых случаях излишней самоуве-

ренности, возникающей с ростом профессионального стажа на фоне монотон-ности повседневной деятельности. Данное утверждение подтверждается при анализе статистики, приводимым В. А. Клевно, что позволет установить прямую зависимость между стажем работы медицинского работника и фактами ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей в виде нарушения инструкций или в результате небрежности или самоуверенности [9, с. 85].

Все указанные факторы в совокупности обуславливают высокий уровень неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.

В вопросе предупреждения данного вида преступности, учитывая его специфические черты (прежде всего отсутствие возможности воспрепятствования конкретному преступлению), большое значение имеют меры профилактического характера, в том числе общесоциальные меры предупреждения, к которым, как указывает Ю. А. Воронин, относится и развитие научно-технического прогресса в области техники безопасности [10]. Это положение созвучно с мнением А. Е. Брусиловского и А. М. Левина, которые считают, что ошибки (дефекты) медицинской деятельности часто имеют технический характер и происходят по причине пренебрежительного или невнимательного отношения медицинских работников к установленным инструкциям и правилам поведения при работе с лекарственными средствами [7, с. 25].

Из этого следует, что профилактика имеет ведущее значение в предупреждении преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности. Кроме того, наибольшее внимание должно уделяться мерам, направленным на формирование у медицинских работников профессионально значимых качеств, таких как внимательность, стрессоустойчивость и неравнодушие к выбранному роду деятельности.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Россияне назвали самые благородные профессии // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6197af0d9a794744321e8d36 (дата обращения 20.02.2024).

2. Согласно сведениям, представленным в аналитическом обзоре СПС «Гарант», в период с 2017 по 2021 г. наиболее часто в отношении медицинских работников возбуждались уголовные дела по ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 238 УК РФ, ч. 2 ст. 293 УК РФ. При этом количество уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 109 УК РФ составляет около 75 % от общего числа случаев // Гарант: информ.-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/article/1626099/ (дата обращения 20.02.2024).

3. Габай П. Г. Предупреждение неосторожной преступности при оказании медицинской помощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Габай Полина Георгиевна. М., 2021. 33 с.

4. Сенокосова Е. К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сенокосова Екатерина Константиновна. Омск, 2018. 234 с.

5. Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Огнерубов Николай Константинович. М., 2014. 31 с.

6. Червонных Е. В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Черевонных Елена Валерьевна. Саратов, 2009. 22 с.

7. Медицинские ошибки по судебным материалам / А. Е. Брусиловский, А. М. Левин. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1930. 119 с.

8. Шамардина Л. По результатам исследования ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава России медицинского персонала Томской области менее 1% специалистов не имеют выгорания, а остальные в той или мере подвержены ему // Медвестник: [сайт]. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Terapevty-stali-samoi-vygorevshei-vrachebnoi-specialnostu.html (дата обращения: 04.03.2024).

9. Мониторинг дефектов оказания медицинской помощи по материалам бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области в 2018 году: ежегодный доклад / В. А. Клевно, О. В. Веселкина, Ю. В. Сидорович; под ред. проф. В. А. Клевно. М.: Ассоц. судебно-мед. экспертов 2018. 169 с.

10. Воронин Ю. А. Неосторожная преступность: современные тенденции и проблемы предупреждения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 10–16.

© Бобровская М. В., 2024

Наталья Николаевна Бугера,
начальник кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА

Производственные процессы – это проявление индустриализации общества, первые результаты научно-технического прогресса, создавались как итог эволюционного развития человечества и связаны прежде всего с цеховым производством в городах, которое возникло в Средние века в Европе. Заводское и фабричное производство появилось в России гораздо позже, чем в развитых зарубежных странах, соответственно вопрос об охране здоровья и жизни трудящихся возник достаточно поздно. Современное производство, технологические процессы и т. д. существенно продвинулись в деле обеспечения безопасности и минимизации негативного воздействия на организм человека, но случаи травматизма на производстве продолжают фиксироваться, иногда даже со смертельным исходом. Не всегда это является результатом преступного поведения ответственных за обеспечение безопасности и охрану труда должностных лиц, именно поэтому статистика производственного травматизма и статистика привлечения к ответственности по ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не совпадает.

В отличие от гражданско-правовых отношений в трудовых отношениях работодатель обязан обеспечить надлежащие условия труда. Работодатель должен обеспечить уже уставленный в конкретном нормативном акте режим безопасности, а работник должен в свою очередь быть уведомлен об определенных правилах безопасности (по форме – это инструктаж по технике безопасности с фиксаций в документе, что он пройден), и обязан соблюдать эти правила в своей трудовой деятельности. Охрана труда включает и технические аспекты, т. е. производственные процессы должны осуществлять в безопасном режиме (оптимальный температурный режим, отсутствие вредных выбросов в воздух, различные ограждения, механические приспособления, препятствующие попаданию человека в опасные зоны и т. д.). В каждом производстве есть своя специфика обеспечения безопасных условий труда.

Необеспечение установленного режима охраны и безопасности труда со стороны работодателя автоматически является реальной угрозой для жизни и здоровья работников. Получается, что работник фактически находится в зависимости от работодателя, так как подчинен ему в рамках трудовых отношений. На это обстоятельство указывают суды при квалификации деяния и вынесении соответствующих приговоров [1; 2].

Статья 143 УК РФ является бланкетной, и для правильной квалификации необходимо выяснить, какие именно требования охраны труда были нарушены. Соответствующий правовой режим охраны труда регулируется в Трудовом кодексе РФ [3,

с. 95], а также целым рядом отраслевых нормативных подзаконных актов, в которых такие правила детализированы и отражена специфика охранных мероприятий для определенной хозяйственной деятельности.

Установление причинной связи в преступлении, предусмотренной ст. 143 УК РФ, крайне сложно, так как между деянием субъекта, связанным с его трудовыми функциями и последствием в виде смерти человека либо причинения тяжкого вреда здоровью необходимо установить целую цепочку событий, факторов, условий и т. д.

Так, к ответственности по ч. 2 ст. 143 УК РФ был привлечен Я., который занимал должность производителя работ ООО «Управление по строительству искусственных сооружений». В соответствии с приказом директора ООО «УСИС» № 75–П от 11 марта 2021 г. ответственным за охрану труда и технику безопасности, охрану окружающей среды на участке, соблюдение противопожарных норм, правил внутреннего распорядка, за обеспечением безопасности дорожного движения при производстве работ, а также безопасное производство работ кранами назначен производитель работ Я.

Трудовая деятельность осуществлялась вахтовым методом для временного вахтового городка строителей ООО «УСИС», ответственность за противопожарное состояние, своевременное выполнение мероприятий по пожарной безопасности, содержание в исправном состоянии и пригодности к применению средств пожаротушения возлагается на ответственного по пожарной безопасности временного вахтового городка строителей, которым является производитель работ Я. В соответствие с инструкцией производитель работ Я. обязан обеспечить соблюдение установленного противопожарного режима, следить за содержанием путей эвакуации, исправностью приборов отопления, вентиляции, принимать меры к устранению обнаруженных неисправностей, которые могут привести к пожару, организовывать и проводить противопожарный инструктаж проживающих (каждый раз перед их заселением в комнаты).

В бытовых вагончиках рабочие использовали плитку со стационарным газовым баллоном, и Я. достоверно об этом. В одну ночей в вагончике произошло возгорание, причиной которого послужил механизм воспламенения газо-воздушной смеси в результате реализации во времени и пространстве одного из источников зажигания, а именно потенциала электрического или искрового разряда в пускорегулирующей аппаратуре электросистемы холодильника либо от открытого пламени спички или зажигалки, а также фрикционной искры (зажигалки) в процессе прикуривания табачного изделия. В результате возгорания монтажник по монтажу стальных и железобетонных конструкций ООО «УСИС» Ч. получил термические ожоги головы, шеи, туловища и конечностей 2–3 степени 51 % от общей поверхности тела, что стало причиной его смерти.

Указанные повреждения, повлекшие смерть Ч., явились следствием несоблюдения обязанностей по охране труда производителем работ ООО «УСИС» Я. [4].

В другом случае в суде рассматривалось дело по обвинению В. по ч. 2 ст. 143 УК РФ. Было установлено, что В. является директором ООО, на которого возложена ответственность организации охраны труда при осуществлении работ на мостовом переходе через реку Волга (Президентский мост) по проверке состояния металлоконструкций пролетных строений с использованием смотровых агрегатов.

По мнению следствия, В. нарушил требования нормативно-правовых актов, допустив Ф. (монтажника по монтажу стальных и железобетонных конструкций 5 разряда) к выполнению работ на высоте – осмотру металлических конструкций пролетных строений моста от опоры № 19 до опоры № 15, – не проконтролировал использование последним страховочной привязи (предохранительного пояса с фалом) и не обеспечил соблюдение требований охраны труда. Через определенное время монтажник перестал отвечать на звонки и было выдвинуто предположение, что он сорвался с моста, спустя три дня его труп обнаружили спасатели в Волге. Свидетелей происшедшего события не было, как и не было точно установлено место, откуда потерпевший упал в реку. Даже выводы судебно-медицинской экспертизы о причинах и обстоятельствах смерти были противоречивые.

Суд, исходя из исследованных в судебном заседании доказательств, установил, что В. действительно был ответственным за обеспечение и соблюдение безопасных условий и охраны труда в данной организации. Вместе с тем бесспорных доказательств, свидетельствующих, что именно действия В. повлекли наступление смерти Ф. и находятся с ней в прямой причинно-следственной связи стороной обвинения не представлено. Суд не установил, что действия В. не были основной и единственной причиной наступления указанных последствий, в связи с чем невозможно сделать вывод о его виновности в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ.

Стороной обвинения не опровергнута версия, что смерть потерпевшего могла наступить в результате нарушения техники безопасности при производстве работ самим потерпевшим. Один лишь факт того, что В. был руководителем ООО и в этой связи являлся ответственным за соблюдение техники безопасности на данном участке работы, не является безусловным основанием, подтверждающим его виновность в инкриминируемом преступлении. В данном деле не была установлена причинно-следственная связь между деянием работодателя и последствием в виде смерти монтажника. Суд вынес оправдательный приговор в отношении В. [5].

Таким образом, обнаружение причинно-следственной связи представляет сложность в процессе квалификации деяния, предусмотренного ст. 143 УК РФ. Поскольку смерть потерпевшего может возникнуть не из-за нарушений требований охраны труда, а из-за действий, совершенных по неосторожности, работы на неисправном оборудовании и др. По рассматриваемой статье УК РФ часто выносятся обвинительные решения суда, и лишь в связи с отсутствием состава преступления выносятся оправдательные приговоры.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2624/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/211xw4G60FkWm/?page (дата обращения: 15.04.2024).

2. Приговор Промышленного районного суда г. Курска от 8 июля 2020 г. по делу № 2-1238/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/911xw8G101FkWm/?page (дата обращения: 15.04.2024).

3. К вопросу об уголовно-правовой ответственности за нарушение требований охраны труда / Е. А. Зорина, А. А. Медведева, М. М. Трапезникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 93–99.

4. Приговор Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 13 сентября 2023 г. по делу № 1-343/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/01xw4G62FkWm/?page (дата обращения: 15.04.2024).

5. Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 26 июля 2021 г. по делу № 1-329/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0xgfSAXroHY1/?page (дата обращения: 15.04.2024).

© Бугера Н. Н., 2024

Сергей Юрьевич Бытко,
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

КРИМИНОГЕННОСТЬ БЮРОКРАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Бюрократический аппарат является неотъемлемой частью государства, реализуя функцию передачи управленческого воздействия от вышестоящих органов власти нижестоящим. Криминологический интерес является бюрократической дисфункцией, т. е. «отдалением реально существующей бюрократической организации от ее идеального типа» [1]. Далее для именования этой дисфункции будет применяться термин «бюрократизация» – процесс, характеризующийся ростом численности служащих, уровней иерархии, узкой специализацией функций, усложнением формальной регламентации деятельности [2].

Согласно М. Веберу бюрократический аппарат должен быть отчужден от результатов своей деятельности [1], что является гарантией его непредвзятости. Вместе с тем отчужденность порождает ряд негативных последствий. Прежде всего, в силу отчужденности для бюрократического аппарата на первое место выходит не реальное состояние объекта управления, а соблюдение бюрократической процедуры, которая непосредственно входит в зону ответственности бюрократа. Эта особенность порождает ряд последствий, имеющих криминогенное значение.

Первое состоит в том, что бюрократический аппарат всегда стремится к расширению и усложнению своей структуры. Это обеспечивает формирование карьерных лифтов, рост финансирования, должностных окладов, статуса, влияния. Обратной стороной этого процесса является увеличение бюрократической нагрузки на подчиненные учреждения, проявляющееся в росте числа отчетов, совещаний, переписки. При этом обязанности по выполнению основной нагрузки сохраняются. Это приводит к систематическим переработкам, снижению эффективности деятельности. Только за 2015 г. документооборот аппарата уголовного розыска УМВД России по Астраханской области увеличился на 20,4 % [3]. У 96 % сотрудников рабочий день длится более 8 ч.: у 22 % обычно до 10 ч. включительно, у 36 % – до 12 ч., у 38 % – более 12 ч. Каждый третий сотрудник выходит на работу в период отпуска, 49 % выходят время от времени. В общей сложности это 82 %. Отгулы и денежные выплаты за переработку, как правило, не предоставляются [4].

Аналогичная ситуация и в других сферах. Согласно данным социологического исследования работники местных администраций отмечают значительный уровень нагрузки, связанной с обеспечением бюрократических процедур и оценивают эту нагрузку как явно чрезмерную. Более двух третей сотрудников уверены, что подобных мероприятий проводится намного больше, чем следовало бы [5].

Высокая загруженность наблюдается и в сфере образования – заполнение отчетов не оставляет времени и сил для выполнения учителями обязанностей по обучению и воспитанию. Опрошенные автором учителя говорят, что большая часть документации не нужна педагогу, но ведется только для проверяющих органов. Один

из них привел пример, когда после самоубийства школьника органы прокуратуры начали проверку организации воспитательного процесса, состоящую в изучении журнала, в котором отмечались проведенные беседы с учениками. Фактическое состояние дел никого не заинтересовало.

Отвлечение времени и сил на обслуживание бюрократического аппарата в совокупности с невозможностью выделить достаточное время на исполнение основных обязанностей приводят к психологическому выгоранию сотрудников низовых подразделений, деформации базовых представлений о должном поведении, размыванию профессионального ядра и снижению общего уровня профессионализма. Это является благодатной почвой для распространения должностных преступлений, коррупции, халатности и т. д.

Снижение качества управления, выступающее закономерным следствием бюрократизации, вынуждает бюрократию принимать защитные меры, чтобы исключить применение в отношении себя мер воздействия со стороны вышестоящих органов. К числу таких мер следует относить искажения отчетности, передачу высшим инстанциям не соответствующую действительности информацию о состоянии дел, скрывать ее. Н. А. Лопашенко, исследовавшая данные о количестве заявлений о совершенных преступлениях, указывает, что с 2007 по 2012 г. наблюдался непрерывный рост их числа (+254 % за этот период), в то время как количество зарегистрированных преступлений за это же время снизилось на 4 %. С 2013 г. подобные данные публиковаться перестали. Как предполагает исследователь, вероятная причина этого связана со стремлением избежать неудобных вопросов относительно подобного положения дел [6].

Сокрытие, приукрашивание и искажение управленческой информации образуют своего рода коллективный заговор представителей бюрократического аппарата путем вовлечения в этот процесс представителей различных звеньев органов управления и являются условием для различного рода злоупотреблений, приписок, хищений, коррупционных преступлений и т. п.

На этом фоне создается специфический способ управления подчиненными подразделениями на основе так называемых критериев эффективности деятельности.

Здесь существует несколько проблемных вопросов. Прежде всего, критерии эффективности могут быть не связаны с фактическим состоянием дел. Например, в системе высшего образования одним из критериев эффективности являются показатели публикационной активности преподавателя (например, индекс цитирования, количество публикаций в журналах, входящих в перечень ВАК, а до недавнего времени – в SCOPUS или Web of Science и др.). При этом требуемое количество публикаций для рейтинга определяется произвольно, без учета фактической нагрузки на преподавателя, качества публикуемых статей, реальной потребности в опубликовании соответствующих материалов и т. д. То есть имеет место движение ради движения. В итоге вместо стимулирования научной деятельности подобная система стимулирует вал низкокачественных публикаций, захлестывающих научное сообщество. Реальной возможности изучить и вычленить действительно необходимую, важную и уникальную информацию становится все меньше.

Аналогичная ситуация складывается и в правоохранительной системе, когда в погоне за необходимыми показателями сотрудники правоохранительных органов вместо выполнения необходимых действий, вынуждены «поднимать отчетность». Например, в проведенном автором опросе сотрудников органов прокуратуры многие из опрошенных сказали, что вместо реагирования на заявления граждан они вынуждены писать акты прокурорского реагирования, чтобы обеспечить показатели работы не хуже, чем в аналогичный период прошлого года (АППГ) [7].

Показатели эффективности, как уже говорилось выше, формируются произвольно, произвольным же образом они интерпретируются и изменяются. Возникает непрозрачная ситуация, когда руководство имеет возможность любого сотрудника подчиненного подразделения признать неэффективным с соответствующими организационными выводами. Отсюда возникает такое неприятное последствие, как неформальная зависимость подчиненных, вынужденных всячески лавировать, избегая служебных неприятностей. При возникновении коллизий между обязанностью выполнить служебный долг и обеспечить отчетность (или выполнить неправомерное распоряжение вышестоящего руководителя) подчиненные всегда выбирают последнее. Р. Г. Искалиев, исследовавший личность налоговых преступников, установил, что во многих случаях встроенность в систему управления в системе ценностей стоит выше соблюдения закона [8].

В ходе проведенного анкетирования все дознаватели и следователи, заявившие, что подвергались непроцессуальному воздействию со стороны непосредственного руководства относительно расследования уголовных дел, показали, что подчинились такому воздействию [7].

Подобная система оценки деятельности оказывает разрушительное воздействие на состояние морали и нравственности в подчиненных коллективах, подпитывает разнообразные нарушения законности.

Сказанное выше не является исчерпывающим описанием криминогенных свойств бюрократизации. Сюда можно было бы отнести проблемы формирования бюрократического аппарата, сопряженные с ограничением демократических процессов и повышением роли кооптации в пополнении рядов управленцев, возникновение собственного группового интереса у бюрократии, часто выступающей в качестве конкурента высшей политической власти в стране, размывание ответственности в бюрократических структурах, нарушение конституционного положения о народе как носителе государственной власти и отчуждение населения от нее, порождающее экстремистские настроения, роль и эффективность различных кодексов профессиональной этики, выступающих в качестве эрзацев традиционной морали и т. д.

Однако даже изложенный материал позволяет сделать вывод, что бюрократизация управленческих процессов заслуживает самостоятельного научного анализа. Здесь научный интерес представляют общие для всех управленческих структур закономерности развития, роль бюрократических процедур в системе причин и условий всей преступности и отдельных ее видов, способы ограничения и предотвращение нежелательных процессов усиления бюрократизации и т. д.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Альпидовская М. Л. Концепция рациональной бюрократии индустриального общества // Вестник Фин. акад. 2007. № 2. С. 82–89.

2. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/183/БЮРОКРАТИЗАЦИЯ (дата обращения: 30.08.2023).

3. К вопросу о документообороте в деятельности подразделений уголовного розыска МВД России (на примере УМВД России по Астраханской области) / Ю. С. Чичерин, Л. Ю. Коваленко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2331–2335.

4. Тимко С. А. Факторы эмоционального выгорания сотрудника ОВД: результаты эмпирического исследования // Психологические и педагогические проблемы в профессиональной деятельности: традиции и тенденции: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 2022 г.). Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 54–58.

5. Иваненко И. Н. Социокультурные аспекты бюрократического феномена в России (на примере местного самоуправления) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1. С. 147–154.

6. Лопашенко Н. А. О тенденциях преступности, судимости, уголовного законотворчества в России на современном этапе и о соответствии указанных тенденций друг другу // Человек и право – XXI век. 2023. Вып. 2. С. 7–17.

7. Бытко С. Ю. Непроцессуальное воздействие на лиц, осуществляющих предварительное расследование, как одна из причин обвинительного уклона в правосудии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 32–36.

8. Искалиев Р. Г. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Искалиев Равиль Гарифуллаевич. Саратов, 2014. 198 с.

© Бытко С. Ю., 2024

Владимир Георгиевич Волколупов,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук
Александр Сергеевич Сенцов,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
кандидат юридических наук, доцент
Валентина Александровна Волколупова,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМ ВМЕНЯЕМОСТИ

В последние годы все больший интерес у специалистов вызывают вопросы, связанные с особенностями личности преступника, имеющего отклонения в психике. Это обусловлено разными причинами. Так, по экспертным оценкам психиатров в Российской Федерации к началу XXI в. число лиц, страдающих различными психоневрологическими расстройствами, составляло от 7 до 26 % от общего числа населения [1, с. 69]. Криминологи указывают, что в «общей массе преступников количество лиц, признанных ограниченно вменяемыми, составляет от 20 до 50–60 %» [2, с. 138].

В соответствии с ч. 1 ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности».

В статье 21 УК РФ перечислены конкретные виды психических расстройств, при наличии любого из которых будет иметь место медицинский критерий невменяемости, а именно: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики. В отличие от приведенного легального перечня соответствующих состояний психики при невменяемости, в ч. 1 ст. 22 УК РФ законодатель обобщил все в одном термине «психическое

расстройство» без конкретизации их существующих разновидностей. Таким образом, содержание медицинского критерия ограниченной вменяемости законодателем не конкретизируется. По мнению специалистов, оно включает в себя большинство перечисленных в ст. 21 УК РФ заболеваний психики, но в более легкой форме, нежели при состоянии невменяемости. В данном случае речь идет о так называемых психических аномалиях.

В специальной литературе понятие «психические аномалии» определяется как «расстройства психической деятельности, которые не достигли болезненного, психотического уровня, но которые ввиду определенных личностных изменений ограничивают способность индивида осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения или руководить своим поведением» [3, с. 75].

В уголовно-правовой доктрине и судебной психиатрии имеются несколько классификаций состояний психики, при которых аномальный субъект не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения преступления [4, с. 89], в частности выделяют такие их разновидности, как:

«1) группа эндогенных расстройств (шизофрения, эпилепсия в стадии дебюта или стойкой ремиссии и др.);

2) экзогенные психические заболевания, возникновение которых связано с воздействием внешних факторов (например, органическое заболевание головного мозга, отдаленные последствия черепно-мозговых травм);

3) сосудистые нарушения с психическими изменениями. Это может вызывать такие состояния, как нерешительность, депрессия, раздраженность и т. д.;

4) инфекционные поражения (например, поражение головного мозга вследствие энцефалита);

5) зависимость от психоактивных веществ (алкоголизм, наркомания, токсикомания и пр.);

6) состояния, обусловленные патологией развития (психопатии, олигофрении в степени легкой дебильности и т. п.)» [5, с. 76].

Так, «из числа освидетельствованных в 2016 г. ограниченно вменяемыми (ст. 22 УК РФ) были признаны 3 918 человек. Их нозологический состав:

37,5 % – органические психические расстройства;

38,6 % – умственная отсталость;

9,8 % – шизофрения;

5,9 % – расстройства личности.

Частота признания подэкспертных ограниченно вменяемыми у больных шизофренией составила 6,2 %, у лиц с органическими психическими расстройствами – 5,2 %, с умственной отсталостью – 4,8 %» [6, с. 12].

Факт установления у лица одного из перечисленных психических расстройств сам по себе не исключает вывода судебного эксперта-психиатра, что такой человек хоть и не в полной мере, но осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководит ими. При той или иной степени поражения психики человека происходит личностное изменение, которое может возникнуть у лица при совершении преступления. Это может быть следствием каких-

либо заболеваний или посттравматических состояний, также это может быть вызвано состоянием хронического алкоголизма или наркоманией.

Но суд не может руководствоваться одним лишь медицинским критерием для того, чтобы признать человека ограниченно вменяемым необходимо установить и наличие юридического (психологического) критерия. В статье 22 УК РФ он обозначен следующим образом: лицо «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Например, суд указал, что «врожденное малоумие Т.А.С. не исключает вменяемости подсудимого, но ограничивает его возможности по верному выбору цели, прогнозированию последствий своих действий, в результате чего во время совершения правонарушения он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими» [7].

Следовательно, ограниченная вменяемость не исключается, если лицо в момент совершения преступления в силу имеющегося у него психического расстройства (медицинский критерий) не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность содеянного или руководить своим поведением (юридический критерий).

В частности, в одном из проанализированных нами приговоров суд указал, что «имеющиеся у ФИО1 особенности психики определили снижение самоконтроля и прогноза последствий своих действий во время совершения инкриминируемого ему деяния и ограничивали его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими» [8].

Некоторые авторы высказывают мнение о важности введения дополнительных критериев ограниченной вменяемости, что связано с трудностью определения этого состояния экспертами. Так, предлагается помимо медицинского и юридического выделять и третий критерий – клинический, который будет указывать на конкретные психические дефекты, глубину патологических отклонений, уменьшающих способность человека принимать волевые решения в определенной ситуации [9, с. 122]. Однако медицинский критерий уже включает в себя все эти психические состояния. Именно наличие психических расстройств и приводит к сужению сознания субъекта, а также к уменьшению его возможностей (способностей) осуществлять контроль над своими действиями. Таким образом, медицинский и юридический критерии ограниченной вменяемости тесно взаимосвязаны и не требуют, по нашему мнению, дополнительных признаков.

В теории уголовного права также активно обсуждается предложение о введении пенитенциарного критерия ограниченной вменяемости, который предполагает необходимость или отсутствие необходимости обязательного использования принудительных мер медицинского характера применительно к уже осужденному лицу. Так, по мнению Г. В. Назаренко, третий критерий обусловлен тем, что «поскольку законодатель признал пониженную способность лиц, страдающих психическими аномалиями, реагировать на меры исправительного воздействия, то из этого вытекает и необходимость применения к ним принудительного лечения» [10, с. 59]. Представляется, что выделение пенитенциарного критерия ограниченной вменяемости нецелесообразно, поскольку он

не отражает сущность этой правовой категории и не решает вопрос разграничения ограниченной вменяемости от вменяемости или невменяемости. Использование принудительных мер медицинского характера отражает не сущность, а правовое последствие ограниченной вменяемости. В своей работе Г. В. Назаренко отмечает, что «не все правонарушители, имеющие психические аномалии, нуждаются в принудительном лечении по медицинским показателям» [10, с. 59], из чего очевиден усеченный характер предлагаемого им признака, а следовательно, он не может рассматриваться как определяющий критерий ограниченной вменяемости.

В действующем УК РФ существует так называемая «скрытая» коллизия норм, предусмотренных ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ, заключающаяся в том, что в обеих этих нормах речь идет о лице, которое не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В то же время согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, такое лицо не подлежит уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а согласно ч. 1 ст. 22 УК РФ лицо, в том числе и несовершеннолетнее, подлежит уголовной ответственности, несмотря на наличие у него психического расстройства, в силу которого оно не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В целях устранения этих противоречий предлагаем изложить ч. 3 ст. 20 УК РФ в следующей редакции: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии как связанном, так и не связанном с психическим расстройством во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности».

Проведенное исследование проблем регламентации уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, позволило сформулировать вывод, что критерии ограниченной вменяемости, по сути, совпадают с критериями, определяющими невменяемость (как медицинскими, так и юридическими). Разница между ними заключается в качественно иной степени болезненного развития психического дефекта (по тяжести и охвату психического расстройства). Находясь в состоянии невменяемости, субъект по причине имеющегося у него психического расстройства или иного болезненного состояния психики не способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, а при ограниченной вменяемости обе эти способности снижены, но все-таки имеют место (т. е. они сохраняются у лица).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Козаченко И., Спасенников Б. А. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Государство и право. 2001. № 5. С. 71–75.

2. Актуальные проблемы уголовного права и процесса: учеб. пособие. В 3 ч. / В. Ю. Мельников, Б. Б. Джамалова, К. Ф. Абдуллаев. Ч. 3. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. 334 с.

3. Камалдинов Л. И. Понятие и природа психических аномалий в российском праве // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь: ИП Сигитов Т. М., 2017. Вып. 13. С. 74–75.

4. Сизов К. А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. науч. тр. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф., Анапа, 18 мая 2023 г. Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов, 2023. С. 86–92.

5. Биченова А. Р. Сравнительный анализ невменяемости и ограниченной вменяемости // Личность, право, государство: проблемы развития и взаимодействия: сб. ст. науч.-представит. мероприятий. М.: ИП Колупаева Е. В., 2023. С. 74–77.

6. Судебно-психиатрическая экспертная служба Российской Федерации в 2016 г. (по материалам отраслевых статистических отчетов Минздрава России): результаты оригинального исследования / Е. В. Макушкин, А. Р. Мохонько, Л. А. Муганцева // Российский психиатрический журнал. 2017. № 5. С. 4–15.

7. Приговор № 1-3/2020 от 10 февраля 2020 г. по делу № 1-3/2020 Егорьевского районного суда Алтайского края // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Xcsly5Ju4ANd/ (дата обращения: 24.05.2024).

8. Приговор № 1-84/2020 от 9 октября 2020 г. по делу № 1-84/2020 Руднянского районного суда Смоленской области // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL : https://sudact.ru/regular/doc/LiI6AFDAIwml/ (дата обращения: 24.05.2024).

9. Кононов А. Д. К вопросу о юридическом критерии ограниченной вменяемости и целесообразности выделения дополнительных критериев // Право: современные тенденции: материалы Междунар. науч. конф., Уфа, 20–23 июля 2012 г. Уфа: Лето, 2012. С. 120–124.

10. Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. Орел: [б. и.], 1994. 100 с.

© Волколупов В. Г., Сенцов А. С., Волколупова В. А., 2024

Владимир Геннадьевич Громов,
профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии
Саратовского национального исследовательского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского,
доктор юридических наук, профессор
Екатерина Витальевна Войтенко,
студентка 3 курса института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА

Необходимость изучения личности пенитенциарного преступника связана прежде всего с тем, что правонарушения, совершаемые указанной категорией лиц, характеризуются повышенной общественной опасностью. У пенитенциарной преступности высоки показатели латентности, кроме того наблюдается сложность при их квалификации и доказывании. При рассмотрении данной проблемы представляется необходимым изучение личности пенитенциарного преступника как лица, порождающего своими противоправными действиями наступление неблагоприятных, общественно опасных последствий.

В науке имеется несколько подходов к пониманию термина «пенитенциарный преступник». Опираясь на различные точки зрения, можно выделить три основных, способствующих осмыслению данного понятия. В широком смысле пенитенциарным преступником считается любое лицо, совершившее преступление в период отбывания им наказания; в узком – указанный термин может быть отнесен лишь к лицам, совершившим преступление в период отбывания наказания в местах лишения свободы. Встречается также точка зрения, согласно которой к категории пенитенциарных преступников относятся сотрудники уголовно-исполнительной системы, совершившие преступления в связи с осуществлением своих служебных обязанностей [1, с. 67].

Наиболее обоснованным является осмысление этого термина в узком смысле, так как лица, осужденные к наказанию, связанному с лишением свободы, в большей степени обладают характерными демографическими, социально-ролевыми, психологическими чертами. Данные особенности являются следствием множества факторов: влияние совершения человеком преступления на его психику; особая социальная среда, складывающаяся вокруг осужденного; разрушение прежних социальных связей и появление соответствующих новых – криминальных; возможное переосмысление осужденным лицом своих жизненных ориентиров, целей, убеждений. Указанные аспекты при их анализе позволяют с большей степенью точности определить характерные особенности данной категории преступников.

Понимание личности пенитенциарного преступника следует отграничивать от понятия «личность осужденного», последнее является более широким по своему содержанию. У лица, содержащегося в местах лишения свободы, можно выявить изменения в мировоззрении, что связано с адаптацией человека к жизни в условиях

вынужденной изоляции и неким психологическим давлением. Однако указанные аспекты, характеризующие осужденного, не обязательно впоследствии проявятся в совершении им преступления, в том числе и в местах заключения [2].

Для составления портрета пенитенциарного преступника и выявления типов необходимо определить и проанализировать социально-демографические, нравственно-психологические особенности данной категории преступников.

На основании статистических данных, приведенных Федеральной службой исправления наказаний, можно сделать вывод, что большинство пенитенциарных преступников являются лицами мужского пола, в то время как доля женщин составляет порядка 7 %. Процент женщин, совершающих преступления в местах лишения свободы, в два раза ниже процента всех женщин, осужденных за совершение преступлений. Следовательно, тенденция к совершению преступлений в пенитенциарных учреждениях в большей степени присуща мужчинам.

Пенитенциарные правонарушения чаще совершаются лицами в возрасте от 25 до 29 лет, следом идет категория лиц в возрасте от 18 до 24 лет. Семейное положение также является значимой характеристикой при составлении портрета пенитенциарного преступника.

Большая часть осужденных, совершивших преступления при отбывании наказания в местах лишения свободы, никогда не состояла в браке, либо была разведена, либо воспитывалась в неполной семье или в специализированных домах интернатах. Наибольшую массу осужденных составляют те, кто не имел даже полного среднего образования, – около 80 %. Рассматривая уголовно-правовую характеристику личности пенитенциарного преступника, необходимо отметить, что около 30 % из числа осужденных ранее неоднократно были привлечены к уголовной ответственности [3].

Помимо перечисленного, личность пенитенциарного преступника примечательна также его нравственно-психологическими установками.

Таким образом, можно сделать вывод, что пенитенциарная преступность наиболее характерна для лиц мужского пола в возрасте от 18 до 29 лет, не имеющих полноценной семьи, не получивших среднего образования, склонных к проявлению агрессии, эмоционально нестабильных [4, с. 66].

Продолжительное нахождение в местах лишения свободы ведет к деформации личности и приобретению специфических качеств. Происходит формирование личности пенитенциарного преступника с набором отрицательных черт, свойственных преступному поведению. Изучение личности пенитенциарного преступника необходимо для выявления лиц, находящихся в группе риска, разработки мер профилактического воздействия, выработки иных мер по предупреждению соответствующей категории преступлений.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Помазан Ю. Н. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления в местах лишения свободы // NovaUm.Ru. 2020. № 24. С. 66–70.

2. Калинин Ю. И. Пенитенциарная криминология: учеб. / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 566 с.

3. Бугакова Н. С., Селезнева Е. А. Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник / под ред. П. А. Смелова. М.: Росстат. 2020. 241 с.

4. Личность осужденного – пенитенциарного правонарушителя: общая характеристика, основы детерминациии профилактического воздействия / А. В. Быков, С. С. Зенин, О. В. Кудряшов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 64–73.

© Громов В. Г., Войтенко Е. В., 2024

Анастасия Викторовна Делевер,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин и криминалистики
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИОЛАБОРАТОРИЙ. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Преступная деятельность биолабораторий изучена недостаточно полно. Биотехнологии – это та сфера, вокруг которой имеется немало споров относительно важности прогресса в данном направлении и в то же время серьезной опасности, которой не уделяют должного внимания, прикрываясь восхищенными и благодарственными лозунгами в адрес синтетической биологии. Профессор А. А. Мохов, говоря о синтетической биологии, указывает, что это новая междисциплинарная область, использующая принципы инженерного конструирования в генетических и биологических исследованиях [1]. Бесспорно, развитие в указанном направлении несет свои плоды как для общества и государства в целом, так и для каждого человека в частности. Тем не менее существуют лица, преследующие менее благородные цели или откровенно преступные.

На фоне событий, происходящих в мире, проблема функционирования биолабораторий стоит довольно остро. Вполне оправдано мнение, что с развитием синтетической биологии угроза разработки новых видов биологического оружия становится более реальной. Соответственно, необходимо учитывать это, и без каких-либо утопий принимать тот факт, что любое развитие с большей долей вероятности будет использовано против человечества.

Подтверждением данной мысли могут выступать уже имеющиеся в истории случаи использования биологического оружия. К таким, в частности относятся рассылка писем со спорами сибиркой язвы в 2001 г. в США. Тогда жертвами указанного акта биотерроризма стали 22 человека, 5 из которых погибли. Обращаясь к источникам, можно заключить, что расследование данного дела было одним из наиболее сложных, притом неоднократно менялся круг подозреваемых. Исход данного уголовного дела не ясен, ведь до сих пор имеются сомнения относительно истинной виновности единственного «реального» подозреваемого – Брюса Айвинса, – который совершил суицид [2]. Кроме столь резонансного случая биотерроризма имеются и другие. Широко известна атака в метро г. Токио, Япония, произошедшая 20 марта 1995 г., где биотеррористы использовали в качестве оружия отравляющее вещество – зарин. Руководил этой террористической атакой Сёко Асахара, создавший в 1987 г. религиозную секту «Аум-Синрикё», в рамках которой в дальнейшем осуществлялась преступная деятельность, направленная на разработку оружия массового уничтожения, при этом ориентир был взят именно на биологическое оружие.

Выделим особенности биотеррористических организаций:

1) высокий уровень организованности, включая наличие руководящего ядра;

2) высокая конспирация, соблюдение режима секретности, жесткая дисциплина;

3) имеющиеся связи с коррумпированными представителями администраций различного уровня включая государственные предприятия, коммерческие структуры и научно-исследовательские организации [3, с. 564], в частности последние, по мнению автора, имеют наибольшее значение, так как именно они часто используются в качестве прикрытия преступной деятельности;

4) включение в биотеррористическую организацию нетрадиционных, для преступной сферы слоев общества – врачей, ученых, инженеров;

5) тщательная подготовка к терактам.

Деятельность биотеррористической организации невозможна без лабораторного сопровождения. Как было указано выше, одной из особенностей данной категории террористических организаций является ее состав, в частности нетипичные для криминального мира представители так называемой интеллигенции – врачи и ученые. Для того чтобы данную категорию лиц вовлечь в подобное «рискованное предприятие», необходима мощная мотивация, идея, за которой они пойдут и будут готовы использовать свои знания и умения в преступных целях.

В секте «Аум-Синрикё» подобными представителями выступали Якуо Хаяси – выходец из элиты японского общества, до вступления в секту был доктором японского Министерства науки и техники, Тору Таёда – ученый, специализировался на прикладной физике и др. Они не только работали над биологическим оружием, но и самолично совершили террористический акт в Токио.

Работа над оружием массового уничтожения требует мощной научной базы, особенно если речь идет о биологическом оружии. Так, после атаки указанной секты в токийском метро полиция обнаружила в центре «Аум-Синрикё» более 500 томов книг по биохимии и биотехнологии, в том числе книги по культивированию бактерий [3, с. 562].

Для реализации подобного рода научного потенциала необходимы специальные биологические лаборатории, обнаружить которые порой стоит не малого труда, ведь в большинстве случаев они тщательным образом скрыты от посторонних глаз. Тем не менее имеется ряд особенностей, которые могут выдать подобную подпольную микробиологическую лабораторию. К ним относятся: специфический запах (питательных сред, хлорсодержащих соединений); наличие помещений для экспериментальных животных (запах животных и продуктов их жизнедеятельности); наличие в вентиляционных системах предприятия, не имеющего отношения к микробиологическому производству, специальных фильтров тонкой очистки воздуха, закупки больших партий компонентов питательных сред и экспериментальных животных; попытки нелегального приобретения (через знакомых в научно-исследовательских институтах и другими способами) штаммов опасных микроорганизмов, наличие различного рода инфекционных заболеваний у персонала лаборатории, нетипичных для данного региона и не поддающихся диагностике и т. д. [3, с. 566].

Предупреждение незаконной микробиологической деятельности, направленной на создание биологического оружия, – сложный многоуровневый процесс, который нуждается в тщательном планировании и комплексном подходе. Ввиду вышеизложенного можно заключить, что выявление функционирования биотеррористической организации во много раз сложнее какого-либо иного ее вида. Тем не менее в неко-

торых случаях поводом для проведения соответствующей проверки правоохранительными органами могут служить заявления самих граждан, относительно подозрительной деятельности со стороны той или иной лаборатории или научного центра. Подобные заявления уже имели место быть, в частности о небезызвестном Центре Лугара, Грузия. Ссылаться могут на ухудшение эпидемиологической обстановки вблизи подобного центра, специфический запах, падёж скота и др. Подобные заявления сотрудникам органов внутренних дел игнорировать нельзя и нужно как можно скорее преступать к проверке, в ходе которой изъять и изучить документацию, разрешающую экспериментальную деятельность с патогенными микроорганизмами, на предмет ее подлинности. Если же документация подлинна, необходимо с привлечением экспертов установить соответствует ли осуществляемая лабораторий деятельность той, которая заявлена. При выявлении нелегальной деятельности или несоответствия ее заявленной биолабораторию необходимо проверить на связь с террористической организацией. На подобное соучастие может указывать высокий уровень защиты лаборатории Р3 и Р4 с соответствующим оборудованием.

Таким образом, говоря об уголовно-правовом предупреждении преступной деятельности биолабораторий, можно указать на необходимость определенных дополнений действующего уголовного законодательства, в частности статьи, диспозиция которой будет изложена в следующей редакции: «Незаконное создание, руководство и функционирование биолабораторий с уровнем защиты Р3 и Р4» с квалифицирующими признаками в виде тяжких последствий. Подобные изменения однозначно будут способствовать усилению контроля со стороны правоохранительных органов подобного рода биолабораторий, что, в свою очередь, сделает их деятельность более прозрачной и если не искоренит, то существенно усложнит функционирование биотеррористических организаций.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Достижения синтетической биологии и регуляторная политика государства / А. А. Мохов, А. А. Чапленко, А. Н. Яворский // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2020. № 4-6. С. 79 –86.

2. К вопросу о понятиях и мерах по борьбе с биологическим терроризмом / Н. Н. Ткаченко, Д. П. Ищенко // Юрист-правовед. 2019. № 4 (91). С. 83–88.

3. Супотницкий М. В. Биологическая война. Введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений: монография. М.: Кафедра, Русская панорама, 2013. 1136 с.

© Делевер А. В., 2024

Дарья Николаевна Евлушина,
доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НОВЫХ ВИДОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Незаконный оборот наркотиков в Российской Федерации давно приобрел характер государственной проблемы, не ограничившись только медицинским и правовым аспектом. Здоровью и благополучию общества угрожает постоянный рост распространения наркотических средств.

В ноябре 2022 г. Минздрав заявил, что наркотической зависимостью в РФ страдает около 400 тыс. человек. Но представленная статистика учитывает лишь тех, кто стоит на учете. По данным проекта «Трезвая Россия», в 2023 г. количество наркозависимых людей приближается к 6 млн, а это 3,5 % от численности населения страны. Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, ежегодно растет и опережает основные виды преступности.

Основная деятельность государственных силовых структур направлена на решение данной проблемы в обществе и имеет своей целью защиту прав, интересов и здоровья граждан от воздействия незаконного оборота наркотиков. В первую очередь, обязанность по противодействию преступлений в данной области возложена на Министерство внутренних дел. Расследование уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков требует от следователя высокой квалификации, наличия специальных познаний, гибкости мышления и способности правильно принимать решения в ходе изменения обстановки.

Как правило, следователю противодействует организованные группы, которые получают сверхприбыли от этого «бизнеса», используя свой финансовый потенциал для сокрытия следов преступления, оказания влияния на ход предварительного следствия, подкупа должностных лиц и втягивания в свою преступную деятельности недобросовестных стражей порядка.

То есть актуальность рассматриваемой темы обусловлена наличием проблемных вопросов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом новых видов наркотических средств, опасностью их распространения, в том числе среди молодежи. С развитием технологий и прогрессом в обществе появляются новые виды наркотиков, что, в свою очередь, требует новых методик расследования этого вида преступлений, умения ориентироваться в новых условиях борьбы с преступностью.

В соответствии с международными нормативно-правовыми актами: Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.; Конвенции о психотропных веществах

1971 г.; Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.; Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ), – в Российской Федерации наркотическими средствами признаются вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации.

При изготовлении и переработке наркотических средств используются различные вещества, которые Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ определяет как прекурсоры. Кроме этого, он устанавливает понятие психотропных веществ и аналогов, под которыми понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, природные материалы, и иные запрещенные для оборота вещества на территории Российской Федерации.

В данной работе под понятием новых видов наркотических средств будут рассматриваться вещества, прекурсоры и аналоги, которые сейчас наиболее распространены в незаконном обороте.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, необходимо выделить следующие элементы состава преступления: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Под объектом преступного посягательства в сфере незаконного оборота наркотических средств понимают общественные отношения в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности, которым причиняется вред в результате незаконного оборота наркотических средств.

В связи с разнообразным видом проявления преступлений в объективной действительности в зависимости от характера совершаемого преступления, охраняемые уголовным законом общественные отношения имеют широкий спектр. По степени воздействия на здоровье человека и безопасности населения выделяют следующие виды объекта преступления.

Первый вид объекта – это те общественные отношения, которые связаны с непосредственным употреблением наркотических средств, и сопутствующие этому действия. Посягательство на эти общественные отношения происходит при сбыте, приобретении, хранении и перевозке.

Следующий вид объекта посягательства – это общественные отношения, которые напрямую связаны с процессом изготовления наркотических средств и нарушают правила производства, переработки и изготовления, установленные законодательством Российской федерации.

Наиболее важным объектом являются общественные отношения, связанные с хранением и учетом в медицинских учреждениях наркотических средств, а также незаконная выдача рецептов либо их подделка.

Последним видом общественных отношений, которые нарушаются в процессе незаконного выращивания растений, содержащих наркотические вещества, являются их культивирование и обработка.

Рассматривая объект преступления, стоит также уделить внимание предмету преступления, который представляет собой различные химические и биологические образования, способные оказывать воздействие на нервную систему организма человека, а также нарушение правил законного оборота лекарственных веществ и невыполнение запретов по выращиванию растений, содержащих наркотических вещества.

Объективная сторона преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических веществ, выражается в незаконном приобретении, сбыте, хранении, хищении, изготовлении, перевозке, переработке, выращивании и культивировании, а также в нарушении правил потребления медицинских препаратов, содержащих наркотические средства.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под сбытом понимается деятельность лица, направленная на возмездную или безвозмездную передачу другому лицу наркотических средств. Лицо может подарить, обменять, продать, уплатить долг и совершить другие действия, в результате которых наркотические средства перейдут во владение другого лица.

Ответными действиями на сбыт является приобретение. Лицо получает наркотические средства любым способом, при этом они могут приобретаться как с целью последующего сбыта, так и для личного употребления.

Независимо от времени владения содержание в помещении, тайнике, при себе образует хранение наркотических средств. Оно может быть как с целью, так и без цели сбыта.

Под хищением следует понимать изъятие из законного или незаконного владения у лица наркотических средств. Иными словами, когда лицо приобрело наркотические средства путем кражи, грабежа, разбоя, а также путем сбора растений, содержащих в себе наркотические вещества, с охраняемых полей.

Вымогательство наркотических средств заключается в требовании передачи наркотических средств путем угроз применения насилия, шантажа, угрозой уничтожения или повреждения имущества.

Под перевозкой наркотических средств следует понимать перемещение из одного места в другое наркотических средств при помощи автотранспорта. Стоит отметить, что перевозка может осуществляться как с целью сбыта, так и для собственного потребления. Окончательное о квалификации действий лица как перевозящего наркотические средства принимается судом.

Незаконной выдачей рецепта, дающего право на приобретение медикаментов, содержащих наркотические вещества, следует считать действия лица, который в силу своих должностных обязанностей осуществляет выписку рецептов без наличия у приобретателя медицинских показаний для принятия таких лекарственных средств.

Деятельность лица по выращиванию растений, содержащих наркотические вещества, не в научных, медицинских, учебных и экспертных целях, а также созданию специальных условия для посева и выращивания следует понимать как культивирование. Оно может выражаться в возделывании земельного участка, приискании скрытых мест для выращивания, осуществлении создании специальных систем полива и иных действий, обеспечивающих стабильный рост наркосодержащих культур.

Уголовно-правовая характеристика субъекта рассматриваемого преступления имеет два аспекта. В одном случае субъектом состава преступления является общий субъект, т. е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. В таком возрасте лицо уже способно понимать, что наркотические средства запрещены законом и несут вред здоровью человека. По общему правилу такой субъект должен обладать вменяемостью – способностью правильно оценивать свои действия и понимать противоправность своего поведения.

Вторым аспектом, характеризующим субъекта по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, является наличие специального субъекта, т. е. лица, уполномоченного в силу нормативных актов осуществлять определенные действия и воздерживаться от нарушения установленных правил.

В преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ, специальным субъектом выступает медицинский работник, уполномоченный решать вопрос о выдаче рецепта на приобретение наркосодержащего лекарства. Лицо, которое в силу своих трудовых обязанностей имеет возможность незаконной выписки рецепта наркосодержащих медикаментов лицу, не нуждающемуся в потреблении этих лекарственных средств, использует свое должностное положение для преступной деятельности.

Субъективная сторона в рассматриваемой категории преступлений в большинстве случаев характеризуется наличием вины в форме умысла. Как правило, лицо осознает, что оно участвует в незаконной деятельности с предметами, оборот которых ограничен законами Российской Федерации. Однако возможна такая форма вины как неосторожность. Речь идет о преступлении, совершенном специальным субъектом, действия которого повлекли за собой утрату наркотических веществ, прекурсоров, аналогов, оборудования и инструментов для изготовления наркосодержащей продукции. Лицо осознает, что его действия должны быть направлены на недопущение попадания в оборот вверенных ему веществ, недопущения употребления этих веществ лицами, у которых отсутствуют показания к их применению.

Подводя итог уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует отметить, что неотъемлемой частью рассматриваемой категории преступлений является наркотические средства, выступающие в роли предмета преступления, наличие двух видов вины – умысла и неосторожности, – а также наличия двух видов субъектов – общего и специального.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андроник, Н. А. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : курс лекций / Н. А. Андроник,

О. П. Виноградова. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2018. – 80 с. – ISBN 978-5-88437-588-8.

2. Серебрянникова, М. В. Тактические особенности следственного осмотра при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / М. В. Серебрянникова. – Хабаровск : Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2019. – 156 с. – ISBN 978-5-9753-0266-3.

3. Токаренко, Е. С. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : курс лекций / Е. С. Токаренко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 114 с. – ISBN 978-5-9266-1517-0.

© Евлушина Д. Н., 2024

Наталья Александровна Егорова,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Татьяна Сергеевна Гордейчик,
магистрант института права
Волгоградского государственного университета

СОСТАВ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Статья 171 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) была и остается одной из востребованных практикой статей гл. 22 УК РФ. Ее толкованию и применению посвящены постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (в дальнейшем – ППВС РФ № 23) и многочисленные научные публикации. При этом дискуссии относительно данного состава преступления не прекращаются, правоприменительные проблемы окончательно не решены.

Незаконное предпринимательство у разных авторов отнесено к таким подвидам преступлений главы 22 УК РФ, как посягательства на общественные отношения по реализации принципа осуществления экономической деятельности на законных основаниях (Н. А. Лопашенко [1, с. 16, 40; 2, с. 28]); преступления в сфере предпринимательства (Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов [3, с. 18, 138]); преступления в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности (И. С. Васильчиков [4, с. 13–14, 23]); преступления в сфере государственного управления экономикой (И. А. Клепицкий [5, с. 125–126, 130]); преступления, нарушающие общие принципы установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (Б. В. Волженкин [6, с. 85, 173]).

Из перечисленных научных подходов наиболее правильными видятся те, где данное преступление отнесено к посягательствам, выделенным в зависимости от сферы их совершения (преступлениям в сфере предпринимательства). Это связано с тем, что предпринимательская деятельность обладает спецификой на фоне других видов экономической деятельности, а незаконное предпринимательство существенно отличается от ряда иных преступлений, статьи о которых объединены в гл. 22 УК РФ (например, ст. 174, 174.1, 175, 183, 184, 186, 200.5–200.7 УК РФ). Из ст. 171 УК РФ выделился целый ряд норм о посягательствах, связанных с осуществлением специальных видов предпринимательской деятельности (ст. 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 172 УК РФ) [7, с. 24], что позволяет утверждать о сложившейся подсистеме уголовно-правовых запретов в рамках гл. 22 УК РФ. Именно в этой подсистеме состав незаконного предпринимательства до недавнего времени играл ведущую роль.

[1] Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым и судебным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ (в дальнейшем – ФЗ № 79) из диспозиции ч. 1 ст. 171 УК РФ изъято указание на такой криминообразующий признак, как сопряженность деяния с извлечением дохода в крупном размере (из диспозиции ч. 2 этой же статьи исключен квалифицирующий признак, связанный с извлечением дохода в особо крупном размере). Это означает, что норма ч. 1 ст. 171 УК РФ утратила статус основной и общей по отношению к уголовно-правовым запретам специальных видов предпринимательства, в которых доход в крупном размере продолжает быть криминообразующим или квалифицирующим признаком.

Существование нормы, аналогичной ст. 171 УК РФ, не является типичным для зарубежного уголовного права [8, с. 40–63; 9]. Однако мы солидарны с тем, что нецелесообразно отказываться от состава незаконного предпринимательства в российском уголовном праве [10, с. 13] (как предлагают некоторые ученые [2, с. 62; 11, с. 30; 12]), так как в период действия УК РФ данная норма продемонстрировала свою жизнеспособность.

В диспозиции ч. 1 указанной статьи предусмотрены четыре альтернативных варианта деяния: осуществление предпринимательской деятельности: а) без регистрации; б) без лицензии; в) без аккредитации в национальной системе аккредитации; г) без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств.

Вызывают вопросы третья и четвертая формы, появившиеся в 2019 г. Как отмечается в литературе, особенности нормативных правовых актов иных отраслей не позволяют квалифицировать по ч. 1 ст. 171 УК РФ осуществление некоторых видов деятельности при отсутствии аккредитации. Противоправные деяния, связанные с техническим осмотром транспортных средств (изготовление диагностических карт за вознаграждение без прохождения процедуры техосмотра), совершаются преимущественно юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, имеющими аккредитацию [13, с. 28–30]. Для сравнения отметим, что в ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, содержащей смежный состав административного правонарушения, указанные разновидности незаконного предпринимательства не предусмотрены.

Полагается, что исчезновение такого обязательного признака состава рассматриваемого преступления, как извлечение дохода в крупном размере станет фактором, побуждающим к ведению «теневого» (незарегистрированного и неразрешенного, а значит, неконтролируемого и не облагаемого налогами) бизнеса, за что его субъекты могут быть привлечены лишь к административной ответственности.

Обязательным признаком объективной стороны незаконного предпринимательства по-прежнему остается крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Если споры относительно понимания дохода утратили смысл (сначала в связи с официальной позицией высшей судебной инстанции РФ в п. 12 ППВС РФ № 23, затем – по причине исключения данного признака из состава незаконного предпринимательства), то понятие «крупный ущерб» по сей день не обладает достаточной определенностью. Размер такого ущерба согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ (в ред. ФЗ № 79) должен превышать 3,5 млн рублей, но остается непонятным, включается ли в его содержание только прямой ущерб или также упущенная выгода, а равно моральный вред гражданину, вред деловой репутации юридического лица.

К тому же, такой ущерб вряд ли обусловлен именно незаконным характером предпринимательской деятельности (отсутствием регистрации, лицензии, аккредитации), а не самой деятельностью [14, с. 26–27]. Обвинительные приговоры по ст. 171 УК РФ, вынесенные в связи с незаконным предпринимательством, причинившим крупный ущерб – большая редкость. Поэтому есть основания полагать, что в обозримом будущем ст. 171 УК РФ в новой редакции применяться почти не будет.

Сохраняет актуальность проблема квалификации незаконного предпринимательства, совершенного организованной группой (ч. 2 ст. 171 УК РФ). На трудности толкования данного квалифицирующего признака и связанные с этим правоприменительные проблемы уже давно обращено внимание ученых [15, с. 98–101]. Членами преступной группы при совершении рассматриваемого преступления могут быть только лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность и участвующие в извлечении прибыли, а не просто привлеченные к выполнению работ, оказанию услуг и т. п. организатором данной деятельности и получающие оплату за свой труд [16]. Нет достоверных данных и о существенном повышении общественной опасности группового незаконного предпринимательства. Осуществление предпринимательской деятельности одним лицом либо совместно двумя или более лицами во многом зависит от характера самой деятельности, причем легальной по своей сути (например, сравним пошив одежды, которым можно заниматься одному, и строительство жилых домов, где не обойтись без усилий целой бригады).

Обозначенные проблемы приводят к выводу о целесообразности внесения определенных корректировок в ст. 171 УК РФ. Специалистами в области уголовного права за более чем 25 лет действия УК РФ сформулированы многочисленные предложения по совершенствованию этой статьи. Например, дополнение ч. 2 ст. 171 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния группой лиц» [10, с. 15–16]; введение в ч. 1 данной статьи указания на административную преюдицию [17, с. 62; 18, с. 15–16], исключение признака «доход в крупном размере» [18, с. 16].

По нашему мнению, первое предложение не имеет достаточного криминологического обоснования. К тому же, возникнут те же проблемы, что и при квалификации по признаку совершения деяния организованной группой.

Административная преюдиция в уголовном праве – весьма сложная проблема. За последние годы появилось немало составов преступлений с административной преюдицией, однако это еще не является надежным показателем правильности такого подхода. Убедительных доказательств, что повторно совершенное административное правонарушение приобретает общественную опасность, свойственную преступлению, пока нет.

Полагаем, что крупный и особо крупный размеры полученного дохода следовало бы оставить в качестве признаков состава незаконного предпринимательства – они указывали на масштабы незаконной деятельности и позволяли разграничить уголовно наказуемое незаконное предпринимательство и соответствующее административное правонарушение.

Поэтому, на наш взгляд, необходимые изменения ст. 171 УК РФ можно свести к следующим: а) исключение из диспозиции ч. 1 упоминания о третьей и четвертой формах незаконного предпринимательства (предпринимательство без аккредита-

ции, когда она обязательна); б) исключение из ч. 1 указания на причинение крупного ущерба гражданам, организациям, государству; в) возвращение в ч. 1 признака «извлечение дохода в крупном размере», в ч. 2 – «извлечение дохода в особо крупном размере».

Проектная ст. 171 УК РФ может выглядеть примерно так:

Статья 171. Незаконное предпринимательство

1. Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии, если это деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, за исключением случаев, предусмотренных статьей 171.3 настоящего Кодекса, –

наказывается…

2. То же деяние, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, –

наказывается…

С учетом особенностей уголовной политики государства на современном этапе, нижние границы крупного и особо крупного дохода можно повысить по сравнению с установленными в примечании к ст. 170.2 УК РФ.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. 184 с.

2. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2015. 640 с.

3. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: ЮрИнфоР, 1998. 296 с.

4. Васильчиков И. В. Преступления в сфере экономики. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 221 с.

5. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.

6. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с.

7. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

8. Аистова Л. С. Незаконное предпринимательство. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 283 с.

9. Леанесое Э. А. Сфера предпринимательства как объект уголовно-правовой охраны в зарубежных странах // Государство и право в изменяющемся мире: материалы науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2015. Ч. 3-1. URL: arbitr.ru (дата обращения: 26.03.2024).

10. Карпович О. Г. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности в России и странах Европы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Карпович Олег Геннадьевич. М., 2003. 64 с.

11. Наумов А. Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 28–30.

12. В Госдуме обсуждают возможность исключения статей 171 и 174.1 УК РФ // Право.ru: [сайт]. URL: https://pravo.ru/news/view/38194/ (дата обращения: 16.04.2024).

13. Лихолетов А. А. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства в условиях реформирования уголовного законодательства // Научный портал МВД России. 2021. № 3. С. 27–31.

14. Лихолетов А. А. Квалификация незаконного предпринимательства: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2019. 100 с.

15. Мадатов Я. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мадатов Яков Георгиевич. Краснодар, 2003. 203 с.

16. Лубешко В. Н. Квалифицирующие признаки незаконного предпринимательства и вопросы отграничения его от составов других преступлений в правоприменительной практике // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2003. № 2. С. 212–242.

17. Проблемы установления уголовной ответственности за незаконное предпринимательство / М. А. Кауфман, С. А. Плотников // Предпринимательство: пределы государственно-правового вмешательства: материалы конф. Москва, апрель 2001 г. М.: Изд-во ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. С. 60–62.

18. Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Устинова Тамара Дмитриевна. М., 2005. 54 с.

© Егорова Н. А., Гордейчик Т. С., 2024

Наталья Александровна Егорова,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

О ДЕКОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

24 июня 2023 г. был принят федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – ФЗ № 270)[1]. Данный закон содержал уголовно-правовые нормы (ст. 1–6), которых не было в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ, Кодекс) и применялся наряду с Кодексом до признания утратившим силу и введения в действие Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в дальнейшем – ФЗ № 64), которым гл. 11 и 12 УК РФ дополнены соответственно ст. 78.1, 80.2, а ст. 86 в гл. 13 УК РФ – ч. 3.1. При этом норма об утрате ФЗ № 270 силы почему-то оказалась не в дополняющем УК РФ ФЗ № 64, а в ст. 3 Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ, которым внесены изменения в нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы мобилизации и военной службы, и в котором отсутствуют уголовно-правовые нормы.

Поскольку есть основания полагать, что уголовное законодательство России *полностью* кодифицировано [1, с. 80; 2, с. 87–88; 3, с. 122; 4, с. 22; 5, с. 11–12; 6, с. 76–77, 82–83], вполне ожидаемым было немедленное включение положений ФЗ № 270 в УК РФ. Однако в 2023 г. этого не произошло. Вероятно, законодатель рассчитывал на временный характер указанных норм, связанный с проведением специальной военной операции (далее – СВО). Примечательно, что, по мнению авторов законопроекта № 378326-8 (он впоследствии стал ФЗ № 270), принятие данного федерального закона не потребует изменения иных федеральных законов [7], т. е. поправки в УК РФ первоначально и не планировались.

Но временной фактор едва ли может служить убедительным аргументом в пользу существования самостоятельного, отличного от УК РФ федерального закона, содержащего нормы уголовного права. Подобные нормативные правовые акты принимались в СССР во время Великой Отечественной войны без внесения изменений в УК РСФСР 1926 г., но советский путь создания таких законов по понятным причинам неприемлем [8, с. 54]. В современном уголовном законодательстве России новшеств, так или иначе связанных с СВО, достаточно (присутствуют они и в Общей части – см. ч. 2 ст. 48, п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), что не помешало их включению в Кодекс.

[1] Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым и судебным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как бы то ни было, в период действия ФЗ № 270 к уголовному законодательству РФ относился не только Кодекс, но и упомянутый федеральный закон, а значит, российское уголовное законодательство было открыто *декодифицированным*. Подчеркнем, что в данном случае подразумевается декодификация уголовного закона прежде всего по форме как нарушение «монополии» УК РФ (термин В. Г. Беляева) [9, с. 299], а не по содержанию как «разрушение» Кодекса изнутри, утрата им системности [10, с. 49].

Можно ли считать описанную ситуацию чем-то абсолютно новым для современного уголовного права? С одной стороны, нет. Специалистами уже давно отмечалось, что фактически УК РФ не является единственным нормативным правовым актом, содержащим нормы уголовного права. Источниками уголовного права и неотъемлемой частью уголовного законодательства России считаются международные договоры, акты об амнистии, подзаконные нормативные правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебные решения по конкретным уголовным делам и др. [11, с. 56–68; 12, с. 194; 13, с. 254–255; 14, с. 46–184; 15, с. 37]. В контексте данной работы нас интересуют не все возможные источники уголовного права, а именно федеральные законы, содержащие уголовно-правовые нормы, не включенные в УК РФ и подрывающие идею полной кодификации. Например, в ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) содержится норма о виде освобождения от уголовной ответственности, неизвестном УК РФ: «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Данная норма – аналог ст. 75 УК РФ, но отнюдь не ее копия [16, с. 36–39].

С другой стороны, федеральные законы, в которых содержался бы комплекс норм, относящихся к известным уголовно-правовым институтам (освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания), до ФЗ № 270 в России не принимались.

Подробный разбор содержания утратившего силу ФЗ № 270, а также изменений и дополнений, внесенных в УК РФ в марте 2024 г. (в части особенностей уголовной ответственности отдельных категорий лиц в определенные периоды времени), не входит в задачи настоящей статьи. Отметим только, что положения новых норм в ст. 78.1, 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ отличаются от содержащихся в ст. 3-6 ФЗ № 270. Так, виды освобождения от уголовной ответственности, ранее регламентированные в ст. 3 и 4 ФЗ № 270, объединены в одной статье – ст. 78.1 УК РФ, для применения которой необязательно совершение лицом преступлений только небольшой или средней тяжести (как было указано в ст. 2 ФЗ № 270). В ч. 1 ст. 78.1, ч. 1 ст. 80.2 и ч. 3.1. ст. 86 УК РФ подразумевается единый перечень преступлений, совершение которых исключает освобождение по указанным основаниям от уголовной ответственности, от наказания либо погашения судимости. В отличие от ФЗ № 270, ст. 78.1,

80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ не распространяются на лиц, совершивших бандитизм (ст. 209 УК РФ), организацию преступного сообщества (преступной организации) или принимавших участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ), занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), отдельные виды контрабанды (ст. 226.1, 229.1 УК РФ) и некоторые другие преступления, отсутствовавшие в перечне в п. 3 ст. 2 ФЗ № 270.

Статьи 78.1, 80.2, ч. 3.1 ст. 86 УК РФ не «привязаны» к СВО, т. е. приняты «всерьез и надолго» (впрочем, в ФЗ № 270 СВО также упоминалась только в названии данного закона). Поэтому далее будем условно называть эти новеллы особенностями уголовной ответственности военнослужащих.

Нельзя не отметить, что сам принцип полной кодификации российского уголовного закона можно поставить под сомнение из-за внутренней противоречивости содержания отдельных уголовно-правовых норм. Так, положение, что уголовное законодательство России состоит из уголовного кодекса (ч. 1 ст. 1 УК РФ), уже не выглядит незыблемым после прочтения следующей за ним фразы, согласно которой включению в уголовный кодекс в обязательном порядке подлежат только «новые законы, *предусматривающие уголовную ответственность»* [17, с. 170–171; 18, с. 58] (выделено мной. – Н. Е.). Возникают вопросы: а) о критериях «новизны» таких законов, б) об объеме нормативного материала данных законов, подлежащем включению в УК РФ, в) о содержании понятия «закон, предусматривающий уголовную ответственность». И ответы на них не так просты, как может показаться.

На первый взгляд, «новые» законы – это все те, которые были приняты позднее УК РФ – как законы с чисто уголовно-правовым содержанием, так и комплексные (межотраслевые). Но как быть с законами, содержащими нормы уголовного права, принятыми до вступления в силу УК РФ и продолжающими действовать (например, уже упоминавшаяся ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД) – их включение в УК РФ факультативно? Если да, то это противоречит первому предложению в ч. 1 ст. 1 УК РФ.

По букве закона (ч. 1 ст. 1 УК РФ), в Кодекс должны быть включены (вопреки здравому смыслу и реалиям уголовного правотворчества) новые «*законы*», а не отдельные положения таких законов. Как известно, закон есть нормативный правовой акт, и включение его целиком в Кодекс невозможно и не нужно. Поэтому здесь имеются в виду не сами законы, а *положения* новых законов. В литературе обращается внимание на то, что новые уголовно-правовые нормы могут содержаться не только в законах, но и в подзаконных актах [19]. Такие правотворческие казусы исключать нельзя, но, по нашему мнению, уголовно-правовые положения подобных подзаконных актов изначально юридически ничтожны как находящиеся на более низкой ступени в иерархии источников права по сравнению с УК РФ.

К законам, предусматривающим уголовную ответственность, относятся не только нормы, устанавливающие отсутствующие ранее в УК РФ уголовно-правовые запреты (т. е. криминализирующие деяния) [20, с. 89], но и нормы, меняющие основания уголовной ответственности за уже криминализированные деяния, а также дифференцирующие ответственность за них. Иными словами, полностью кодифицированной должна быть прежде всего Особенная часть УК РФ и связанные с ней положения, имеющие отношение к основаниям уголовной ответственности, а уголовные за-

коны, регулирующие иные вопросы (а их не так уж и мало, это значительный сегмент Общей части УК РФ), предположительно, могут существовать параллельно УК РФ. В научных изданиях встречается иная интерпретация анализируемого положения ч. 1 ст. 1 УК РФ: в Кодекс должны включаться как рассмотренные выше, так и любые другие уголовно-правовые предписания новых законов [21, с. 15], принимаемых «в процессе текущего уголовно-правового регулирования» [22, с. 290]. Такой подход в большей степени отвечает идее полной кодификации уголовного законодательства РФ.

Возможность отступления от принципа полной кодификации уголовного законодательства была заложена и в ч. 3 ст. 331 УК РФ (утратившей силу в 2022 г.), в которой содержалась норма, отсылающая к законодательству РФ военного времени, где должна быть предусмотрена ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке (такое законодательство за период действия УК РФ не принималось). Мысль, что *кодифицированный* уголовный закон является основным, но не единственным законом, содержащим нормы уголовного права, высказывается и в научной литературе [23, с. 200]. Некоторые представители российской науки уголовного права, положительно оценивая полностью кодифицированный уголовный закон, тем не менее допускают в порядке исключения множественность уголовных законов, т. е. возможность «выражения уголовно-правовых норм и в отдельных, не включенных в Кодекс законах» [24, с. 21].

Если придерживаться позиции о допустимости такой «неполной» кодификации российского уголовного закона, то действие ФЗ № 270 наряду с УК РФ не было чем-то экстраординарным, ведь данный закон не устанавливал уголовную ответственность за какие-либо общественно опасные деяния, а лишь регулировал *особенности уголовной ответственности определенных категорий лиц*. Вместе с тем ФЗ № 270 содержал нормы Общей части уголовного права, которые, как признано в науке, «выполняют системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права» [25, с. 154], и уже по одной только этой причине требуют включения в УК РФ.

Нам импонирует позиция, согласно которой в ч. 1 ст. 1 УК РФ речь идет о полной кодификации отечественного уголовного законодательства. И вот почему:

– норма ч. 1 ст. 1 УК РФ категорично относит к уголовному законодательству России только Кодекс;

– норма, допускающая саму возможность законодательства военного времени, устанавливающего ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке (ч. 3 ст. 331 УК РФ), признана утратившей силу Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ;

– принят ФЗ № 64 о введении норм об особенностях уголовной ответственности военнослужащих в УК РФ, и признан утратившим силу ФЗ № 270, содержавший такие нормы.

Только полная кодификация уголовного законодательства обладает всеми известными достоинствами кодификации как высшей формы его систематизации [26, с. 22–28]; частичный характер кодификации во многом сводит на нет эти достоин-

ства. Даже признание полиисточникового характера уголовного права России не препятствует положительной оценке именно полной кодификации отечественного уголовного законодательства [15, с. 35–36].

Как представляется, введение в Общую часть самостоятельного структурного элемента, содержащего положения об особенностях уголовной ответственности и наказания военнослужащих в определенные периоды времени (например, гл. 13.1), было бы более удачным вариантом, чем дополнение гл. 11 и 12 УК РФ и в особенности существование (как в недавнем прошлом) автономного закона.

Перечислим аргументы в пользу такого решения.

1. Специфика правового статуса лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания, связанная с совершением указанными лицами преступления и последующим их призывом на военную службу в период мобилизации, или военное время в Вооруженные силы РФ, или заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных силах РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время, либо совершением преступления во время прохождения военной службы в указанные периоды.

2. Особые условия освобождения от уголовной ответственности и от наказания для названных категорий лиц: получение государственной награды в период прохождения военной службы либо увольнение с военной службы по строго определенным основаниям.

3. Указанные нормы распространяются на лиц, совершивших весьма широкий круг преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие.

4. Невозможность существования за пределами УК РФ уголовного законодательства военного времени и сопоставимых с военным временем периодов (что прямо признал законодатель, исключив из ст. 331 УК РФ ч. 3).

5. Объединение норм ст. 78.1, 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ в отдельной главе открыло бы возможности для дальнейшей специализации (при необходимости) уголовно-правового регулирования общественных отношений данного вида.

6. Сосредоточение указанных норм в отдельной главе обеспечило бы большую доступность для восприятия указанных новелл как гражданами, так и правоприменителями.

Таким образом, отступления от правила полной кодификации уголовного законодательства России известны истории УК РФ 1996 г., и нельзя исключить их в будущем. Однако возврат к полной кодификации уголовного закона – единственно верный способ преодоления нежелательной декодификации. Гарантии такой всеобъемлющей тотальной кодификации (по крайней мере, стремления к ней) должны быть заложены в самом уголовном законе, в связи с чем предлагается новая редакция ч. 1 ст. 1 УК РФ:

Статья 1. Уголовное законодательство Российской Федерации

1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. ***Действующие положения иных законов, содержащих нормы уголовного права****, подлежат включению в настоящий Кодекс.*

2. …

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.

2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 339 с.

3. Беляев В. Г. Применение уголовного закона: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ЮПИТЕР, 2006. 446 с.

4. Уголовное право. Общая часть: учеб. для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. 448 с.

5. Савюк Л. К. Кодификация российского уголовного законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 2. С. 3–22.

6. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. II. Уголовный закон. М.: Юрлитинформ. 2016. 536 с.

7. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: проект федер. закона № 378326-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/378326-8?ysclid=luye84b6cw710418655 (дата обращения: 13.04.2024).

8. Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2. С. 48–59.

9. Беляев В. Г. Монополия УК в уголовном законодательстве России // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (17–18 апреля 2003 г.). Екатеринбург: УрГЮА, 2004. Ч. 2. С. 299–304.

10. Кленова Т. В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–51.

11. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. СПб: Издание проф. Малинина, 2005. 847 с.

12. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 1133 с.

13. Бойко А. И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. III: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2008. 508 с.

14. Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.

15. Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 208 с.

16. Егорова Н. Два закона – подход разный // Законность. 1997. № 9. С. 36–39.

17. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций. В 3 т. / под ред. Л. В. Лобановой. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 282 с.

18. Звечаровский И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность. М.: Проспект, 2022. 160 с.

19. Бунин О. Ю. Задачи и принципы УК РФ могут быть сформулированы в нем более справедливо // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2017. Т. 5, № 4. URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/19927/view#article-text (дата обращения: 12.04.2024).

20. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Юрлитинформ, 2003. 416 с.

21. Благов Е. В. Общая часть уголовного права в 20 лекциях: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2012. 344 с.

22. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 704 с.

23. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.

24. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кленова Татьяна Владимировна. М., 2001. 36 с.

25. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс». 348 с.

26. Дудырев Ф. Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XX в.: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 486 с.

© Егорова Н. А., 2024

Ирина Александровна Журавлева,
научный сотрудник Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Омский филиал,
кандидат юридических наук
Константин Дмитриевич Николаев,
заместитель начальника кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мир меняется, меняется законодательство. В поле зрения правоохранителей попадают новые проблемы. Расширяются сферы, требующие дополнительного правового регулирования, в которых на пробелы права следует незамедлительно реагировать. В своей работе мы остановимся на наиболее интересных, по нашему мнению, вопросах нормотворчества и правоприменения.

В России наблюдается, на наш взгляд, изменение самого видения уголовного судопроизводства, пересматривается отношение законодателя к некоторым механизмам регулирования отношений.

Например, введена уголовная ответственность для коллекторов, которые достаточно долго осуществляли свою деятельность без особого учета норм права и прав человека в принципе. Теперь этот вопрос регламентируется ст. 172.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], в котором закреплено, что действия по возврату просроченной задолженности физических лиц не могут быть сопряжены с насилием, угрозой насилия, порчей имущества, распространением сведений, наносящих ущерб достоинству и репутации гражданина.

Обратим особое внимание на изменения, касающиеся статуса арестованного имущества третьих лиц после вынесения приговора – ч. 2 ст. 309 Уголовно-процессуального кодека Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2].

Вместе с тем учет указаний Конституционного суда РФ [3] породил ряд новых вопросов, в частности есть вероятность возникновения ситуаций, когда следственными органами заявленные формулировки будут расширено истолковываться, что может привести к необоснованному аресту имущества третьих лиц.

Однако дополнен перечень судебных экспертиз, которые должны проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями [4], к числу которых теперь отнесены судебная лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертиза по уголовным делам и доследственным проверкам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также судебные экономические экспертизы – финансово-экономическая, финансово-аналитическая, налоговая – по уголовным делам и доследственным проверкам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, причинением ущерба природным ресурсам и преступлени-

ям, которые связаны с нецелевым расходованием и хищением бюджетных денежных средств.

Особого внимания заслуживает продолжение реформирования порядка возбуждения дел о налоговых преступлениях. Так, еще в 2022 г. законодателем в целях защиты прав налогоплательщика был возвращен специальный порядок возбуждения дел о налоговых преступлениях только по сообщениям налогового органа, который действовал в 2011–2014 гг. Вместе с этим в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) установлен порядок направления материалов в следственные органы при наличии совокупности таких условий (ч. 3 ст. 32 НК РФ) [5]:

1. С момента вступления в силу решения налогового органа о привлечении к ответственности налогоплательщика прошло 75 дней.

2. Денежных средств, внесенных на единый налоговый счет, недостаточно для исполнения налогоплательщиком в полном объеме своей обязанности.

3. Размер неоплаченной налоговой недоимки позволяет предполагать факт совершения преступления.

Но на практику данные поправки существенно не повлияли, поскольку следственные органы продолжили возбуждать уголовные дела на основании промежуточных результатов налогового контроля, еще до вступления решений налоговых органов в силу.

В этой связи Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ [6] в УПК РФ введено новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела в виде уплаты в полном объеме сумм недоимки, пеней и штрафа в порядке и размерах, определяемых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах (п. 7 ч. 1 ст. 24, ч. 1.2 ст. 148 УПК РФ [2]).

Кроме того, приказом Генпрокуратуры РФ от 24 октября 2023 г. № 736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере» [7] установлено, что уголовные дела об уклонении от уплаты налогов могут возбуждаться исключительно на основании информации, поступившей в порядке ч. 3 ст. 32 НК РФ [5]. Отметим, что данная позиция направлена на борьбу с преждевременным возбуждением уголовных дел.

Возрастание роли информационных технологий, искусственного интеллекта в нашей жизни поспособствовали расширению норм уголовного законодательства в сфере компьютерной информации, добавив в п. «ф» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [1] возможность конфискации денежных средств, ценностей, иного имущества, которые были получены в результате совершения преступлений в рамках «компьютерных» составов: чч. 2–4 ст. 272, 273, 274 и 274.1 УК РФ [1]. То есть обогащение в системе компьютерных технологий и связанных с ними сферах постепенно «входит в правовую плоскость», что также повышает уровень доверия к закону в стране.

Таким образом, краткий анализ норм уголовного законодательства, приведенный в представленной работе, позволяет нам сделать вывод, что наметившиеся тенденции актуализации уголовного законодательства с учетом реальной ситуации в экономике и общественных отношениях приносят свои позитивные плоды и демонстрируют действительную ориентацию на реализацию и защиту прав человека и гражданина в Российской Федерации.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в посл. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой: постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р: распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2023 г. № 672-р // Гарант: информ.-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406488389/ (дата обращения: 04.04.2024).

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере: приказ Генпрокуратуры РФ от 24 октября 2023 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Журавлева И. А., Николаева К. Д., 2024

Максуд Махмудович Каландаров,
начальник кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВЗГЛЯДЫ О СОЦИОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Проблемы понимания и применения наказания в уголовном праве начали достаточно активно разрабатываться учеными западноевропейских стран, начиная с XVIII в.

Социология права представляет собой структурированную систему научных знаний о праве как социальном феномене, его генезисе, бытии и развитии, в том числе рассматривает вопросы относительно понимания и применения в области регулирования мер наказания в национальном законодательстве и в международном праве.

В различных общественных дисциплинах ученые исследовали проблемы понимания и применения в области регулирования наказаний. Данный институт представляется сложным с точки зрения как теории, так и практики и имеет достаточно противоречивые подходы по многим вопросам. В связи с этим требуется индивидуальное рассмотрение с учетом социально-исторических, национально-религиозных, политико-экономических аспектов, а также правовой культуры и менталитета.

Необходимо изучить имеющийся передовой опыт развитых стран (США, Франция, Италия, Германия, Россия, Австрия, скандинавские страны и др.) и те стандарты, которые общепризнанны на основе современных норм международного права, в частности это касается вопросов совершенствования механизмов обеспечения и эффективной имплементации на национальном уровне, осуществления механизмов мониторинга и др.

Вышесказанное определяет актуальность проблемы, вопросы ее понимания и применения в области регулирования наказаний в национальном законодательстве.

Социология наказания изучает пенитенциарные учреждения как социальный институт и пытается объяснить, какие социальные и исторические процессы тем или иным образом рационализируют политику применения наказаний. В этом отношении она отличается от пенологии, которая представляет собой исследовательский подход, фокусирующийся на борьбе с преступностью, природе наказаний, режимах наказания и философии наказания, которая рассматривает наказание как моральную проблему.

Социология наказания пытается понять, почему и как мы наказываем, общую оправдывающую цель наказания и принцип распределения. Наказание предполагает умышленное причинение боли или лишение прав и свобод. Социология наказания обычно рассматривают санкционированные государством действия с точки зрения нарушения закона.

Учеными из Узбекистана (например, М. Х. Рустамбаевым, Ю. М. Каракетовым, А. А. Шамансуровым, Ю. С. Пулатовым, Э. Х. Норбутаевым и др.) был проведен ряд

научных исследований, касающихся проблем цели применения наказания, совершенствования системы наказаний.

Для Узбекистана социология применения наказаний как одна из проблем юридической и социологической науки является социально значимой. Подчеркнем, что по этой проблематике в Узбекистане начали проводить научные исследования. Так, в 2017 г. Н. С. Салаевым была защищена докторская диссертация «Пенитенциар тизимнинг профилактик функцияси самарадорлигини ошириш» (Повышение эффективности профилактической функции пенитенциарной системы), в рамках данного исследования были изучены вопросы социологии применения наказания, ресоциализации осужденных лиц. Кроме этого, Н. С. Салаевым был опубликован ряд научных трудов в области социологии применения наказаний [1–4].

Но вместе с этим нужно признать, что данная проблема для Узбекистана является весьма актуальной и требует дальнейшего и углубленного проведения научных исследований в этой сфере науки и практики.

Социология применения наказаний – это важная и сложная концептуальная проблема, требующая глубокого понимания. В современном мире, где существуют различные правовые системы и подходы к вопросу оправданности и эффективности наказания, социология играет важную роль в выработке социологических и юридических решений.

Социология как наука о социальных взаимодействиях и структурах общества играет большую роль в понимании и анализе различных аспектов правовой системы и практики наложения наказаний. В развитых зарубежных странах, где справедливость и принципы правового государства считаются основополагающими, социология применения наказаний стала важным инструментом для понимания и улучшения законодательства и практики исполнения наказаний.

Однако существуют некоторые проблемы, связанные с пониманием роли и задач социологии в этой области.

Общественное восприятие наказания:

Социологические исследования изучают, как общество в Узбекистане воспринимает наказание, его эффективность и справедливость. Анализируются общественные взгляды на применение различных видов наказаний.

Реабилитация и ресоциализация:

Социология применения наказаний должна рассматривать, насколько эффективно уголовно-исполнительная система способствует реабилитации осужденных и их последующей успешной социальной реинтеграции в общество.

Специфика контекста уголовной политики:

Анализ социологических данных помогает понять, какие факторы в обществе влияют на формирование уголовной политики в Узбекистане. Это может включать в себя общественные требования, стереотипы и ценности.

Доверие к уголовно-исполнительной системе:

Изучение доверия общества к уголовно-исполнительной системе, включая понимание прозрачности процессов, соблюдение прав осужденных и восприятие справедливости, является ключевым аспектом социологии применения наказаний.

Соотношение между нормами и практикой:

Одна из основных проблем заключается в том, что социологические исследования могут обнаруживать расхождения между нормами законодательства и тем, как эти нормы применяются на практике. Исследователи могут обнаружить, что конкретные наказания не соответствуют ожиданиям общества или принципам справедливости. Вопрос заключается в том, насколько эти выводы должны влиять на законодательство и как обеспечить соответствие между нормами и их применением на практике.

Роль социологии в изменении законодательства:

Социологические исследования могут оказывать влияние на реформу законодательства и практику применения наказаний, предлагая альтернативные подходы или выявляя недостатки существующей системы. Однако возникает вопрос, насколько социологические исследования могут и должны влиять на процесс принятия законов и изменения правовых норм. Вопросы этики и справедливости вступают в конфликт с процессом установления законов и принятия правовых решений, а также изучении международных стандартов по применению наказаний [5].

Научный и практический аспекты социологии применения наказаний:

Еще одна проблема заключается в объединении научного анализа исследований социологии применения наказаний с практическим применением этих выводов внутри правовой системы. Законодатели и практики наказаний могут не всегда быть открытыми для участия социологов и учета социологических выводов в своей работе. Разработка механизмов взаимодействия и диалога между социологами и законодателями является важным вопросом для обеспечения более демократического, справедливого и эффективного применения наказаний.

По нашему мнению, для решения вышесказанных проблем понимания социологии применения наказаний в качестве рекомендаций предлагается:

– развитие в Узбекистане новой отрасли права «Социология права» в ведущих учебных заведениях правоохранительных ведомств;

– планирование проведений диссертационных и фундаментальных научных исследований в области «Социологии права»;

– постоянный мониторинг и анализ различных аспектов правовой системы и практики наложения наказаний с целью улучшения качества законодательства и практики их исполнения;

– постоянный контроль и оценка по эффективности применения в отношении различных видов наказаний и их соответствия социальным ожиданиям и ценностям;

– соблюдение принципа справедливости при применении наказаний и обеспечение безопасности личности, общества и государства;

– дальнейшее усовершенствование института реабилитации бывших осужденных, проведение социологических исследований личности осужденных и принятие действенных мер по их ресоциализации;

– обмен опытом в области социологических исследований с ведущими зарубежными государственными органами, центрами и институтами, а также международными организациями;

– выявление и анализ причин и условий, способствующих возникновению и росту того или иного вида преступности;

– определение реальных возможностей наказания, степени их эффективности, определение цели наказания и закрепление средств и методов по их достижению;

– исследование психологической характеристики правонарушителей, их ценностных ориентации и др.;

– дальнейшая демократизация и гуманизация института наказания за исключением лиц, виновных в совершении особо тяжких преступлений;

– установление сотрудничества с международными организациями, специализирующимися на исследованиях в области социологии применения наказания, для обмена опытом и использования передовых методик;

– проведение тренингов и обучение сотрудников уголовно-исполнительной системы по основам социологических исследований, чтобы повысить их квалификацию и осведомленность;

– создание механизмов для активного участия гражданского общества в оценке и мониторинге условий содержания и применения наказания, например через создание общественных комиссий или партнерство с независимыми неправительственными организациями;

– регулярная публикация отчетов о результатах социологических исследований в области применения наказания для обеспечения прозрачности и доступности информации для общественности.

Концептуальные проблемы понимания роли и задач социологии в применении наказаний в законодательстве и практике развитых зарубежных стран требуют глубокого и всестороннего анализа. Социологический подход позволяет исследовать взаимосвязь между наказаниями, обществом и правовыми системами, а также предлагает возможные решения для создания более справедливых и эффективных систем наказания.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Salaev N. S. Criminal Punishment: the Attempt of Social and Philosophi cal Understanding // Ўзбекистон қонунчилиги таҳлили. 2016. № 4. Б. 58–60.

2. Salaev N. S. Penitentiary Policy of the State in the context of Sociological, Political and Legal views: Reality and Prospects // European Journal of Academic Essays. 2017. № 4 (3). P. 66–71.

3. Салаев Н. С. К вопросу о влиянии социально-экономических факторов на реализацию задач государственной пенитенциарной политики // Journal of Law Research. 2017. № 2. P. 46.

4. Salaev N. S. Penitentiary system of Uzbekistan: the idea of liberalization. Monograph // Publisher: LESSON PRESS, 2020. ISBN 978-9943-6261-1-9.

5. Римский статут Международного уголовного суда (77–80 статьи) // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 10.05.2024).

© Каландаров М. М., 2024

Наталья Викторовна Кальченко,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Исследователи отношений, выступающих объектом уголовно-правового воздействия, всегда отмечали актуальность и сложность применения норм, устанавливающих обстоятельства, исключающие преступность деяния. Особое внимание заслуживает институт крайней необходимости как своеобразный механизм реализации принципов гуманизма и справедливости, в целом акцентированный на защиту интересов общества, но при этом допускающий нарушения некоторых установленных в нем правил поведения.

Изначально крайняя необходимость рассматривалась как уважительное обстоятельство, оправдывающее нарушение церковных обетов или правил выполнения обрядов (подтверждение этому можно найти в источниках канонического права), однако впоследствии ее идеи стали находить отражение в гражданских законах.

Эволюция данного института приводила к существенному изменению его содержания на разных этапах исторического развития, на которое накладывали свой отпечаток господствовавшие на тот момент моральные воззрения и идеологические догмы. К примеру, представители дореволюционной школы российского уголовного права в большинстве исходили из того, что крайняя необходимость может исключать лишь наказуемость деяния, а само деяние при этом не утрачивает признака противоправности. Например, Н. Д. Сергиевский считал, что «закон не может позволить всем и каждому спасать блага и интересы одних лиц за счет причинения вреда другим. Это значило бы отдать права и блага граждан в распоряжение первому встречному, который бы пожелал спасать других от беды за чужой счет» [1].

На содержание института немалое влияние оказывали общественно-политическая обстановка и государственно-политический режим, однако неизменной оставалась его социальная природа, суть которой может быть выражена фразой «что не дозволено законом, делает дозволенным необходимость».

Имеющиеся научные исследования позволяют констатировать, что юридическая природа крайней необходимости уходит корнями в плоскость защиты социально значимых целей как личного (жизнь, свобода, неприкосновенность и т. д.), так и общественно-государственного характера (государственная собственность, общественная безопасность и т. д.).

Крайняя необходимость с точки зрения современной теории уголовного права – это вариант поведения, за которым в данной конкретной ситуации (имеющей, безусловно, экстремальный характер) признается более высокая степень социальной значимости по сравнению с соблюдением закона. Субъект, сталкивающейся с наличием опасности в отношении нескольких благ одновременно и при этом осознающий невозможность их полного сохранения, попадает в ситуацию вынужденного выбора,

решая, какой из ценностей отдать предпочтение, направив усилия на ее защиту. Очевидно, что оценка соразмерности двух видов вреда – причиняемого и предотвращаемого – является наиболее сложной для субъекта, осуществляющего вредоносный поступок.

Теоретически любой человек может оказаться в ситуации, вынуждающей его совершить деяние, имеющее формальное сходство с некоторыми видами преступлений, но при этом не обладающее признаком общественной опасности. В процессе его правовой оценки следует акцентировать внимание на ряде условий, среди которых особое значение имеют вынужденный характер деяния, социальная значимость преследуемой цели, этическая основа мотивации.

Изучение научных источников позволяет признать наличие спорных моментов в ситуациях применения правил крайней необходимости по отношению к действиям, направленным на причинение смерти. Предметом дискуссии чаще всего выступает вопрос соотношения причиненного и предотвращенного вреда.

Среди исследователей распространена точка зрения, в соответствии с которой причиненный вред всегда должен быть меньше предотвращенного по количественным и (или) качественным показателям [2]. Качественный показатель ориентирован на сравнение объектов с точки зрения их ценности с целью придания одному из них приоритетного значения. Если они разноплановы (например, жизнь, здоровье и собственность), то критерий выбора очевиден: жизнь и здоровье человека должны признаваться более ценными по сравнению с благами материальными.

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Данная формулировка подтверждает безусловную ценность человеческой жизни в сравнении с ценностями иного рода и позволяет сделать вывод о равноценности жизни всех членов социума: законопослушных и осужденных за совершение особо тяжких преступлений, социально полезных и маргинальных и т. п.

Соответственно, в правовом смысле вопрос ценности субъекта, равно как и качества его жизни, формально снимается с дискуссионной повестки, однако проблемы правовой оценки деяний при этом не исчезают. Примером может служить следующая ситуация. Перед автомобилем, которым управляет лицо с соблюдением правил дорожного движения, внезапно на дорогу выбегает малолетний ребенок; при этом расстояние между ним и транспортным средством настолько мало, что исключает техническую возможность избежать наезда путем экстренного торможения. Водитель оказывается перед выбором: совершить наезд на ребенка, либо сделать резкий маневр, свернув вправо на пешеходную часть и при этом совершить наезд на престарелого человека, либо влево, осуществив столкновение с мотоциклистом, движущимся с большой скоростью в попутном направлении и находящимся вблизи места планируемого маневра. Полагаем, что в подобных обстоятельствах будет немало сторонников выбора в пользу сохранения жизни ребенка и мотоциклиста; возраст будет решающим аргументом при выборе неизбежной жертвы. Заметим, что ни на законодательном уровне, ни на уровне Верховного Суда Российской Федерации как официального толкователя уголовного закона, возрастной критерий в качестве правового основания, которым должен руководствоваться причинитель вреда,

не фигурирует. Это обстоятельство позволяет констатировать неоднозначность перспективы признания действий водителя, сделавшего выбор в пользу спасения жизни указанных лиц, крайней необходимостью.

Приведенный пример проиллюстрировал одно из условий крайней необходимости – наличие угрозы, неустранимой без причинения вреда.

Развитие социальных отношений неминуемо ставит перед обществом вопросы, ответы на которые требуют переосмысления этического аспекта ценности человеческой жизни. Закономерно, что в общественных дискурсах рождается сомнение в абсолютном характере этой ценности; его результатом подчас выступает идея о возможности применения качественного показателя жизни человека в ситуациях, когда речь идет о спасении других жизней в условиях отсутствия угрозы как таковой. Например, человек, пребывающий в терминальной стадии, вызванной патологическим состоянием организма, либо в состоянии, именуемом «хроническим вегетативным», является перспективным донором органов и тканей, которые, будучи изъятыми у живого лица, демонстрируют гораздо больший процент приживаемости по сравнению с органами, изъятыми у трупов. Несмотря на то, что данное лицо либо находится на пороге смерти (терминальное состояние), либо безвозвратно утратило свои когнитивные способности, характеризующие качество жизни (хроническое вегетативное состояние), его нельзя использовать в качестве донора для массовой эксплантации органов и тканей, которая приведет к биологической смерти, но при этом спасет большое количество иных жизней. В подобных обстоятельствах изъятие органов и тканей, ставшее причиной биологической смерти, не признается действием в состоянии крайне необходимости и будет квалифицироваться в соответствии с п. «м» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В России изъятие органов у живого донора допускается только при условии его письменного добровольного информированного согласия и исключительно для трансплантации лицам, находящимся с ним в генетической связи (за исключением случаев пересадки костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток) [3].

Количественно равное причинение вреда одному и тому же объекту уголовно-правовой охраны в состоянии крайней необходимости не исключает преступности деяния (в ч. 2 ст. 39 УК РФ причинение «равного» вреда названо одним из критериев превышения пределов крайней необходимости). С учетом равноценности жизней, о которой говорилось выше, критерий «равного вреда» должен быть применен к их численному соотношению, т. е. спасенных жизней должно быть больше, чем принесенных в жертву. Насколько больше? Должно ли численное превосходство быть существенным или достаточно «перевеса» в одну человеческую жизнь? На это ни законодатель, ни органы, уполномоченные на официальное толкование уголовного закона, ответа не дают. В этой связи представляет интерес позиция Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ, Суд), традиционно занимающего жесткую позицию в вопросах оценки приемлемости умышленных действий со стороны представителей государства, приводящих к смерти людей, в том числе в ходе пресечения террористических актов.

Предметом разбирательства ЕСПЧ по жалобе «Финогенов и другие против России» были действия государства при пресечении теракта в театральном центре на Дубровке (г. Москва) в октябре 2002 г. [4].

Утром 26 октября 2002 г. в зрительный зал театра, в котором находились несколько сотен заложников, через вентиляционные системы был пущен наркотический газ, вызвавший потерю сознания как захваченных людей, так и находившихся в зале террористов-смертников. В процессе штурма сотрудниками спецподразделения ФСБ России террористы-смертники были уничтожены в бессознательном состоянии, другие террористы, пытавшиеся оказать сопротивление, были ликвидированы в ходе последовавшей перестрелки. Большинство заложников были освобождены, однако 125 человек погибли в результате острой дыхательной и сердечной недостаточности на месте событий либо чуть позднее в городских больницах.

Российские власти, как установил Суд, приняли решение о штурме здания после того, как все иные способы освобождения заложников показали свою неэффективность. Выбор средств был оправдан риском возможного взрыва бомб, которые могли повлечь гибель всех людей, находившихся в зале. Из перехваченных переговоров террористов можно было заключить, что они готовы к уничтожению заложников и собственной смерти в случае отказа властей от выполнения их требований, которые априори были невыполнимы, так как носили политический характер (в действующем ФЗ «О противодействии терроризму» и в ФЗ «О борьбе с терроризмом», действовавшим на момент совершения теракта, содержится запрет на ведение переговоров с террористами, предметом которых выступают требования политического характера). Руководители контртеррористической операции сознавали невозможность пресечения теракта в сложившихся обстоятельствах без человеческих жертв. Последующая экспертиза взрывных устройств, установленных террористами в театре, подтвердила, что совокупный эффект от взрывов в любом случае уничтожил бы большинство заложников в зале.

В своем постановлении от 20 декабря 2011 г. ЕСПЧ пришел к выводу, что применение газа могло способствовать освобождению заложников и уменьшению опасности взрыва, даже если оно и не устранило эту угрозу полностью. В итоге Суд констатировал, что применение газа во время штурма при данных обстоятельствах *не было непропорциональной мерой* (курсив мой – Н. К.) и в качестве таковой не нарушало ст. 2 Конвенции (право на жизнь). ЕСПЧ признал, что решения российских властей были «сложными и мучительными», но вполне оправданными, несмотря на то, что спустя время они могут выглядеть небезупречными. Фактически ЕСПЧ подтвердил, что с позиции европейского правосудия действия сотрудников спецподразделения ФСБ, приведшие к гибели части заложников, были совершены в состоянии крайней необходимости.

Отметим прозвучавшее в научной литературе предложение отказаться от квалификации в качестве крайней необходимости действий лица в случае, если обязанности по устранению опасности здоровью и жизни граждан, их имуществу возложены на него в силу закона и являются его прямой служебной обязанностью. Соответствующее разъяснение автор идеи полагает целесообразным изложить в ч. 3 ст. 39 УК РФ [5].

Следует признать наличие большого пласта проблем теоретического и правоприменительного характера, связанных с реализацией института крайней необходимости. Наиболее действенным способом разрешения большинства из них могли бы стать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в соответствующем постановлении; этот шаг позволил бы разрешить многочисленные спорные вопросы квалификации крайней необходимости.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 397 с.

2. Васик Е. А. Крайняя необходимость: спасение своей жизни за счёт жизни другого человека // Евразийская адвокатура. 2016. № 5 (24). С. 29–31.

3. О трансплантации органов и (или) тканей человека: федер. закон от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 1 мая 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. «Дело "Финогенов и другие (Finogenov and others)" против Российской Федерации» (жалобы № 18299/03 и 27311/03): Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Нагорный А. П. Проблемы квалификации крайней необходимости в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 355–360.

© Кальченко Н. В., 2024

Виталий Алексеевич Канубриков,
заместитель начальника кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для Российской Федерации, имеющей многонациональное и многоконфессиональное население, вопрос организации противодействия экстремистской деятельности имеет первостепенное значение. В последние годы активизировалась деятельность экстремистских формирований, направленная на смену политического курса страны, дестабилизацию общественно-политической ситуации [1–4]. В связи с чем в последние годы большое значение приобрела общественная безопасность. Создание незаконных вооруженных формирований, активизация деятельности террористических организаций, постоянный рост бандитизма создают реальную угрозу нормальному функционированию государства и общества. Экстремизм подразделяют на религиозный, политический, националистический. Обладая финансовыми ресурсами, экстремистские организации способны серьезно дестабилизировать сложившуюся в обществе ситуацию. Экстремизм имеет определенную идеологию, без которой он бы не мог существовать, и его опасность в том, что в случае непринятия мер по борьбе с ним, в экстремистскую деятельность может быть втянуто значительное число населения из различных социальных слоев. Кроме того, необходимо отметить, что при распространении идей радикальных течений ислама среди населения часто происходит обострение межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, расширение масштабов применения экстремистских методов в политической борьбе. В основном распространение религиозного экстремизма обусловлено экономическим и социальным кризисом, демографическими процессами, попытками зарубежных государств оказать влияние на процессы, происходящие в российском обществе [5, с. 26].

На современном этапе развития российского уголовного права вызывает затруднение применение норм уголовного закона о преступлениях экстремистской направленности. Признак противоправности преступлений экстремистской направленности носит двойственный характер: их содержание предусмотрено как нормами Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), так и Федеральным законом РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором нашли свое воплощение меры противодействия экстремизму [6, с. 14–16].

Экстремистское сообщество – это организованная для подготовки или совершения преступления экстремистской направленности группа лиц. УК РФ в ст. 282.1 предусматривает уголовную ответственность за создание экстремистского сообщества, т. е. осознанное, волевое, активное поведение лица по объединению физи-

ческих лиц в сообщество, целью которого является совершение преступлений экстремистской направленности; руководство экстремистским сообществом или его частью, входящим в такое сообщество структурным подразделением, т. е. действия, направленные на разработку планов совершения преступлений и мероприятий по осуществлению данных планов, распределению ролей и функций между участниками сообщества, и обеспечению необходимыми для совершения преступлений средствами; создание объединения организаторов, руководителей, или иных представителей таких частей и подразделений, т. е. соединение участников сообщества в единую самообразующуюся общность для согласованной деятельности по подготовке преступлений экстремистской направленности.

В примечании к ст. 282.1 и 282.2 содержатся особые основания освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, законодатель пытается использовать дополнительные меры борьбы с преступлениями экстремистской направленности, а также меры эффективного расследования таких преступлений, учитывая, что экстремистская деятельность является одной из самых законспирированных и проведение расследования затрудняется молчанием участников сообщества, которые опасаются наступления уголовной ответственности и не желают свидетельствовать против себя и своих сообщников.

Создание экстремистского сообщества считается оконченным с момента фактического образования самого сообщества, т. е. с момента объединения нескольких лиц для совершения преступлений экстремистской направленности. Квалификация по ст. 282.1 не ставит в зависимость от того, были ли данным сообществом совершены преступления или иные действия, направленные на подготовку их совершения, важен сам факт образования для достижения конкретных целей. Готовность экстремистского сообщества к совершению преступлений определяется согласованностью участников по применению насилия в общественных местах по отношению к лицам, обладающим определенными признаками, например пол, раса, национальность, социальное положение, отношение к религии и т. д. [7].

Обратимся к разъяснениям Пленума Верховного суда Российской Федерации (ПВС РФ). Так, в соответствии со ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [8] организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3, 360 и 361 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы – ликвидации), также признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица

за создание сообщества, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем.

Необходимо четко определить, что входит в понятие «организация» и «участие». Согласно Постановлению ПВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (с изм. и доп.), понятие «организация деятельности террористической организации» содержит в себе осуществление действий организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации, например созыв собраний, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации. Под участием в деятельности террористической организации понимается совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых организационных мероприятиях и т. п.).

Федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Копия вступившего в законную силу судебного решения по делу о признании организации террористической и о ее ликвидации (запрете ее деятельности) в пятидневный срок со дня вступления в законную силу соответствующего судебного решения или возвращения дела из суда апелляционной инстанции направляется судом первой инстанции в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности. Указанный список подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством РФ, в десятидневный срок со дня поступления копии соответствующего судебного решения в указанный федеральный орган исполнительной власти.

Таким образом, экстремистское сообщество представляет собой группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, характеризующуюся устойчивостью и сплоченностью, направленную на совершение тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности. Именно в совокупности данные признаки дают основания квалификации преступлений, совершенных в составе преступных организованных групп экстремистским сообществом.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. ФСБ России совместно с МВД России и Росгвардией пресечена в Волгоградской области деятельность ячейки запрещенной в Российской Федерации международной экстремистской организации «ТаблигиДжамаат» // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

2. ФСБ России задержаны пять активных членов запрещенного в России экстремистского религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

3. ФСБ России при силовой поддержке Росгвардии пресечена деятельность религиозно-экстремистской ячейки, осуществлявшей ресурсное обеспечение запре-

щенной на территории России МТО «Исламское государство» // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

4. ФСБ России в рамках возбужденного ГСУ СК России по г. Москве уголовного дела задержаны активные члены националистической организации, причастные к совершению насильственных и экстремистских преступлений на территории России // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

5. Власов В. И. Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации: лекция // Российская академия государственной службы при президенте Российской Федерации, М.: РАГС, 2009. 43 с.

6. Стрилец О. В., Канубриков В. А. К вопросу о системе принципов уголовного права // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 5 (54). С. 14–18.

7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

© Канубриков В. А., 2024

Юлия Игоревна Козаренко,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Квалификация половых преступлений и назначение справедливого наказания за их совершение являются актуальной темой исследования. Факты совершения половых преступлений, особенно в отношении детей, обоснованно вызывают высокий общественный резонанс и острую необходимость найти решение крайне непростой задачи. Государственные органы власти и общественность объединили усилия по поиску путей по защите детей от насильников, обсуждался вопрос об отмене моратория на смертную казнь, химическая кастрация для насильников детей. Сейчас уголовное наказание за совершение половых преступлений в отношении несовершеннолетних усилено – вплоть до пожизненного лишения свободы.

Половые преступления в уголовном праве – это совокупность умышленных общественно опасных деяний, нарушающих уголовно охраняемые общественные отношения в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности, в зависимости от вида с применением физического или психического насилия либо использованием беззащитного состояния, состояния зависимости, с помощью обмана и других действий, с использованием сети Интернет. Совершение половых преступлений имеет разрушительные последствия, способные привести к разрушению социальных норм и ценностей, создавая культуру беззакония и безнравственности.

Объективная сторона половых преступлений характеризуется действиями, подразделенными на две группы: 1) преступления с применением насилия (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера и группа преступлений); 2) без применения насилия: половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и развратные действия.

Субъективная сторона полового преступления выражается в психическом отношении преступника к совершенному им деянию, мотивации, целеустремленности и эмоциональном состоянии и характеризуется прямым умыслом, сексуальными мотивом и целью. Мотивы преступного поведения представляют собой совокупность причин, побуждений, внутренних убеждений, заставляющих человека удовлетворять свои сексуальные потребности преступным путем.

В уголовном праве квалификация представляет собой оценку уголовно-правового характера тех фактических обстоятельств дела, которые имели место. Квалификация преступления позволяет суду определить справедливое наказание для виновного.

Для правильной квалификации деяния необходимо отграничивать его от смежных по признакам составов преступлений. В уголовном праве существует несколько критериев, по которым можно отграничить, в том числе и половые преступления: объект, субъект преступного посягательства; характеристики, входящие в объективный, а также субъективный аспекты.

Изнасилование (ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) [1] – половое сношение с применением насилия либо угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Совершение изнасилования предполагает отсутствие согласия потерпевшей на половое сношение, в некоторых случаях сложно доказать отсутствие согласия и виновность человека, который обвиняется в изнасиловании. При квалификации изнасилования трудности возникают в установлении добровольного отказа от изнасилования и покушения на изнасилование.

Вопрос квалификации изнасилования рассматривался А. В. Шеслер, А. А. Сембаевой, продемонстрировавшими на конкретном примере сложности при квалификации изнасилования. Двое граждан находились в лесу, увидели проходящую мимо женщину и решили ее изнасиловать. Нанеся ей побои, они потащили в глубь леса. Свои намерения им не удалось довести до конца: испугавшись звука проезжающего автомобиля, они бросили женщину, скрывшись в лесу. На предварительном следствии ставился вопрос о наличии добровольного отказа, с чем суд не согласился и признал лиц виновными в покушении на изнасилование. Уголовное дело рассматривалось областным судом в кассационном порядке, и суд признал наличие добровольного отказа. В данном случае А. В. Шеслер, А. А. Сембаева задают вопрос, можно ли считать данные действия добровольным отказом. Можно заметить, что лица осознавали возможность доведения изнасилования до конца [2, с. 45].

Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) (мужеложство[1], лесбиянство[1]) являются преступлением, посягающим на половую свободу не только женщины, но и мужчины, при этом деяние может и не содержать в себе элементов полового сношения в естественной или неестественной формах.

К субъектам насильственных действий сексуального характера относятся лица с гетеросексуальными отклонениями от нормы в сексуальном влечении и идентичности. Лесбиянство – сексуальное отклонение женщины, которую привлекают другие женщины. Сексуальные отклонения могут быть вызваны прошлым опытом сексуального насилия, самой распространенной причиной является нарушение развития гендерной идентичности, что в большинстве случаев заканчивается гомосексуальным[1] влечением. Гендерную идентичность можно охарактеризовать через восприятие себя с точки зрения своего пола.

В юридической литературе обращается внимание на схожесть ст. 131 и 132 УК РФ, дублирование законодателем квалифицирующих признаков. Основным отличительным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 132 и 131 УК РФ, являются потерпевшие, если по ст. 132 УК РФ потерпевшими могут быть как мужчина, так и женщина, то потерпевшей по ст. 131 УК РФ может быть только женщина.

[1] Признано экстремистским движением на территории Российской Федерации.

Ю. А. Позднышева, предлагающая объединить ст. 131 и ст. 132 УК РФ, свою позицию аргументирует, помимо экономии уголовно-правового материала, тем, что объединение позволило бы решить «многие вопросы в уголовно-правовой практике:

– категория потерпевших лиц была бы расширена в новом составе и обезличена, соответственно под уголовно-правовую охрану подпадали лица любого пола, что, в свою очередь, устранит дискриминационные факторы из уголовного закона (дискриминация по признаку пола);

– устранилось бы дублирование квалифицирующих признаков, которые содержались бы в одном составе и санкции содержались только по одному составу» [3, с. 71].

Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера предусмотрена ст. 133 УК РФ. Под «понуждением» следует понимать активное действие, без физического воздействия, без использования предметов и орудия для устрашения, а только в виде психического воздействия.

Основным признаком, позволяющим разграничить ст. 133 от ст. 132 УК РФ, является способ подавления воли потерпевшего. Квалификация по ст. 132 УК РФ подразумевает учет таких обстоятельств, при которых потерпевший не мог оказать какое-либо сопротивление из-за физических или психических особенностей.

При разграничении составов преступлений по ст. 134 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим возраста 16 лет, следует учитывать возраст потерпевшей (16 лет) и возраст субъекта преступления, достигшего 18 лет.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, выражается в совершении развратных действий без применения насилия в отношении лица, которое не достигло возраста 16 лет. Развратные действия могут негативно отражаться как на физическом, так и на психическом здоровье и благополучии, так как приводят к чувству стыда и изоляции, что может способствовать возникновению проблем с психическим здоровьем, таких как депрессия, а в будущем – расстройства сексуального предпочтения и т. д.

При квалификации деяний, предусмотренных ст. 132 и 135 УК РФ, нужно принимать во внимание, что по ст. 132 УК РФ следует квалифицировать действия виновного, совершаемые против воли потерпевшего, а также в отношении лица в беспомощном состоянии либо не осознающего их характер вследствие возраста или психического развития, а развратные действия совершаются с добровольного согласия потерпевшего и не предполагают насилия.

В примечании к ст. 131 УК РФ указано на необходимость квалификации преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 135 УК РФ, совершенных в отношении лиц в возрасте до 12 лет, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

В судебной практике существуют определенные трудности при квалификации действий сексуального характера в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, когда субъект преступления не подпадает под требования ст. 135 УК РФ, и, выносится оправдательный приговор. Так, Ш. дважды совершил действия сексуального характера в отношении ребенка, не достигшего возраста 12 лет. Суд оправдал Ш. за отсутствием в его деяниях состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4

ст. 132 УК РФ, сославшись на примечание к ст. 131 УК РФ, и пришел к выводу, что действия Ш. в отношении ребенка, не достигшего двенадцатилетнего возраста, не могут рассматриваться как преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Суд полагал, поскольку Ш. не достиг восемнадцатилетнего возраста, он не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, в связи с чем его деяния не могут быть квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Суд, оправдывая Ш., ошибочно исходил из позиции его ответственности за инкриминированные ему деяния, отвечающие требованиям к субъекту преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. Действия Ш. подлежат квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Верховный Суд РФ оправдательный приговор отменил, передав уголовное дело на новое судебное разбирательство [4, с. 72]. Полагаем, что решить приведенную проблему можно путем снижения возраста субъекта преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ с 18 до 16 лет.

Таким образом, к проблемам квалификации и отграничения половых преступлений следует отнести несовершенство некоторых составов половых преступлений в части пересечения квалифицирующих признаков; трудности квалификации развратных действий, совершенных лицом, не достигшим совершеннолетия в отношении лица, которому исполнилось 12 лет.

Анализ практики применения уголовных норм, предусматривающих ответственность за половые преступления, показал, что в судебной практике возникают трудности в квалификации по ст. 135 УК РФ в части совершения развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, поскольку данный квалифицирующий признак отсутствует. При квалификации развратных действий лица в отношении лица, не достигшего возраста 12 лет, согласно примечанию к ст. 131 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по ч. 4 ст. 131 УК РФ либо по ч. 4 ст. 132 УК РФ, т. е. как совершение полового преступления с применением насилия.

Полагаем излишним перечисление в ст. 132 УК РФ насильственных действий сексуального характера (мужеложство, лесбиянство), считаем, что данные термины должны быть исключены, оставаясь составляющими «насильственных действий сексуального характера». Учитывая, что в ст. 131 и 132 УК РФ содержатся идентичные квалифицирующие признаки, они могут быть объединены в одну уголовно-правовую норму.

Российская Федерация – одна из стран, поддерживающих только традиционные семейные ценности, брак возможен только между женщиной и мужчиной, запрещается смена пола. Кроме того, в России запрещается пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений. Государство предпринимает все необходимые меры по защите несовершеннолетних, в том числе путем ужесточения уголовной ответственности за совершение половых преступлений.

Эффективная профилактика половых преступлений предполагает выработку комплекса мер, вовлеченность не только органов государственной власти, но и общественности, обычных граждан.

Наличие угрозы наказания за совершение половых преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами гл. 18 УК РФ, способно оказать профилактическое действие и быть сдерживающим фактором их совершения. Пожизненное ли-

шение свободы насильникам как наказание за половое преступление является правильным решением законодателя, продиктованным желанием снизить количество случаев совершения половых преступлений. Полагаем, его реализация решения о назначении пожизненного лишения свободы позволит изолировать насильников от общества, снизить количество половых преступлений.

Работа по предотвращению совершения половых преступлений должна быть усилена по следующим направлениям: создание публичного реестра насильников, пожизненный надзор для педофилов, их обязательное лечение, усиление работы с семьями, ведущими асоциальный образ жизни, привлечение к проблеме общественности и др.

Кроме того, родители должны донести до своего ребенка правила безопасности и алгоритм его действий в случае обращения к нему незнакомых лиц. Повышение бдительности граждан, усиление взаимодействия с органами государственной власти может внести свой вклад в борьбе с половыми преступлениями, совершаемых в отношении детей.

С целью предотвращения преступлений каждый гражданин должен предпринимать меры в случае фиксации факта какого-либо непристойного предложения несовершеннолетнему. Отметим работу Всероссийского центра мониторинга, созданного с целью осуществления мониторинга и сбора информации о лицах, совершающих преступления против половой неприкосновенности малолетних, Центром организована горячая линия. В социальных сетях уже созданы группы, собирающие сведения о лицах, размещающих на своих страницах предложения сексуального характера. Люди, увидевшие предложения сексуального характера, а также осуществляющие с ними переписку, копируют информацию, добавляя ее на сайт. Данная информация может быть полезна не только обычным гражданам – пользователя сети Интернет, – но и правоохранительным органам.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

2. Голенко Д. В. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. 88 с.

3. Позднышева Ю. А. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации // Science and education: problems and innovations: матер. межд. научн.-практ. конф., Пенза, 12 октября 2020 г. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2020. С. 69–71.

4. Изнасилование и действия сексуального характера: проблемы квалификации / А. В. Шеслер, А. А. Сембаева // Проблемы науки. 2020. № 10 (58). С. 44–46.

© Казаренко Ю. И., 2024

Екатерина Алексеевна Косенко,
магистр Санкт-Петербургского университета МВД России

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ» – ОСНОВА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Антикоррупционная политика России представляет собой выстроенную систему организационно-правовых мер, направленных на выявление причин, условий коррупции, минимизации последствий, а также привлечение виновных лиц к ответственности. Коррупция, выступая в качестве социального явления, требует взаимосвязанных действий уполномоченных органов власти, общественных организаций и физических лиц. В таком случае одной из наиболее эффективных мер, направленных на регулирование антикоррупционной политики, является Федеральный закон «О противодействии коррупции» (далее – Закон) [1].

Закон реализует конституционные положения по противодействию коррупции, позволяя сформировать правовую основу антикоррупционной политики в стране. Он предполагает выстраивание всей деятельности по противодействию коррупции с учетом требований ст. 2 Конституции Российской Федерации [2], согласно которой права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их защита – обязанность государства.

Законодательно закреплены понятия «коррупция», «противодействие коррупции» (ст. 1). Законодатель указал на разновидности коррупционных проявлений, те характеристики, которые подпадают под данное понятие. На основании данного определения рассматривается и противодействие коррупции, а именно через призму:

– предупреждения коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

– выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

– минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

В соответствии с данным определением сделаем вывод, что противодействие коррупции предполагает комплексное воздействие как на причины и условия совершения коррупционных правонарушений, привлечение к ответственности, в том числе путем расследования уголовных дел и дел об административных правонарушениях, так и минимизацию последствий от коррупции. Исходя из этого выстраивается вся система антикоррупционной политики России.

Законодатель также указал в ст. 1 Закона, что деятельность по противодействию коррупции осуществляется не только специально созданными органами государственной власти, местного самоуправления, но и общественными организациями и физическими лицами. Такое решение продиктовано социальным происхождением коррупции, наличием среди причин и условий совершения коррупционных правонарушений уровня правосознания граждан, проявляющегося в допустимости дачи взяток, терпимости к коррупционным проявлениям государственных служащих и др. [3, с. 104].

Востребованность антикоррупционной политики с правовой точки зрения исходит из следующих факторов [4, с. 71]:

– политика государства предполагает задействование значительного объема функциональных обязанностей и полномочий органов власти, общественных организаций и физических лиц;

– правовая основа исходит из взаимосвязанных между собой нормативных правовых актов различной юридической силы, обусловленных профилактикой (выявлением причин и условий), борьбой (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений) и минимизацией последствий от коррупционных проявлений.

Антикоррупционная политика, выражающаяся, в первую очередь, в противодействии коррупции, исходит из ряда принципов (ст. 3):

1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;

6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Таким образом, при изучении Закона нами сделан вывод о его важности для осуществления антикоррупционной политики страны. Это объясняется рядом обстоятельств: во-первых, Закон закрепляет понятия «коррупция» и «противодействие коррупции», что позволяет идентифицировать коррупцию в содержании общественных отношений; во-вторых, Законом установлены принципы деятельности по противодействию коррупции, направления и полномочия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и физических лиц. Закон фактически обеспечивает реализацию конституционных основ антикоррупционной политики, позволяя выстраивать всю правовую систему России.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.

2. Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013 (дата обращения: 24.02.2024).

3. Вовк В. А. Антикоррупционные административные процедуры в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 102–106.

4. Гуделев И. М. К вопросу о понятии «Коррупция» // Молодежь XXI века: шаг в будущее: матер. XXI региональной науч.-практ. конф.: в 4 т., Благовещенск, 20 мая 2020 г. Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2020. Т. 2. С. 70–71.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Криминология. Особенная часть : учеб. / под общ. ред. Н. А. Корсиковой. – Санкт-Петербург : ООО «Р-КОПИ», 2019. – 232 с. – ISBN 978-5-6042970-5-6.

© Косенко Е. А., 2024

Анжелика Агучевна Косян,
ассистент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОДУКЦИИ, ТОВАРОВ И УСЛУГ В США

Несмотря на то, что отношения между Россией и США практически прекращены, опыт этого государства в обеспечении безопасности товаров и услуг представляет значительную ценность. США являются государством с богатой историей предпринимательства, которое развивалось непрерывно, в отличие от нашей страны. Влияние крупного капитала велико не только в экономической сфере, но и в политике. Крупные компании или их ассоциации лоббируют принятие законов, всячески облегчающих их деятельность и смягчающих контрольные полномочия государства. При этом важнейшее значение имеет деловая репутация компании. Длительное время существования означает наличие обширной клиентской базы, обеспечивающей сохранение бизнеса. В таких условиях возникают неофициальные формы общения потребителей продуктов и услуг с поставщиками, при которых большое значение имеют стабильность качества продукции, гарантированные сроки поставки продукции, качество общения с клиентами и иные факторы, составляющие деловую репутацию.

В США сформирована развитая система контроля за безопасностью товаров и услуг, включающая в себя как деятельность соответствующих организаций, так и правовые механизмы защиты прав и свобод от деятельности недобросовестных поставщиков.

Система органов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению защиты прав потребителей, включает государственные органы, например Федеральную торговую комиссию, саморегулируемые бизнес-организации, деятельность которых распространяется как на США, так и за их пределы и неправительственные организации (группы, агентства по защите прав потребителей) [1].

На федеральном уровне 15 организаций контролируют соблюдение нескольких десятков законов (не менее тридцати), связанных с обеспечением безопасности пищевой продукции. Наиболее значимыми из них являются Департамент сельского хозяйства США (USDA) и Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration, FDA), Департамент здравоохранения и социальных служб США, имеющие обширные полномочия в части контроля за качеством широкого спектра продукции. Согласно информации на официальном сайте FDA [2] организация администрирует оборот продуктов питания (за исключением продукции, контроль за оборотом которой осуществляет USDA), лекарственных препаратов, медицинского оборудования, радиационных материалов, животных и ветеринарии, косметики, табачных изделий, вакцин, крови (для переливания и биологических препаратов).

Указанные учреждения имеют право на проведение исследований, проверок, наложения штрафных санкций и требования отзыва продуктов, не отвечающих требованиям безопасности [3].

Законом 1972 г. о безопасности потребительских товаров [4] учреждена Комиссия по безопасности потребительских товаров CPSC (Consumer Product Safety Commission) – государственный орган, члены которого назначаются Президентом США. Функции комиссии состоят в сборе информации о травмах, связанных с использованием опасной продукции, проведении расследований об их причинах, помощи производителям в создании стандартов безопасности и разработке методов испытаний продукции, проведении исследований безопасности продукции, работа с потребителями и информирование общества о качестве товаров и услуг.

В США нет органов прокуратуры, однако схожие полномочия выполняет атторнейская служба, входящая организационно в Министерство юстиции [5]. Интересной особенностью контроля за безопасностью товаров и услуг в США является то, что атторнейская служба наделена полномочиями в сфере контроля за безопасностью товаров и услуг, для чего в ее структуре создаются специальные отделы, в обязанности которых входит надзор за соблюдением потребительского законодательства на подведомственной территории [1].

С учетом принципа федерализма, каждый штат самостоятельно определяет организационные особенности и объем полномочий атторнейской службы [6]. Указанное обстоятельство придает большую гибкость системе обеспечения безопасности товаров и услуг, позволяя акцентировать усилия контролирующих органов на специфических для конкретной местности проблемных вопросах.

Характеризуя правовую базу обеспечения безопасности товаров и услуг, необходимо отметить обилие законов, действующих относительно узкого круга продукции, либо когда безопасность сходных видов продукции регулирует несколько законов. Примерами подобных законов являются:

– закон о национальной политике в области безопасности дорожного движения и автомобильного транспорта (1966 г.) [7], которым устанавливаются обязательные стандарты безопасности на автомобили и шины;

– закон о маркировке автомобилей [8], устанавливающий в целях обеспечения безопасности обязанности по маркировке деталей автомобилей и указании их производителей;

– закон о чистых продуктах питания и лекарствах 1906 г. [9], запрещающий оборот фальсифицированных или неправильно маркированных продуктов и лекарств;

– закон США «О контроле качества мясных продуктов», [10] регламентирующий условия в которых заготавливаются и перерабатываются мясные продукты, предусматривает правила их маркировки;

– закон об отражении истины на упаковке и в маркировке товаров [11], устанавливающий правила упаковки и маркировки товаров широкого потребления. Обязывает производителей указывать точное содержание упаковки, имя изготовителя этого содержимого и точное количество содержимого. Разрешает введение добровольных стандартов на единообразную упаковку в рамках отраслей деятельности и др.

Особый интерес представляют регулирование в сфере безопасности товаров и услуг, актуальное и для России. Прежде всего это касается обеспечения безопасности алкоголесодержащей продукции, регулируемой рядом взаимосвязанных документов.

До 1933 г. действовала восемнадцатая поправка к Конституции США, вводившая общенациональный запрет на оборот и употребление алкоголя (так называемый «сухой закон») [12].

Несмотря на возможность самостоятельного определения каждым штатом политики оборота алкоголя, многие положения фактически унифицировны (например, минимальный возраст употребления алкоголя).

Производство спирта регулируется рядом нормативных актов и требует получения лицензии. Для личного потребления разрешается производство пива и сидра. Производство же крепкого алкоголя при помощи дистилляционных аппаратов требует уплаты налогов и получения лицензии. Несоблюдение этих правил влечет уголовную ответственность [13].

Большое значение в обеспечении безопасности товаров и услуг придается уголовной ответственности юридических лиц. Например, в Калифорнии производители несут ответственность, если умышленно реализуют опасные в эксплуатации дефектные изделия [14].

Важным элементом системы обеспечения безопасности товаров и услуг выступают внесудебные формы разрешения конфликтов [1]. В тех случаях, когда дело доходит до суда, действует важное правило, при котором потребитель при судебной защите всегда в плюсе, поскольку признается законодательством менее защищенным в отношениях с предпринимателями или корпорациями [1].

В случаях, если нарушения безопасности носят массовый характер, организуются компании по возврату соответствующих товаров. Подобные мероприятия приносят серьезный ущерб репутации производителей и стимулируют последних повышать качество товаров и услуг [14].

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Липка Д. В. Механизмы обеспечения защиты потребительских прав в Соединенных Штатах Америки // Право и управление. 2022. № 10. С. 250–256.

2. Food and Drug Administration. URL: https://www.fda.gov/ (accessed: 14.03.2024).

3. Самосюк О. Безопасность продуктов питания в США: взгляд потребителя // Продукт.BY. 2013. № 5 (109). URL: https://produkt.by/story/bezopasnost-produktov-pitaniy (дата обращения: 12.03.2024).

4. Закон о безопасности потребительских товаров (1972 г.) // Discover U.S. Government Information. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-384/uslm/COMPS-384.xmla-v-ssha-vzglyad-potrebitelya (accessed: 12.03.2024).

5. Прокурорский надзор как элемент государственного контроля за предпринимательской деятельностью: зарубежный опыт / Е. А. Коваль, Д. В. Рузаева // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 19. С. 102–111.

6. Органы прокуратуры РФ и США (сравнительный анализ) / А. Р. Нафикова, Р. И. Хамидов // Вопросы Российской юстиции. 2019. № 1. С. 746–750.

7. National Traffic and Motor Vehicle Safety Act // Discover U.S. Government Information. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-80/pdf/STATUTE-80-Pg718.pdf (accessed: 14.03.2024).

8. American Automobile Labeling Act // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2232 (accessed: 14.03.2024).

9. Pure Food and Drug Act 1906 года. URL: https/en.wikisource.org/wiki/Pure_Food_and_Drug_Act_of_1906 (accessed: 14.03.2024).

10. Federal Meat Inspection Act of 1906 (FMIA). URL: https://web.archive.org/web/20170202024233/http://legisworks.org/congress/59/session-1/publaw-382.pdf (accessed: 14.03.2024).

11. Fair Packaging and Labeling Act (1966 г.) // Discover U.S. Government Information. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-385/uslm/COMPS-385.xml (дата обращения: 14.03.2024).

12. Конституция США. Текст Конституции в переводе на русский язык // Новости Нью-Йорка и США на русском языке: [сайт]. URL: https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/ (дата обращения: 27.02.2024).

13. General Alcohol FAQs. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.55838fbf-65dd98e2-10dfb184-74722d776562/https/web.archive.org/web/20100104073929/http://www.ttb.gov/faqs/genalcohol.shtml (accessed: 27.02.2024).

14. Конарева Л. А. США: роль государства в ужесточении юридической ответственности фирм за качество продукции // Стандарты и качество. 2004. № 9. С. 94–100.

© Косян А. А., 2024

Владимир Викторович Кувардин,
старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СЛУЖЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫПОЛНЯЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОЛГ

В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции, когда в современном обществе повысилась угроза террористической опасности, вопросы поддержания стабильности в государстве, а также обеспечения защиты и безопасности лиц, осуществляющих свою служебную деятельность или выполняющих общественный долг, на фоне повышенной виктимности данной категории лиц, становятся все более актуальными. Эта тема является предметом все более серьезной обеспокоенности и требует немедленного внимания и решительных действий.

К основным категориям лиц, подвергающимся преступным посягательствам в связи с осуществлением служебной (профессиональной) или выполнением общественно-полезной деятельности, относятся сотрудники правоохранительных органов, служащие органов государственной власти и органов местного самоуправления, сотрудники надзирающих и контролирующих органов, медицинские работники, журналисты, священнослужители, лидеры общественного мнения и общественные деятели, волонтеры, учителя, преподаватели и другие категории граждан.

Согласно положениям п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ[1])» под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.) [1].

К таким видам деятельности можно отнести различные сферы государственно-управленческого характера (например, правоохранительная деятельность, социально-экономическая, контрольно-надзорная, политическая, образовательная, культурно-просветительская и др.), а также общественно значимую деятельность (напри-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации; здесь и далее – УК РФ.

мер, противодействие граждан преступным проявлениям, волонтерская, журналистская, религиозная, патриотическая деятельность и др.). Профессиональная и общественная деятельность осуществляется конкретными лицами на основании и в соответствии с требованиями нормативных актов, довольно подробно определяющих их действия и поведение в той или иной ситуации.

Различными статьями УК РФ предусмотрена ответственность за преступные посягательства на лиц в связи с осуществлением ими служебных обязанностей или выполнением общественного долга. Условно данные статьи можно разграничить по следующим основаниям:

– как обстоятельство, непосредственно указанное в диспозиции соответствующей статьи УК РФ (ст. ст. 124.1, 141, 144, 169, 277, 294, 295, 296, 297, 298.1, 317, 318, 319, 321, 333, 334, 336 УК РФ);

– как квалифицирующий признак ряда составов преступлений (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 3 ст. 194, ч. 2 ст. 213, п. «в» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ);

– как отягчающие обстоятельство, учитываемое при назначении наказания при совершении других преступлений (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Такая множественность норм особенной части УК РФ является основой для более глубокого исследования соответствующей проблематики. Криминологическое изучение проблем, связанных с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга, позволит разработать систему профилактических мер, в том числе и мер виктимологической борьбы с данными видами преступлений, включающей в себя меры виктимологической профилактики, виктимологической защиты, виктимологической помощи и виктимологические аспекты уголовно-правовой защиты [2, с. 17].

Официальные статистические данные о состоянии преступности Российской Федерации, следственно-судебная практика, сообщения средств массовой информации свидетельствуют о том, что осуществление служебной или профессиональной деятельности, а также выполнение общественного долга становятся небезопасными. Повышенная вероятность стать жертвой преступного посягательства у данной группы граждан связана с наличием определенного правового статуса либо конкретной гражданской позицией, что повышает риск совершения в отношении них различных посягательств.

Сотрудники правоохранительных органов, служащие органов государственной власти и органов местного самоуправления, сотрудники надзорных и контролирующих ведомств, военнослужащие, политические и религиозные деятели, журналисты, лидеры общественного мнения и волонтеры, медицинские сотрудники, учителя и преподаватели – все они в той или иной степени подвержены повышенной виктимности. Они становятся целями преступных посягательств по различным объективным и субъективным мотивам, в том числе и с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды в отношении конкретного лица, его близких либо в отношении представителей какой-либо социальной группы. Так, нередко в средствах массовой информации появляются сообщения о пре-

ступных посягательствах на данную категорию граждан и их близких, причем формы посягательств различны, это и повреждение имущества, угрозы жизни и здоровью, совершение диверсий и террористических актов.

В общей структуре преступности данная группа преступлений занимает сравнительно небольшой процент в количественном выражении, но именно преступления, совершенные в отношении лиц, осуществляющих свою служебную (профессиональную) или общественную деятельность, опасны для государства, поскольку приводят к дезорганизации и нарушению функционирования государственных органов, что может нанести серьезный ущерб национальной безопасности и вызвать у общества недоверие к государственной власти в лице ее органов и подорвать устойчивость общественных институтов, законность и порядок в обществе.

Комплексное исследование статистических данных о преступлениях против лиц, осуществляющих служебную деятельность или выполняющих общественный долг, определение тенденций, частоты совершения, вида преступлений, сопутствующих факторов, профиля потерпевших и личности преступника, причин и условий, а также криминогенных факторов, способствующих совершению данной группы преступлений, основанное на мнении специалистов и экспертов в области криминологии, виктимологии, правоохранительных органов, представителей профессиональных организаций позволит определить специфический комплекс криминогенных детерминант данных преступлений, а также разработать и эффективно реализовать необходимые меры противодействия этим преступлениям, что приведет к повышению виктимологической культуры общества и уменьшению коэффициента тревожности данной категории лиц.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Исаев Н. В. Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: автореф. дисс … к.ю.н.: 12.00.08 / Исаев Николай Витальевич. Нижний Новгород, 2003. 32 с.

© Кувардин В. В., 2024

Александр Александрович Лихолетов,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Под преступлениями в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности следует понимать виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, посягающие на общественные отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательства на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии как на основной объект

К кругу рассматриваемых преступлений следует отнести следующие составы преступлений в сфере экономической деятельности: ст. 171 «Незаконное предпринимательство» (осуществление предпринимательской деятельности без лицензии), ст. 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр», ст. 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 172 «Незаконная банковская деятельность» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Вместе с тем изучение норм Особенной части УК РФ способствует формированию убежденности о наличии в ней статей, фактически устанавливающих ответственность за отдельные формы предпринимательства, в которых законодателем ошибочно определен видовой объект уголовно-правовой охраны. К таковым можно отнести ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности» и ст. 235.1 УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» [1, с. 28–31].

Расположение в нескольких разделах УК РФ правовых норм, фактически обеспечивающих уголовно-правовую охрану общественных отношений, возникающих в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии, вряд ли оказывает положительное влияние на эффективность применения уголовного закона.

Сложившаяся ситуация позволяет констатировать возникновение самостоятельного института Особенной части УК РФ, под которым в теории уголовного права понимают общность правовых норм, предусматривающих ответственность за соверше-

ние конкретных преступлений, имеющих один и тот же объект уголовно-правовой охраны [2, с. 133].

Тезис о наличии самостоятельных институтов в рамках гл. 22 УК РФ можно косвенно подтвердить и существующими в теории классификациями преступлений в сфере экономической деятельности, предлагаемыми учеными. Например, Б. В. Яцеленко выделяет преступления в сфере предпринимательства, денежно-кредитной сфере, сфере финансовой деятельности государства [3, с. 487–489]. По мнению С. Ф. Мазура, уголовно наказуемые деяния, содержащиеся в гл. 22 УК РФ, целесообразно подразделить на преступления в сфере: 1) предпринимательской и иной экономической деятельности; 2) финансовой деятельности [4, с. 17]. Т. В. Пинкевич систематизирует все посягательства, предусмотренные гл. 22 УК РФ, на преступления в сферах: 1) предпринимательства и банковской деятельности; 2) антимонопольного законодательства; 3) кредитно-денежного обращения в государстве; 4) валютного регулирования в государстве; 5) таможенной деятельности государства; 6) государственной деятельности по налогообложению [5, с. 10–11].

Практически во всех вариантах систематизации преступлений в сфере экономической деятельности, предложенных учеными на протяжении всего существования УК РФ, деяния, посягающие на общественные отношения в сфере предпринимательства, обособлены. Р. Г. Асланян отмечает, что «“смешение” в рамках одной главы преступлений, посягающих на различные интересы, лишает социальных оснований сам феномен уголовной политики в экономической сфере» [6, с. 494].

Таким образом, необходимость обеспечения автономности изучаемых в рамках настоящего исследования посягательств от других деяний гл. 22 УК РФ обусловлена внушительным разнообразием преступлений в сфере экономической деятельности, которые далеко не всегда связаны с осуществлением предпринимательства.

Кроме того, целесообразность выделения самостоятельной структурной единицы по признакам видового объекта обусловлена тем, что уголовно-правовые нормы, фактически устанавливающие ответственность за деяния в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, находятся в гл. 25 УК РФ, где охраняемыми общественными отношениями признаются здоровье населения и общественная нравственность. Бессистемность уголовного закона ведет к неправильному его применению на практике.

Обратим внимание на актуализировавшуюся необходимость специального регулирования, наряду с уже охраняемыми законом, ряда общественных отношений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, существующих в данный момент и не нашедших своего отражения в качестве непосредственных объектов уголовно-правовой охраны в рамках действующего УК РФ. В первую очередь, к таковым следует отнести общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности в области перевозок пассажиров автобусами [7, с. 74–81] и оборота лома черных и цветных металлов [8, с. 72–79].

Учитывая специфику этих видов предпринимательства, проявляющуюся в императиве обязательного их лицензирования, обусловленного повышенной значимостью таких форм занятости и потенциальной способностью причинения ими «ущерба пра-

вам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства» [9], следует констатировать повышенный уровень общественной опасности деяний, посягающих на общественные отношения, возникающие в данной сфере.

Нарушение легального порядка организации и осуществления специальных видов предпринимательской деятельности порождает возможность вывода целых отраслей бизнеса в теневой сектор, что неизбежно причиняет внушительный ущерб экономической системе, провоцирующий негативную социально-политическую обстановку в обществе.

Отсутствие единообразного подхода к законодательному определению объекта общественно опасных деяний анализируемой группы влечет десистематизацию Особенной части УК РФ, что также сложно признать позитивной чертой отрасли права.

Таким образом, сложившиеся социально-экономические реалии обуславливают необходимость признания общественных отношений, возникающих в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии, самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны.

Поэтому назрела необходимость объединения всех составов уголовно наказуемых деяний, посягающих на общественные отношения в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, в единую группу по признакам их видового объекта, что позволит выявить их общие признаки и одновременно подчеркнуть их неразрывную связь с иными преступлениями в сфере экономики, а также придать «уголовному закону целостность, единство и гармоничность» [10, с. 110].

Рассматривая информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления, Л. А. Букалерова считает необходимым объединить изучаемые ею уголовно наказуемые деяния в одну главу УК РФ, отмечая в качестве положительного эффекта такого решения устранение существующих проблем правоприменения, повышение превентивных возможностей противодействия посягательствам на информацию, возможность построения долгосрочного прогноза развития информационной преступности [11, с. 11].

Выделенные автором позитивные стороны обособления отдельной группы преступления в самостоятельную структурную единицу УК РФ вполне возможно экстраполировать и на преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности.

Кроме того, конкретизация объекта уголовно-правовой охраны способствует установлению оправданных пределов криминализации. Поддерживающий идею дробления глав уголовного закона Р. Г. Асланян отмечает, что подобный метод оптимизации Особенной части будет способствовать обдуманному подходу при установлении преступности и наказуемости отдельных деяний и ограничению репрессивных импульсов российской уголовной политики [6, с. 498].

Видовым объектом преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательства выступают общественные отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательской деятель-

ности на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии.

Общепринятые теоретические подходы к определению структуры действующего УК РФ позволяют заключить, что в его Особенной части по признакам видового объекта выделены главы.

Учитывая общность видового объекта всех перечисленных выше уголовно наказуемых деяний, целесообразно утверждать о необходимости дополнения УК РФ гл. 22.1 «Преступления в сфере осуществления предпринимательской деятельности»[1], в которой следует объединить содержащиеся в других структурных единицах уголовного кодекса статьи, с учетом предложений о модернизации уголовного закона, сформулированных в исследовании (ст. 171, 171.2, 171.3, закрепив установленные в данное время ст. 235 и 235.1 УК РФ запреты в рамках одной проектируемой статьи), а также ввести ответственность за деяния, связанные с незаконными перевозками пассажиров автобусами и оборотом лома черных и цветных металлов, присвоив соответствующую нумерацию (со ст. 200.8 по ст. 200.14 УК РФ). Ныне действующие ст. 171.1, 171.4, 171.5, 235, 235.1 УК РФ в случае дополнения уголовного закона предлагаемой структурной единицей следует признать утратившими силу по основаниям, рассмотренным в рамках настоящего исследования.

Отметим, что специальными видами предпринимательской деятельности считаются те виды, которые осуществляются на основании специального разрешения, а незаконное предпринимательство в указанном перечне выступает в качестве общего состава по отношению к остальным преступлениям и относится к рассматриваемой группе в случаях осуществления предпринимательской деятельности без лицензии, то и при формулировании названия предлагаемой структурной единицы УК РФ целесообразнее использовать указание на более широкий круг деяний – преступления в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Систематизацию уголовно-правовых норм в проектной гл. 22.1 УК РФ необходимо проводить с учетом степени общественной опасности преступлений, определяемой применительно к данной группе деяний, исходя из размера реального и потенциально возможного материального вреда, причиняемого экономике страны как на основе статистических данных, так и с учетом криминологического прогнозирования.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Лихолетов А. А. Пути совершенствования уголовной ответственности за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 28–31.

[1] О необходимости формирования самостоятельной главы УК РФ, объединяющей ряд преступлений в сфере предпринимательской деятельности (и в некоторых случаях и иных деяний), в разное время и в различных интерпретациях высказывались ученые. См., напр.: Кравец Ю. П. Проблемы уголовно-правовой защиты отношений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 217; Лозинский И. В. Проблемы модернизации гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 124; Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 96–99 и др.

2. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 198 с.

3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин [и др.]; под ред. А. И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 896 с.

4. Мазур С. Ф. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Мазур Сергей Филиппович. М., 2004. 48 с.

5. Пинкевич Т. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Ставрополь: Ставропольсервисшкола. 1999. 264 с.

6. Асланян Р. Г. Теоретические основы построения особенной части российского уголовного права: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Асланян Руслан Георгиевич. Краснодар, 2023. 617 с.

7. Лихолетов А. А. Осуществление деятельности по перевозкам пассажиров автобусами без регистрации или без лицензии как форма незаконного предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 74–81.

8. Лихолетов А. А. К вопросу об усилении уголовной ответственности за незаконный оборот лома черных и цветных металлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 72–79.

9. О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ефремова Марина Александровна. М., 2017. 427 с.

11. Букалерова Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Букалерова Людмила Александровна. М., 2007. 65 с.

© Лихолетов А. А., 2024

Любовь Валентиновна Лобанова,
заведующий кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Мария Андреевна Малимонова,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Востребованность положений уголовного законодательства, касающихся назначения наказания при рецидиве преступлений, вряд ли может быть подвергнута сомнению. Названная форма множественности обнаруживается в содеянном значительной частью осужденных. Так, по нашим подсчетам, произведенным с учетом данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние пять лет, на долю так называемых рецидивистов приходится 18,5 % от всех лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор [1]. В подобных условиях не должны оставаться без внимания до сих пор не решенные проблемы, возникающие при определении меры карательного воздействия этой категории осужденных.

Одной из таких проблем, решение которой, как представляется, имеет прикладное значение, являясь ключом к ответу целого ряда других вопросов, выступает взаимосвязь правил, закрепленных в ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), с пунктом «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Сомнения в непосредственной зависимости специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений от закрепленного в названном пункте отягчающего обстоятельства способно, например порождать отсутствие в ст. 68 УК РФ соответствующей ссылки, сформулированной по типу той, которая находит фиксацию в ч. 1 ст. 62, закрепляющей специальные правила определения наказания при отдельных смягчающих обстоятельствах.

В юридической печати отрицание тесной связи между указанными законоположениями получает и другие доводы. Особенно категорично на это счет высказывается Е. В. Благов: «Правила ч. 2 ст. 68 УК РФ не могут существовать без регулирования рецидива в ст. 18, а не одноименного отягчающего обстоятельства, которое также производно от названного регулирования» [2, с. 102]. По его мнению, указание в ст. 63 УК РФ на рецидив преступлений ошибочно, поскольку автор не признает за данным обстоятельством качество типичности, ведь таковое [обстоятельство] характеризует не любую категорию дел, а «только одну из них – ту, которая обозначена в ст. 18 УК РФ» [2, с. 103]. Приводит исследователь также аргументы юридико-технического характера, считая, что если бы законодатель исходил из конкретизирующей роли положений ст. 68 УК РФ, то «соответствующие правила назначения наказания сформулировал сразу после статьи об отягчающих обстоятельствах по типу ст. 62 УК РФ» [2, с. 102]. Однако упомянутые сомнения вполне могут быть преодолены, а приведенные аргументы оказываются не вполне убедительными. Отсутствие

в ч. 1 ст. 68 УК РФ упоминания п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, например легко объясняется тем, что законодатель полностью воспроизвел в названной части ст. 68 УК РФ содержание данного пункта, предпочитая прямой способ изложения материала, который едва ли в меньшей степени, чем ссылка на п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, подчеркивает связь этих законоположений.

Не стоит отрицать за рецидивом и качества типичности. Как уже было отмечено выше, данное обстоятельство обладает значительной степенью распространенности. А его установление, вероятно, применительно к преступлениям различных видов. Подобные свойства рецидива не могут быть нивелированы формулированием специальных правил. Место их расположения также не подтверждает отсутствие искомой связи. Предполагаем, у российского правотворца были основания для размещения рассматриваемых требований там, где они находятся в настоящий момент. Во-первых, определенной логике соответствует помещение специальных правил назначения наказания после того, как будут изложены специфические требования о смягчении наказания при определенных условиях (ст. 64, 65, 66 УК РФ). Во-вторых, закономерно соседство правил назначения наказания при рецидиве преступлений с другими правилами, определяющими специфику выбора объема кары при других вариантах множественности преступлений. Если и упрекать законодателя в нарушении последовательности расположения правоположений, то скорее в том, что перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств как своеобразная детализация критериев назначения наказания, являющихся принадлежностью его общих начал, оказались разъединены ст. 62 УК РФ.

На этом фоне восприятие текста ст. 68 УК РФ, и прежде всего ее части второй, как конкретизации предписаний не только ч. 5 ст. 18, но и п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, представляется более взвешенной позицией. Так, по мысли И. Н. Самылиной, «п. “а” ч. 1 ст. 63 УК РФ определяет направление влияния на наказание такого обстоятельства, как совершение преступления при рецидиве, а величина, степень такого влияния установлена законодателем в ст. 68 УК РФ» [3, с. 20]. Схожим образом рассуждает В. Н. Воронин [3, с. 126], а также некоторые иные правоведы [3, с. 35].

Признание такого взаимодействия, несомненно, имеет практическое значение. Именно здесь может быть найдено удовлетворительное объяснение отсутствия в действующей редакции ст. 68 УК РФ, в отличие от прежней, запрета на применение специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений в том случае, когда судимость за предшествующее преступное посягательство включена законодателем в конструкцию состава преступления. Этот запрет и без того вытекает из содержания ч. 2 ст. 63 УК РФ.

Не в таком ли ключе следует понимать рекомендацию, закрепленную в абзаце 2 п. 32 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»? Согласно этому положению «в случае совершения преступления против половой неприкосновенности потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, квалифицированного по ч. 5 ст. 131 УК РФ или по ч. 5 ст. 132 УК РФ, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, суд не вправе учитывать такую суди-

мость в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом “а” части 1 статьи 63 УК РФ» [4]. И в самом деле, не следует ли судам в обоснование отказа применить специальные правила назначения наказания, описанные в ст. 68 УК РФ, в ситуации квалификации содеянного по статье, отражающей признак судимости, непосредственно ссылаться на то, что соответствующее обстоятельство не подлежит здесь повторному учету в силу предписаний ч. 2 ст. 63 УК РФ?

Обосновывая положительные ответы на поставленные вопросы, напомним, что положения ст. 68, так же, как и п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, нацелены на предупреждение рецидива вообще. Посредством же конструирования в Особенной части уголовного закона составов преступлений, включающих в себя признак судимости за тождественное или однородное преступление, решается задача борьбы, прежде всего, со специальным рецидивом. Если уровень репрессивности мер уголовно-правового предупреждения специального рецидива, фиксируемых в санкциях конкретных статей Особенной части УК РФ (либо частей этих статей), превышает карательный потенциал средств воздействия на рецидив вообще, то применение последних к усиленным санкциям такого рода действительно является явным нарушением принципа справедливости.

Сказанное распространяется и на случаи, когда признак судимости, способной образовать рецидив преступлений, взят законодателем в качестве конструктивного признака состава преступления, поскольку здесь соответствующие свойства субъекта уже были приняты правотворцем во внимание при возведении деяния в ранг преступного. Следовательно, в ситуации реализации подобной нормы такой признак субъекта будет учтен при квалификации содеянного. Учет же такой судимости при индивидуализации наказания окажется недопустимым.

Напомним также о точечном характере действия упомянутого запрета. По этой причине отказ от ужесточения наказания при рецидиве преступлений не может иметь места, если преступление, квалифицируемое по статье (части, пункту статьи), содержащей указание на судимость за аналогичное (однородное) преступление, является для данного лица рецидивом еще и по отношению к преступлению иного рода.

Сформулируем еще один частный вывод на основе сказанного. Закрепленный в ч. 4 ст. 65 УК РФ запрет учитывать отягчающие обстоятельства при наличии вердикта присяжных о снисхождении означает среди прочего и отрицание возможности реализации специальных правил ст. 68 УК РФ. Рассмотрение применение данных начал в качестве формы учета отягчающего обстоятельства из п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет получить выводное знание и более общего плана. Если в результате этого применения действительно оказалась передвинутой в сторону ужесточения карательной меры нижняя граница наказания, установленного законом за конкретное преступление, то дальнейшее движение в сторону максимума наказания лишь из-за признания факта рецидива невозможно.

Однако констатируем, что при всей практической важности рассматриваемой проблемы на официальном уровне акцента на ее решение не делается. В упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ никаких уточнений на это счет нет. Предлагаем Пленуму Верховного Суда РФ дополнить данный документ п. 43.1 следующего содержания: «Поскольку реализация специальных правил назначения на-

казания при рецидиве преступлений служит формой учета отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. “а” ч. 1 ст. 63 УК РФ, суды должны иметь в виду, что применение соответствующих требований возможно лишь при условии соблюдения запретов, закрепленных в ч. 2 указанной статьи, а также ч. 4 ст. 65 УК РФ. Если содеянное осужденным квалифицировано судебными органами по статье (части статьи, пункту) о преступлении, состав которого включает признак судимости за ранее совершенное аналогичное либо однородное преступление, наказание такому лицу назначается, как правило, без учета положений ст. 68 УК РФ, даже если данная судимость образует рецидив преступлений. Применение специальных правил ужесточения наказания в связи с рецидивом преступлений может быть в подобной ситуации обусловлено лишь наличием у лица одной или нескольких судимостей за иные умышленные преступления».

Таким образом, признание реализации специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений формой учета отягчающего обстоятельства, закрепленного в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, не исключает некоторой автономности последнего законоположения. Но это уже тема другой нашей научной работы.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЕЧКИХ ССЫЛОК

1. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев (с 2019 по 2023 гг.). URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 29.05.2024).

2. Благов Е. В. Назначение наказания: (теория и практика). Ярославль: ЯрГУ, 2002. 176 с.

3. Самылина И. Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Самылина Инна Николаевна. Санкт-Петербург, 2005. 28 с.

4. Воронин В. Н. Критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 121–127.

5. Рецидив преступлений и наказание / А. И. Чучаев, Г. К. Буранов // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 32–44.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.05.2024).

© Лобанова Л. В., Малимонова М. А., 2024

Александр Рафаилович Мирович,
преподаватель кафедры административного и уголовного права
Поволжского института управления РАНХиГС

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ИЕРЕМИИ БЕНТАМА

Важно описать условия, в которых жил юрист и философ И. Бентам. Указанный мыслитель жил во время становления и развития промышленного капитализма в Англии, когда имел место большой приток пролетариата на частные предприятия, происходил также заметный рост влияния буржуазии в обществе, существовала серьезная проблема неразвитости правовой культуры населения [1, с. 59]. Процесс формирования системы уголовного права в странах западной Европы был достаточно сложным, постепенным и продолжительным. Сложность становления уголовно-правовой системы Англии XVIII–XIX вв. определили географическая обособленность государства, отсутствие влияния римского и зарубежного права. Одним из наиболее серьезных изъянов английского уголовного права начала XIX в. являлось наличие неопределенности [2, с. 23]. К преступлениям относились такие деяния, как всякое неприличное поведение государственного чиновника, все проступки, возбуждающие общественное негодование и имеющие вредное влияние, всякое неприличие, противное началам общественной нравственности [3, с. 22]. Еще имела место проблема параллельного действия норм общего и статутного права [4, с. 15]. Под общим правом понимается правовая система, основанная на судных прецедентах, под статутным правом – совокупность законодательных актов парламента [5, с. 89].

Анализируя сложившуюся обстановку, И. Бентам пришел к выводу о необходимости упростить правовую систему, сделать законодательство понятным для населения. Мыслитель обосновывал необходимость совершенствования законодательной техники [6, с. 48–50]. Кроме того, философ указывал на необходимость возглавления законодательства кодексами, в том числе и уголовного права [7, с. 226].

По мнению И. Бентама, уголовное право представляет собой совокупность средств, необходимых для осуществления и защиты целей, которые установлены нормами гражданского права. В представлении философа нормы гражданского права устанавливают права и обязанности членов общества. Целью уголовного закона является обеспечение исполнения обязанностей и охрана прав граждан [8, с. 35].

В своем уголовно-правовом учении И. Бентам опирался на принцип пользы, т. е. утилитаризм. Мыслитель полагал, что основной ценностью является польза, которая должна быть достигнута с наименьшими потерями. Соответственно, уголовно-правовое воздействие должно приносить максимальную пользу как преступнику, так и обществу. На основе идеи утилитаризма философ пришел к выводу о возможности освобождения от наказаний за истечением сроков давности. Однако, по мнению И. Бентама, сроки давности не должны действовать в отношении тяжких и особо тяжких преступлений [9, с. 29–30]. В данном положении можно усмотреть осознание необходимости экономии уголовно-правовой репрессии.

И. Бентам занимался также проблемами профилактики преступлений. В этой сфере философ придерживался теории устрашения. По его мнению, последствие

преступления в виде наказания должны превосходить его выгоду, тем самым устрашая население и соответственно предотвращая преступления [10, с. 9].

Философ затронул важную проблему свойств наказания. Согласно взглядам И. Бентама назначаемое наказание должно отвечать количественному признаку, т. е. объем страдания лица ему подвергнутого не должно быть меньше прибыли от совершенного преступления. Тем не менее жесткость наказания не должна превышать требования, установленные в правилах. Вторым важным свойством наказания юрист признавал равномерность наказания. Данный критерий выражается в таком способе наказания, который оказывал бы приблизительно одинаковый эффект для людей, находящихся в разных обстоятельствах. По мнению И. Бентама, такая мера ответственности, как изгнание, может оказывать на людей, имеющих неодинаковые убеждения, абсолютно различный эффект: либо порождать крайне высокий уровень страдания, либо не производить его совсем. Это относится и к денежным взысканиям, поскольку люди могут иметь разный уровень материального достатка. Философом было выведено правило пропорции, т. е. размер наказания должен быть строго пропорционален причиненному вреду, а также степени тяжести совершенного преступления. И. Бентам выдвигал такое требование к наказанию, как характеричность, т. е. общность отдельных признаков, преступления и наказания. Наказание должно иметь некоторую аналогию с преступлением. К примеру, умаление отдельных имущественных прав за совершение корыстного преступления. Принцип аналогии или возмездия заключается в идентичности вреда, причиняемого как преступлением, так и наказанием. Тем не менее философ утверждал, что данный принцип может быть реализован исключительно в редких случаях. И. Бентам предостерегал от чрезмерно жестоких наказаний, в частности предлагал ограничить применение смертной казни исключительными случаями [11, с. 184–191].

И. Бентам занимался научными трудами, посвященными проблемам исполнения наказаний. Свои взгляды на пенитенциарную систему философ изложил в работе «Паноптикон». В этом труде он предлагает совершенствовать систему ресоциализации осужденных, обучая их ремеслам, а также привлекая их к труду. Как отмечал философ, привлечение осужденных к труду должно основываться на гуманных началах. И. Бентам отстаивал необходимость искоренения каторги. Особенное внимание юрист уделял морально-нравственному исправлению осужденных, для которого требуется гуманное отношение, обучение, привлечение к исполнению трудовых обязанностей, а также постоянный контроль надзирателей. Новаторством для своего времени были идеи как строгой регламентации деятельности органов уголовно-исполнительной системы, так и контроля и надзора за ними [12, с. 185]. Безусловно, качественная регламентация деятельности сотрудников учреждений, исполняющих наказания является важнейшим средством ресоциализации осужденных, предупреждения их виктимизации, а также для профилактики различных злоупотреблений, совершаемых работниками администрации мест лишения свободы. Произвол и бесконтрольность администрации отрицательно сказываются на процессе ресоциализации осужденных, формируя в них недоверие к государству и его структурам.

Подводя итог, следует отметить, что И. Бентам сделал серьезный вклад в теорию уголовного права. Юрист поднял актуальный вопрос качества уголовного законода-

тельства. Он указывал на необходимость кодификации и упрощения системы уголовного законодательства в целях сделать ее более понятной для широкой общественности. Философ одним из первых высказался о сроках давности преступления, цели уголовного наказания и его предупредительной роли. Не обошел вниманием юрист и проблемы исполнения уголовных наказаний, написав фундаментальный новаторский труд «Паноптикон», в котором затронул вопросы морально-нравственного исправления осужденных на основе учебно-трудовой деятельности, обосновал необходимость контроля и надзора за местами исполнения наказаний.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Сейдеметова Р. Е. Представления Иеремии Бентама о государственном устройстве // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 4. С. 59–63.

2. Беджанова Т. Е. Особенности уголовного законодательства Англии XVII–XIX в. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. № 3. С. 22–24.

3. Модернизация уголовной политики в странах Западной Европы (конец XVIII–XIX вв.): сравнительно-правовое исследование / А. Ю. Саломатин, Н. В. Макеева // История государства и права. 2010. № 8. С. 6–11.

4. Дианов В. Н. Взаимодействие статутного права и общего права Англии в концепции господства права А. В. Дайси // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 14–20.

5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. М.: Юрист, 2004. 245 с.

6. Бентам И. Тактика законодательных собраний. СПб: Л. А. Волихов, 1907. 186 с.

7. Оксамытный В. В. Уголовная политика Англии в свете правового утилитаризма И. Бентама // Вестник БГУ. 2012. № 2. С. 225–227.

8. Савюк Л. К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19–38.

9. Безверхов Л. Г., Жуков А. В. Теории наказания. Самара: Издательство Самарский университет, 2001. 48 с.

10. Сыч К. А. Относительные теории наказания классической школы уголовного права и их востребованность современной доктриной // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4. С. 7–11.

11. Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. с англ. А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского. Т.1. СПб: Русская книжная торговля, 1867. 678 с.

12. Ипполитова А. Г. Идеи совершенствования пенитенциарной системы в концепции Джереми Бентама // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3. С. 183–186.

© Мирович А. Р., 2024

Виктория Вячеславовна Намнясева,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС

В Российской Федерации заведомо ложный донос (ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) был и остается одним из самых распространенных преступлений против правосудия. Опасность ложных доносов очевидна. На проверку содержащейся в них информации тратятся значительные силы и средства, что создает помехи для нормальной работы органов предварительного расследования. В случае возбуждения на основании ложного доноса уголовного дела проводятся необоснованные следственные действия; эксперты и специалисты выполняют ненужную работу; в уголовный процесс без необходимости вовлекаются граждане. Опасность заведомо ложного доноса обусловливается и тем, что данное преступление посягает не только на интересы правосудия, но и (в случаях, когда заведомо ложный донос выражается в обвинении конкретного лица в совершении преступления) на права человека, в частности на честь и достоинство личности. В результате ложного доноса невиновным лицам может быть предъявлено обвинение в совершении преступления; могут наступить иные тяжкие последствия, вплоть до осуждения невиновных, причинения вреда здоровью и доведения до самоубийства.

При рассмотрении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, возникает множество дискуссионных вопросов. Вряд ли можно признать удачным использование законодателем простой диспозиции для конструирования данной нормы. Еще Наполеон I Бонапарт говорил: «Закон должен быть ясным, точным и единообразным, толковать его – значит допускать искажения». В российской уголовно-правовой литературе неоднократно отмечалось, что использование простой диспозиции при конструировании уголовно-правовых норм возможно только тогда, когда смысл преступного посягательства не требует специального пояснения в законе. Наибольшее количество трудностей, возникающих при применении нормы, предусмотренной ст. 306 УК РФ, связано с установлением признаков объективной стороны данного преступления. Остановимся на некоторых из них.

Объективная сторона ложного доноса характеризуется сообщением не соответствующей действительности информации о событии преступления или о совершивших его лицах. Таким образом, деяние при доносе осуществляется только путем совершения активных действий.

Информация бывает ложной как частично, так и полностью: может быть сделано сообщение о преступлении, которое никогда не существовало; возможно обвинение невиновного лица как в несуществующем, так и в совершенном другим человеком преступлении.

В законодательстве многих зарубежных государств существуют самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за различные виды доноса – за ложный донос о самом факте совершения преступления и за ложный донос, соединенный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. В последнем случае санкция существенно выше. Например, в Уголовном кодексе Франции [1] в ст. 434-26 регламентируется ответственность за совершение деяния, выразившегося в ложном сообщении органу судебной или административной власти о фактах, образующих какое-либо преступление или проступок, вынудившего судебные власти вести напрасные поиски. Наказание – шесть месяцев тюремного заключения и штраф. А в соответствии со ст. 226-10 предусмотрена ответственность за обвинение, осуществленное любым способом и направленное против определенного лица, в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции, если обвиняющему известно, что обвинение полностью или частично неверно и если содержащий обвинение донос направлен должностному лицу или органу, имеющему право начать по нему производство или передать его в производство компетентного органа. Наказание за данное преступление – пять лет тюремного заключения и штраф. Отметим, что этот же вариант регламентации ответственности за рассматриваемое преступление был предусмотрен и в национальном дореволюционном законодательстве, в частности в Уголовном уложении 1903 г.

Полагаем, что было бы целесообразно установить более строгую санкцию за заведомо ложный донос, сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. Это обусловлено, в первую очередь, повышенной общественной опасностью содеянного и наличием дополнительного объекта – чести и достоинства конкретного лица. Можно предложить три основных способа реализации данной новеллы: формулирование в уголовном кодексе двух самостоятельных норм, регламентирующих ответственность за различные виды доноса: о несуществующем преступлении и сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления; формулирование в рамках одной статьи двух частей, регламентирующих ответственность за различные виды доноса; закрепление доноса, сопряженного с обвинением конкретного лица в совершении преступления, в качестве одного из квалифицирующих признаков.

В соответствии со ст. 306 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за ложный донос только о совершении преступления. Следовательно, не образует состава рассматриваемого преступления (в отличие от законодательства ряда зарубежных государств) ложное сообщение о гражданском или административном правонарушении, дисциплинарном проступке или аморальном поведении. При наличии соответствующих признаков содеянное может быть квалифицировано по ст. 128.1 УК РФ как клевета.

Информация при ложном доносе касается оконченного или не доведенного до конца преступления. В последнем случае для наличия состава заведомо ложного доноса необходимо, чтобы стадия преступления, о котором сообщается ложная информация, имела уголовно-правовое значение. Следовательно, не образует рассматриваемого преступления сообщение ложных сведений об обнаружении умысла или о приготовлении к преступлению, не являющемуся тяжким или особо тяжким.

При обвинении конкретного лица в совершении преступления ему могут приписываться функции любого из соучастников: как исполнителя, так и организатора, подстрекателя или пособника.

Спорным является вопрос о признании заведомо ложным доносом информации о совершении преступления самим доносителем (самооговор). В российской доктрине уголовного права высказывались различные взгляды по вопросу о квалификации самооговора: по ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос; по ст. 307 УК РФ как дачу заведомо ложных показаний; по ст. 316 УК РФ как укрывательство преступлений; оценивать самооговор как непреступное деяние. Некоторые авторы полагают, что уголовно наказуемый ложный донос возможен только в отношении действий другого лица, поэтому при самооговоре квалификация содеянного по ст. 306 УК РФ невозможна. По этим же причинам невозможна квалификация самооговора и как заведомо ложных показаний. Предлагается квалифицировать самооговор, совершенный по мотивам освобождения от уголовной ответственности другого лица, как укрывательство преступлений (при наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ), а в остальных случаях, по мнению автора, самооговор не может быть основанием уголовной ответственности [2, с. 62–63]. Этой же позиции придерживается С. В. Смолин, указывающий, что содержанием доноса является информация о другом лице, а не о самом себе [3, с. 20].

М. Х. Хабибуллин полагает, что самооговор не может быть квалифицирован как укрывательство, так как укрывательство не может быть совершено интеллектуальным способом, а физическим действием по сокрытию преступления самооговор не является. Предлагается квалифицировать самооговор в зависимости от способа его совершения или как заведомо ложный донос (если самооговор совершается путем подачи заявления в правоохранительные органы или явки с повинной), или как дачу заведомо ложных показаний (если самооговор совершается во время допроса). В последнем случае субъектом самооговора не может быть подозреваемый, обвиняемый, подсудимый [4, с. 42].

А. С. Горелик считает, что поскольку самооговор заключается в заявлениях или показаниях о собственных действиях (пусть даже фактически не совершенных данным лицом), то в силу привилегии от самообвинения, закрепленной в ст. 51 Конституции Российской Федерации, автор этих заявлений не может нести ответственность ни за ложный донос, ни за дачу ложных показаний. Самооговор, совершенный с целью воспрепятствовать установлению подлинного виновника преступления, должен квалифицироваться как укрывательство и влечь ответственность по ст. 316 УК РФ. Самооговор в преступлении, которое вообще никем не было совершено, по мнению А. С. Горелика, не обладает должной степенью общественной опасности, чтобы считать его преступлением. Поэтому достаточной реакцией может быть взыскание материального ущерба, причиненного правоохранительным органам [5, с. 297–300].

Нам представляется убедительной позиция тех авторов, которые полагают, что самооговор по сути своей ничем принципиально не отличается от заведомо ложного сообщения о совершении преступления другим лицом, следовательно нет никаких препятствий для преследования за самооговор, причем как для лиц, ложно заяв-

ляющих на себя (по ст. 306 УК РФ), допрашиваемых в качестве свидетеля или потерпевшего и при этом оговоривших себя (по ст. 307 УК РФ). Исключение составляют лишь случаи самооговора, совершенного лицом, допрашиваемым в качестве обвиняемого (подозреваемого), так как он не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ [6, с. 77–80; 7, с. 48].

Полагаем, что ответственность по ст. 306 УК РФ должна наступать за самооговор и в тех случаях, когда преступление, в котором признается лицо, никогда не совершалось. По степени общественной опасности содеянное ничем не отличается от доноса, не связанного с обвинением конкретного лица в совершении преступления. В законодательстве ряда зарубежных стран (Испании, Норвегии, Турции) самооговор рассматривается как разновидность ложного доноса. В соответствии с Уголовным Уложением 1903 г. именно как данный вид доноса квалифицировалась явка с заведомо ложной повинною, когда заявитель сообщает о несуществующем преступном деянии и называет себя его учинителем. При этом самооговор, совершенный в целях освобождения от ответственности другого лица за совершенное особо тяжкое преступление, должен квалифицироваться по ст. 316 УК РФ как укрывательство преступлений.

Такие рекомендации по квалификации даются с учетом существующего уголовного законодательства. Еще один вариант решения проблемы – создание самостоятельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за самооговор. Такие предложения уже высказывались в доктрине уголовного права [8, с. 212; 9, с. 106].

Не образует состава заведомо ложного доноса ошибка в уголовно-правовой оценке содеянного: неправильная квалификация (сообщение о совершенном разбое, в то время как имело место вымогательство) или определение роли лица в содеянном (сообщение о лице, подстрекавшем к преступлению, как об организаторе).

Считаем, что нельзя согласиться с авторами, полагающими, что ложность сообщаемых сведений при доносе может касаться отдельных обстоятельств действительно совершенного преступления (формы вины, размера ущерба, места, времени, способа, обстановки, орудий и средств преступления, и т. п.) [10, с. 144]. В данном случае содеянное (при наличии всех признаков состава) можно квалифицировать в соответствии со ст. 307 УК РФ как дачу ложных показаний, но не как заведомо ложный донос.

Форма заведомо ложного сообщения о преступлении может быть любой – устной или письменной, с использованием почтовых отправлений, средств телефонной связи, сети Интернет, с помощью третьих лиц и т. п.

Состав заведомо ложного доноса по конструкции является формальным. Этот положение в теории уголовного права практически никогда не оспаривалось. Следовательно, данное преступление является оконченным независимо от наступления последствий (проверки сообщения, возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования, привлечения невиновного в качестве обвиняемого, его осуждения и т. д.). Существуют некоторые нюансы относительно точного определения момента окончания данного преступления, однако подав-

ляющее большинство авторов полагает, что заведомо ложный донос признается оконченным с момента получения ложного сообщения органами, которые вправе возбуждать уголовное дело [5, с. 252–253; 7, с. 46; 11, с. 212; 12, с. 63].

Если сообщение не было передано непосредственно в соответствующие органы, а отправлено с использованием средств связи, и тем более в случае направления сообщения в иные органы, учреждения и организации, момент окончания заведомо ложного доноса по времени отодвигается от момента отправления сообщения.

Следовательно, возможно выделение стадий совершения анализируемого преступления – приготовления к преступлению и покушения на преступления. Ответственность за приготовление может наступать только в случае умышленного создания условий для совершения заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения (только ч. 3 ст. 306 УК РФ является тяжким преступлением).

Покушением на ложный донос является направление ложного сообщения о совершении преступления до момента его получения органами, которые вправе возбуждать уголовное дело. Если донос не будет получен адресатом по обстоятельствам, не зависящим от виновного (например, утрата сообщения при пересылке), ответственность наступает по ч. 3 ст. 30, ст. 306 УК РФ. До момента окончания ложного доноса возможен добровольный отказ от преступления, который может выражаться только в совершении активных действий (изъятии сообщения до получения его адресатом).

В статье рассмотрены лишь некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головко, Н. Е. Крылова; пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. 648 с.

2. Кузьмина С. С. Самооговор: правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.

3. Смолин С. В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Смолин Сергей Владимирович. М., 2012. 29 с.

4. Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 136 с.

5. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 489 с.

6. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999. 267 с.

7. Ефремов В. П. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации в аспекте взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 45–49.

8. Пономаренко Е. В. К вопросу о квалификации самооговора по российскому уголовному законодательству // Вестник СГЮА. 2015. № 4 (105). С. 209–212.

9. Ткаченко И. Н. К вопросу о необходимости криминализации самооговора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-3. С. 104–106.

10. Дворянсков И. В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дворянсков Иван Владимирович. Ульяновск, 2001. 199 с.

11. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М.: Рос. академия правосудия, 2003. 296 с.

12. Фаргиев И. А. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 61–65.

© Намнясева В. В., 2024

Дарья Евгеньевна Незнаева,
адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен новой статьей 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц». Согласно данным судебной статистики по итогам за 2023 г. по этой статье пока не было осуждено ни одного человека [1]. Тем не менее отметим важность развития уголовного законодательства по исследуемому направлению, ведь число жалоб на действия коллекторов и коллекторских агентств только растет. По информации Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП), количество обоснованных жалоб такого рода по результатам за 2023 г., в сравнении с данными за 2022 г., увеличилось на треть (33,3 %), и в абсолютном выражении достигло 6,88 тыс. Всего за 2023 г. было подано 56,67 тыс. заявлений (в которые входят жалобы на коммерческие банки, профессиональные коллекторские агентства, а также на действия физических лиц) [2]. Поэтому объективной необходимостью выступает исследование зарубежного опыта уголовно-правового противодействия незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц.

Анализ уголовного законодательства государств ближнего зарубежья (бывших союзных республик СССР) позволил установить следующее.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь (далее – УК РБ) и Республики Казахстан (далее – УК РК) отсутствуют специальные уголовно-правовые нормы, которые позволяли бы привлечь коллекторов и других субъектов финансового рынка к уголовной ответственности в контексте исследуемой проблемы. В данных странах напротив изучается российский опыт с позиций возможности его применения, так как проблема незаконной деятельности коллекторов и других субъектов кредитного рынка по взысканию просроченной задолженности физических лиц здесь также присутствует [3].

Например, в УК РК есть статьи (ст. 214 и 223), в соответствии с которыми коллекторы несут ответственность за разглашение тайны (тайн) коллекторской деятельности либо в случае осуществления деятельности без регистрации. Не так давно Министерство юстиции РК предложило внести поправки в ст. 251 УК РК «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами, оценщиками, частными судебными исполнителями, медиаторами и аудиторами, работающими в составе аудиторской организации», в результате которых круг субъектов, подлежащих ответственности по данной статье, расширился бы за счет включения в них коллекторов. Еще одно аналогичное предложение касается ст. 252 «Превышение полномочий работниками частных охранных служб». При этом отмечается, что по ст. 251 максимальный размер наказания – лишение свободы до 4 лет, а по ст. 252 УК РК – лише-

ние свободы до 5 лет [4]. Соответствующий законопроект о внесении поправок, направленных на оптимизацию Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов был внесен вице-министром юстиции в мае 2023 г., однако по состоянию на май 2024 г. поправки в УК РК внесены не были [5].

В Уголовном Кодексе Украины (далее – УК Украины) также отсутствуют статьи, которые бы охраняли исследуемую сферу деятельности. При этом отметим, что долгое время (до середины 2021 г.) коллекторские агентства на Украине даже не подлежали регистрации, их деятельность была незаконной и попадала под действие ст. 355 УК Украины «Принуждение к исполнению гражданского обязательства», в санкции которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Лишь в апреле 2021 г. В. Зеленским был подписан законопроект № 4241, который предусматривает защиту должников при урегулировании просроченной задолженности и ужесточает требования к работе коллекторских компаний. Закон вступил в силу в июле 2021 г., в то же время большинство специалистов отмечают тот факт, что он, по сути, только вводит в правовое поле деятельность коллекторов, а защита прав заемщиков прописана недостаточно хорошо [6]. Изучение содержания нового закона позволило сделать вывод, что по отдельным позициям принятый Закон дублирует «Закон о справедливой практике взыскания долгов», который действует в США. За незаконные действия коллекторов предусмотрена только административная ответственность – штрафы и лишение права осуществлять коллекторскую деятельность.

Уникальная ситуация с правовым регулированием коллекторской деятельности сложилась в Узбекистане. В 2007 г. только начал формироваться институт коллекторской деятельности (было создано первое коллекторское агентство), но должного развития он не получил, в том числе и по причине отсутствия правовой базы: отсутствует документ, который бы регулировал вопросы функционирования подобных хозяйствующих субъектов. Новые попытки создания правовой базы данного вида деятельности предпринимались в 2008, 2020 и 2022 гг., однако до сих пор такой документ не создан, следовательно, коллекторские агентства, функционирующие на территории Узбекистана – это незаконные финансовые институты [7]. В этой связи в Уголовном кодексе Узбекистана нет аналогов статьи 172.4 УК РФ.

Похожая ситуация сложилась в Литве, здесь также отсутствуют нормы права, которые бы регулировали особенности функционирования коллекторских агентств, вопросы взыскания долгов регулируются Гражданским кодексом. Соответственно, в Уголовном кодексе Литовской Республики отсутствуют какие-либо статьи, касающиеся незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц [8].

В Латвии с 1 января 2013 г. действует специальный закон «О внесудебном возвращении долга», цель которого – защитить население «от агрессивного взыскания долгов коллекторами» [9]. Тем не менее уголовная ответственность за такие деяния также не предусмотрена.

В уголовном законодательстве Грузии и Молдовы отсутствуют статьи, предусматривающие уголовную ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц.

В то же время ст. 220 Уголовного кодекса Грузии «Злоупотребление полномочиями» за использование руководящих, представительских или других специальных полномочий, повлекшее за собой значительный ущерб, предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы [10].

Учитывая, что коллекторская деятельность на постсоветском пространстве появилась сравнительно недавно, интерес представляет правовое регулирование ответственности за незаконную деятельность по взысканию просроченной задолженности физических лиц в тех странах, где этот вид бизнеса имеет более длительную историю. Так, в США еще в 1977 г. был принят «Закон о справедливой практике взыскания долгов» (FDCPA), который призван защитить заемщиков от недобросовестных действий коллекторов. Закон устанавливает основные правовые рамки ведения деятельности по взысканию просроченных долгов, определяет права граждан, взаимодействующих с коллекторами, а также средства судебной защиты лиц, допустивших просрочку, и наказание за нарушение данного закона «сборщиками долгов». При доказанности правонарушений со стороны коллекторов коллекторы подлежат только гражданско-правовой ответственности, уголовная ответственность в законе не предусмотрена. Пострадавшая сторона, в пользу которой вынесено судебное решение, вправе получить от коллектора (коллекторского агентства) сумму убытков, размер гонорара адвокатов, а также дополнительную компенсацию в размере до 1 000 долл. США [11].

Существует ряд технических требований, которые должен выполнить коллектор, чтобы не попасть под действие данного Закона: в частности он должен представиться и предоставить контактную информацию, уведомить физическое лицо о сумме задолженности (первоначальной) и о фактическом ее состоянии, а также огласить право заемщика на оспаривание задолженности (полностью или частично) в течение 30 дней со дня передачи дела коллекторам. Помимо этого, коллекторам запрещаются любые формы давления на заемщика, которые могут быть расценены как домогательство. FDCPA также запрещает коллектору использовать ложные, обманные или вводящие в заблуждение методы [12].

Данный Закон подвергается критике как со стороны заемщиков, так и со стороны коллекторов. Заемщики требуют увеличить размер компенсации, учитывая тот факт, что со времени принятия закона прошло достаточно много времени, а доллар как денежная единица обесценился из-за инфляции; коллекторы же напротив указывают на злоупотребления заемщиков, которые используют любые, даже небольшие нарушения технического регламента и пытаются таким образом уйти от ответственности в части погашения долга, попутно получив финансовую выгоду [11].

Учитывая, что в США проблема незаконной деятельности по взысканию просроченной задолженности физических лиц остро не стоит, уголовное законодательство данного государства обходит вниманием данный вопрос. Банки в США практически полностью исключены из деятельности по возврату долгов, по истечении 90 дней с момента возникновения задолженности долг передается коллекторам, ко-

торые представляют собой скорее кредитных советников, призванных разработать совместно с должником оптимальную схему погашения его долга.

Таким образом, в странах постсоветского пространства вопросам уголовно-правового противодействия незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц уделяется больше внимания в сравнении с развитыми западными странами по той причине, что именно в государствах ближнего зарубежья коллекторы чаще применяют незаконные методы в отношении должников (включая насилие). Однако, как показало изучение уголовного законодательства указанных государств, статьи, аналогичные ст. 172.4 УК РФ, в нем отсутствуют. Уголовная ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц возможна по известным статьям Особенной части уголовных законов. Например, по Уголовному кодексу Республики Таджикистан могут быть применены ст. 250 «Вымогательство», ст. 255 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», ст. 295 «Злоупотребление полномочиями служащими коммерческих и других организаций» и др. [13].

В западных странах (например, в США) за длительный период времени сформировалась иная культура взаимоотношений в данной сфере, в связи с чем специальные уголовно-правовые средства воздействия на недобросовестных кредиторов не разработаны.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 28.05.2024).

2. ФССП заявила о рекорде: количество обоснованных жалоб на коллекторов и банки выросло на 33,3% // Ink.: [сайт]. URL: https://incrussia.ru/news/fssp-zayavila-o-rekorde-kolichestvo-obosnovannyh-zhalob-na-kollektorov-i-banki-vyroslo-na-33-3/ (дата обращения: 17.05.2024).

3. Уранкаева Ж. Уголовную ответственность в отношении коллекторов могут ввести в Казахстане // Курсив: [сайт]. URL: https://kz.kursiv.media/2023-02-28/zhnr-kollektor/ (дата обращения: 28.05.2024).

4. Прилепская А. Уголовное наказание для коллекторов предлагает ввести Минюст // Zakon.kz: [сайт]. URL: https://www.zakon.kz/sobytiia/6393978-ugolovnoe-nakazanie-dlya-kollektorov-predlagaet-vvesti-minyust.html (дата обращения: 17.05.2024).

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 мая 2024 г.) // Юрист: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 28.05.2024).

6. Какие права имеют коллекторы в Украине? // Finanso.com. URL: https://finanso.com/ua-ru/blog/poleznoe-o-finansah/chto-mogut-sdelat-kollektory-v-ukraine/ (дата обращения: 17.05.2024).

7. ЦБ снова предлагает разрешить в Узбекистане работу коллекторов // Spot: [сайт]. URL: https://www.spot.uz/ru/2022/11/21/debt-collectors/ (дата обращения: 28.05.2024).

8. Закон об утверждении и введении в действие уголовного кодекса Литовской республики 26 сентября 2000 г. № VIII-1968 // Учебные и учебно-тематические материалы: [сайт]. URL: https://studylib.ru/doc/3734814/ugolovnyj-kodeks-litovskoj-respubliki (дата обращения: 28.05.2024)

9. Кудрявцев Н. Закон принят: коллекторов лицензируют, им не дадут пугать клиентов // kriminal.lv: [сайт]. URL: https://kriminal.lv/news/vzyskanie-dolgov-kollektorov-licenziruyut-i-ne-dad/137346-vzyskanie-dolgov-kollektorov-licenziruyut-i-ne-dad (дата обращения: 28.05.2024).

10. Уголовный кодекс Грузии по состоянию на 15 декабря 2023 г. Законодательный вестник Грузии // Законодательный вестник Грузии: [сайт]. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426 (дата обращения: 17.05.2024).

11. Fair Debt Collection Practices Act // Federal Trade Commission: protecting America's consumers. URL: https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/fair-debt-collection-practices-act-text (accessed: 17.05.2024).

12. Hernandez A. A.How the Fair Debt Collection Practices Act Protects You // Upsolve. URL: https://upsolve.org/learn/fdcpa/ (accessed: 17.05.2024).

13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 ноября 2023 г.) // Юрист: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 28.05.2024).

© Незнаева Д. Е., 2024

Ирина Алисаламовна Нифталиева,
старший преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ТРЕБОВАНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации закрепляет принцип справедливости в качестве одного из основополагающих установлений. В части 1 ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) регламентировано положение о соответствии наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а во второй части указанной статьи – о запрете на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

В представленной законодательной формулировке отражены требования принципа справедливости исключительной при назначении наказания. Вместе с тем совершенно очевидно, что истинное содержание данной идеи гораздо шире ее текстуального выражения. Принцип справедливости охватывает все стадии законодательной и правоприменительной деятельности, в том числе и этап реализации уголовной ответственности.

По данному направлению прежде всего предполагается обязательность уголовно-правового воздействия, с одной стороны, означающая неотвратимость уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, с другой – возможность или необходимость освобождения от уголовной ответственности при наличии определенных обстоятельств.

Неотвратимость применения мер ответственности должна включать в себя не только обязательность назначения этих мер, но и своевременность их наступления, на что указывает установление сроков давности ответственности (ст. 78 и 83 УК РФ). Наличие в уголовном законодательстве таких норм обусловлено тем, что со временем связь преступления и наказания, отображаемая в сознании как самого лица, совершившего преступление, так и других членов общества, утрачивается.

Вместе с тем обязательность уголовно-правового воздействия также охватывает возможность или необходимость освобождения от уголовной ответственности при наличии определенных обстоятельств. Согласно пункту 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ППВС РФ) от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», под освобождением от уголовной ответственности следует понимать отказ «государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [1].

Тем самым обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть любую форму уголовно-правового воздействия, предусмотренную уголовным законом, включает в себя как неотвратимость уголовной ответственности, так и освобождение от нее. В этой связи согласимся с мнением В. К. Дуюнова, что необходимо «обеспечить обязательную реакцию государства на преступление, эта реакция должна соответствовать целям и принципам уголовно-правового воздействия, т. е. быть целесообразной, обоснованной, законной, гуманной, неотвратимой и справедливой, а в какой форме она последует – это вопрос производный от указанных целей и принципов: в одних случаях им будет соответствовать реакция государства в форме уголовной ответственности – с назначением уголовного наказания или без такового, в других – в форме освобождения от уголовной ответственности» [2, с. 141].

Следующее требование принципа справедливости при реализации уголовной ответственности – требование личной ответственности. Оно содержит два аспекта. Первый состоит в том, что субъектом преступления признается только физическое лицо. Так, согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного уголовным законом. Требования к субъекту преступления конкретизированы в последующих статьях гл. 4 УК РФ.

Второй аспект заключается в том, что лицо подлежит уголовной ответственности только за то деяние, которое было совершено им лично. Помимо этого, в случае если преступление совершено в соучастии, ответственности подлежит каждый из соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия их в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ).

Данное положение поддерживается и судебной практикой. Так, в п. 7 ППВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указано: «По уголовному делу в отношении нескольких подсудимых или когда подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, приговор должен содержать анализ и оценку доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению» [1].

Волгоградский областной суд установил, что 9 марта 2019 г. около 10 часов Н. В. Калмыков предложил Е. В. Ускову и А. Н. Касимову совершить хищение денежных средств его соседа В. А. Алексеева, на что они согласились. В тот же день согласно заранее обговоренному плану Н. В. Калмыков пригласил к себе В. А. Алексеева, и они стали употреблять спиртные напитки. Убедившись, что В. А. Алексеев находится у Н. В. Калмыкова, Е. В. Усков и А. Н. Касимов незаконно проникли в жилище В. А. Алексеева, где стали его поджидать. Примерно в 11 часов он вернулся к себе домой в состоянии алкогольного опьянения. Е. В. Усков нанес В. А. Алексееву множественные удары по голове кулаками, от которых тот упал. Далее Е. В. Усков стал наносить В. А. Алексееву удары ногами по поясничной области, грудной клетке и в область правового бедра. В это время А. Н. Касимов открыто похитил из кармана брюк В. А. Алексеева денежные средства в размере 130 000 рублей, после чего они скрылись с места преступления, распорядившись денежными средствами по своему усмотрению.

Суд при назначении наказания Н. В. Калмыкову, Е. В. Ускову, А. Н. Касимову учитывал характер и степень фактического участия подсудимых в совершении грабежа,

значение этого участия в достижении цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного вреда [3].

Наконец, справедливость требует недопустимости повторной уголовной ответственности лица за одно и то же преступление (далее – недопустимость повторной ответственности). Данное положение сформулировано в ч. 2 ст. 6 УК РФ, раскрывающей содержание принципа справедливости: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». В международном уголовном праве данное положение обозначается как ne bis in idem («не дважды за одно и то же») [4]. Это важнейшее требование нашло отражение и в Конституции РФ: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50).

Положение о недопустимости повторной ответственности находит отражение в ряде норм уголовного закона. Так, УК РФ закрепляет нормы, в которых предполагается, в частности запрет на повторный учет смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания, если они уже предусмотрены соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса (ч. 3 ст. 61, ч. 2 ст. 63 УК РФ), учет времени содержания лица под стражей до судебного разбирательства и вступления приговора суда в законную силу (ч. 3–5 ст. 72 УК РФ).

Таким образом, к требованиям принципа справедливости при реализации уголовной ответственности относятся обязательность уголовно-правового воздействия, личная ответственность и недопустимость повторной уголовной ответственности лица за одно и то же преступление. Очевидно, что соблюдение данных требований способствует назначению справедливого наказания.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 июня 2013 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8350/ (дата обращения: 30.03.2024).

2. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08 / Дуюнов Владимир Кузьмич. М., 2001. 512 с.

3. Приговор Волгоградского областного суда (Волгоградской области) от 9 июля 2020 г. по делу № 2-31/2019 // Архив Волгоградского областного суда за 2020 г.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Нифталиева И. А., 2024

Юлия Сергеевна Озерова,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ХАЛАТНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Субъект преступления в ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – должностное лицо [1]. Понятие должностного лица дается в примечании к ст. 285 УК РФ.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК РФ) одним из органов дознания являются органы внутренних дел (далее – ОВД) [2]. Субъект халатности на этапе предварительного расследования в форме дознания в ОВД менее объемен и представлен сотрудником и начальником органа дознания ОВД, наделенными властными полномочиями по отношению к гражданам (арест, избрание меры пресечения, конфискация имущества и т. д.).

В статье 5 УПК РФ дается определение начальника органа дознания, к которому относится лицо, возглавляющее орган дознания, а также его заместители, приводится конкретный перечень его полномочий (ст. 40.2 УПК РФ). Понятия сотрудника органа дознания так же, как и круга его полномочий в УПК РФ не содержится, что порождает неоднозначное толкование указанного термина на практике.

Исходя из текста действующего УПК РФ и закона «О полиции» полномочия сотрудника органа дознания в ОВД может осуществлять любой сотрудник полиции, на которого начальником или заместителем начальника ОВД возложены соответствующие полномочия, в том числе и сотрудник патрульно-постовой службы, как правило, не имеющий юридического образования [2; 3]. О существовании данной проблемы говорили многие ученые процессуалисты, занимавшиеся исследованием указанной проблематики [4, с. 90].

Опыт работы автора в отделе дознания, изучение нормативно-правовых актов, а также должностных инструкций сотрудников органов дознания позволяют сделать вывод, что сотрудниками органов дознания являются дознаватели (старшие дознаватели), начальники обособленных подразделений дознания (отделов и отделений дознания), лица, не являющиеся по должности дознавателями, на которых приказом начальника отдела возложены функции по исполнению обязанностей дознавателя (участковые уполномоченные, инспектора подразделений по делам несовершеннолетних, оперуполномоченные уголовного розыска и отдела по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, инспектора Госавтоинспекции), а также лица, исполняющие поручения дознавателя о производстве отдельных следственных действий (допрос, осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, обыск, выемка), розыске лиц, совершивших преступления, и обнару-

жению похищенного имущества (угнанного автотранспорта). Круг лиц, исполняющих отдельные поручения на этапе предварительного расследования в форме дознания, обычно представлен сотрудниками, проводящими доследственную проверку, и соответствует выше перечисленному нами перечню сотрудников, привлекаемых к исполнению обязанностей дознавателя [5, с. 276].

Обзор судебной практики по ст. 293 УК РФ позволяет заключить, что данные сотрудники органов дознания как раз привлекаются к уголовной ответственности на этапе производства предварительного расследования в форме дознания. Примером может быть приговор Новосибирского районного суда по ч. 2 ст. 293 УК РФ в отношении бывшего старшего инспектора по делам несовершеннолетних А. И. Головач по факту не принятия должных мер, направленных на защиту и восстановление нарушенных прав малолетнего, закрепленных в ст. ст. 2, 20, 21, 38, 41 и 52 Конституции РФ и повлекших за собой его смерть [6]. Другой случай – приговор Советского районного суда г. Орла в отношении старшего участкового уполномоченного Н. С. Башкатовой по ч. 2 ст. 293 УК РФ по факту неисполнения должностных обязанностей (несвоевременного реагирования на сообщение об угрозе убийством со стороны сожителя), повлекшего за собой смерть потерпевшей [7]. В целях единообразного толкования термина «сотрудник органа дознания» и перечня его полномочий предлагаем закрепить его понятие и полномочия в УПК РФ.

При неисполнении служебных обязанностей сотрудниками органов дознания, повлекшими нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, начальники органов дознания привлекаются к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее осуществление контрольных и надзорных функций и недостатки в организации работы. Например, увольнение начальника отдела полиции «Ленинский» г. Кемерово и одного из его заместителей по факту неисполнения должностных обязанностей, допущенного его подчиненными по делу В. Пехтелевой, повлекших за собой смерть последней [8].

В случаях отсутствия реагирования на преступные действия подчиненных сотрудников (например, бездействие начальника органа дознания при применении оперуполномоченными физического насилия к подозреваемому), а также привлечение к исполнению служебных обязанностей сотрудников органа дознания, не прошедших стажировку или аттестацию, при наступлении общественно опасных последствий, предусмотренных ст. 293 УК РФ, начальник органа дознания привлекается к уголовной ответственности за халатность.

Таким образом, несмотря на все тяготы и лишения службы сотрудники и начальники органов дознания обязаны соблюдать все законные меры по привлечению виновных к уголовной ответственности и восстановлению нарушенных прав и свобод граждан и интересов организаций.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: ред. от 19 декабря 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г.: ред. от 19 декабря 2016 г. // Парламентская газета. 2001. № 241–242.

3. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой 28 января 2011 г.: одобр. Советом Федерации 2 февр. 2011 г.: ред. от 3 июля 2016 г. // Парламентская газета. 2011. № 7.

4. Судницын А. Б., Карлов А. Л. Орган дознания в системе органов внутренних дел как субъект принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 89–95.

5. Рубцова Ю. С. Сотрудник органа дознания органов внутренних дел как специальный субъект должностной халатности // Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга: материалы всеросс. науч.-практ. конф. (25 ноября 2016 г.) / сост.: О. С. Лейнова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 274–278.

6. Коновалова Е. В Новосибирске бывший инспектор ПДН признана виновной в халатности // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области. URL: https://nsk.sledcom.ru/news/item/1732909/ (дата обращения 19.05.2024).

7. Два года поселения для «лучшего участкового» // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/ (дата обращения 20.05.2024).

8. Константинов А. Полицейские не поторопились на убийство // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6096239 (дата обращения 22.05.2024).

© Озерова Ю. С., 2024

Гульжан Болаткызы Онгарова,
докторант факультета послевузовского образования
Карагандинской академии МВД РК имени Б. Бейсенова

О КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОГАЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

С. Роуз-Аккерман, исследователь в сфере проблем международного антикоррупционного сотрудничества, отмечала, что «к настоящему времени было предпринято много усилий для контроля за коррупцией через международные договоры и инициативы гражданского общества» [1].

Действительно, международные документы имеют большое значение в противодействии преступности, тем более коррупционной, так как, проявляясь в различных формах, коррупция наносит существенный вред для каждого государства.

Одной из рекомендаций Конвенции Организации объединенных наций (далее – ООН) против коррупции было введение уголовной ответственности за незаконное обогащение, под которым согласно Конвенции понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать.

Как отметил профессор Вашингтонского колледжа права Американского университета Этан С. Бургер, Конвенция должна служить катализатором для международных организаций, транснациональных кредитных организаций и неправительственных организаций по активизации своих усилий и обеспечению фундаментальной основы для реализации политических или стратегических интересов и в целях исключения критики в отношении отдельных государств [2].

Если перейти к положительным результатам криминализации незаконного обогащения, то обзор М. Педриеля-Вайсери показывает, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе считает криминализацию данного деяния одним из лучших методов для борьбы с коррупцией [3].

В Гонконге, где это преступление законодательно закреплено почти 40 лет, апелляционный суд пришел к выводу, что практика привлечения к уголовной ответственности лиц за незаконное обогащение доказала свою эффективность в борьбе с коррупцией [3].

Данные исследования Всемирного банка продемонстрировали, что в некоторых юрисдикциях удалось восстановить крупные суммы денежных средств благодаря привлечению к уголовной ответственности за незаконное обогащение. ООН также сочла криминализацию незаконного обогащения полезной для сдерживания коррупции среди государственных служащих [3].

Последний аргумент, приведенный подразделениями ООН, подкрепляется мнением С. М. Рахметова и И. Ш. Борчашвили, которые отмечают, что имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции позволила бы повысить эффективность уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией, выявления и привлечения к уголовной ответственности наиболее опасных коррупционеров, которые добыли незаконным,

в основном преступным, путем денежные средства и иное имущество на огромные суммы. Подобная норма может сыграть мощную профилактическую роль [4].

Преступление, связанное с незаконным обогащением, может стать инструментом уголовного преследования коррумпированных должностных лиц, поскольку не требует доказывания того, что коррупционная транзакция действительно была, но позволяет сделать вывод из самого факта владения должностным лицом необъясненным имуществом, которое не могло быть приобретено за счет законных источников [5].

Противники введения уголовной ответственности за незаконное обогащение полагают, что тем самым будут нарушены основы уголовного права и презумпция невиновности.

Данное утверждение В. Борков оспаривает тем, что при исследовании факта обогащения, вероятно являющегося противоправным, следует исходить из негативного характера признака «незаконность». В таком случае, по мнению ученого, нужно будет доказывать не факт совершения тех или иных правонарушений, повлекших обогащение, а наоборот отсутствие законных оснований для значительного увеличения активов должностного лица над официальными доходами [6, с. 29].

Как полагает Н. В. Шакель, для того чтобы надлежащим образом имплементировать в свои законодательства положения данной статьи, государства должны соблюдать содержащиеся в ней требования. Они, по мнению ученого, заключаются в следующем:

1) незаконное обогащение должно быть признано в качестве уголовно наказуемого деяния. Актом, в котором определяется, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляются основания и условия уголовной ответственности, устанавливаются наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, в большинстве государств является Уголовный кодекс (УК). Установление за незаконное обогащение иной ответственности, не являющейся уголовной (например, гражданско-правовой), не отвечает смыслу и содержанию Конвенции;

2) должно быть установлено наличие умысла;

3) законные доходы публичного должностного лица должны сравниваться с его активами [7, с. 382].

Незаконный характер указанных действий должен быть подтвержден не отсутствием соответствующих объяснений у лица, а именно расхождением с официальным доходом. Поэтому будет правильным указать связь происхождения имущества с законным заработком лица и доходов его близких родственников.

С процессуальной точки зрения предлагаемая нами норма будет применима только после введения всеобщего декларирования доходов.

Элементы рассматриваемого преступления должны быть сформулированы так, чтобы они не нарушали основополагающего права человека на презумпцию невиновности и права не свидетельствовать против самого себя. Для этого необходимо возложить на прокурора бремя доказывания наличия определенного имущества, отсутствия законных источников доходов, которые могли бы их объяснить, преступного

намерения приобрести упомянутое имущество и т. д. (создавая таким образом опровергаемую презумпцию незаконного обогащения). При наличии достаточных доказательств суд имеет право сделать вывод о виновности такого лица, в частности в связи с отсутствием его объяснений относительно законности источников приобретения упомянутого имущества [5].

При отсутствии в Республике Казахстан (РК) уголовной ответственности за незаконное обогащение сам факт незаконности данного действия упоминался в утратившем силу законе РК от 2 июля 1998 г. № 267 «О борьбе с коррупцией», согласно ст. 18 которого во всех случаях незаконного обогащения лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, или лиц, приравненных к ним, в результате коррупционных правонарушений незаконно полученное имущество подлежит обращению, а стоимость незаконно полученных услуг – взысканию в доход государства. Из смысла нормы следует, что законодатель под незаконным обогащением подразумевал все коррупционные правонарушения, в результате совершения которых лицо получает определенную выгоду.

Так, по результатам проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных органов и судей на вопрос «Будет ли являться введение уголовной ответственности за незаконное обогащение действенным способом борьбы с коррупцией?», 53 % респондентов ответили положительно, 44 % – отрицательно, оставшиеся 3 % затруднились ответить.

Положительный ответ большинства анкетируемых о пользе введения незаконного обогащения в уголовное законодательство Республики Казахстан в доказывает возможность его эффективного правоприменения.

При отсутствии уголовно-правовой нормы о незаконном обогащении в УК РК данное деяние как уголовно наказуемое предусмотрено в уголовном законодательстве таких стран, как Алжир, Ангола, Аргентина, Бангладеш, Бутан, Боливия, Ботсвана, Бруней, Египет, Индия, Китай, Куба, Коста-Рика, Латвия, Монголия, Малайзия, Мексика, Украина, Франция, Эквадор, Эфиопия [8].

Рассмотрим конструкцию незаконного обогащения, предусмотренного в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран.

Статья 395 Уголовного кодекса КНР так толкует незаконное обогащение: «Любой государственный чиновник, чье имущество или расходы значительно превышают его законные доходы, должен доказать законность их происхождения. Если он не может доказать, что источники являются законными, та часть, которая превышает его законные доходы, должна рассматриваться как незаконные доходы, и он может быть приговорен к тюремному заключению на срок не более пяти лет или аресту, а часть имущества, превышающая его законной доход, взыскивается» [9].

Законодательство Республики Индия также рассматривает незаконное обогащение в качестве уголовно наказуемого деяния. Так, ст. 13 закона «О предотвращении коррупции», именуемая преступным поведением государственных служащих, дает определение понятию незаконного обогащения, под которым понимает случай, если государственный служащий или любой человек от его имени имеет в своем распоряжении имущество в период исполнения полномочий, происхождение которого он не может удовлетворительно объяснить, как и не может объяснить причину не-

пропорциональности по отношению к известным источникам дохода. Это преступление также подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от года до семи лет или штрафа [8].

Ввиду латентного характера совершения коррупционных преступлений имеется возможность путем криминализации незаконного обогащения противодействовать использованию чиновниками приобретенного незаконно имущества. Исходя из этого, предлагается ввести в УК РК уголовную ответственность за незаконное обогащение, изложив ее в следующей редакции:

Статья 365-1. Незаконное обогащение

1. Приобретение лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, или лицом, занимающим ответственную государственную должность, либо должностным лицом, а равно должностным лицом иностранного государства или международной организации имущества, права на имущество или выгод имущественного характера, а равно приобретение и передача имущества близким родственникам, если стоимость имущества, право на имущество или выгода имущественного характера превышают доход данного лица или близких родственников – ...

2. Те же деяния, совершенные: группой лиц по предварительному сговору; в крупном размере; неоднократно, – ...

3. Те же деяния, совершенные: лицом, занимающим ответственную государственную должность; в особо крупном размере – ...

В связи с тем что предлагаемое нами деяние нарушает интересы государственной службы и государственного управления, предлагаем внести изменения в п. 29 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан путем дополнения перечня коррупционных преступлений ст. 365-1 (Незаконное обогащение).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Rose-Ackerman S. Corruption: Greed, Culture, and the State. 2010. URL: yalelawjournal.org (accessed: 03.05.2024).

2. Ethan S. Burger. Convention Against Corruption: Decisive Action or Mere Symbolism. URL: sartraccc.ru (accessed: 03.05.2024).

3. Perdriel-Vaissiere M. The accumulation of unexplained wealth by public officials: Making the offence of illicit enrichment enforceable. URL: http://www.u4.no (accessed: 03.05.2024).

4. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией / С. М. Рахметов, И. Ш. Борчашвили. Астана: Art-Print XXI, 2012. 364 с.

5. Anti-corruption Reforms in Eastern Europe and Central Asia Progress and Challenges. URL: http://www.oecd-ilibrary.org (accessed: 03.05.2024).

6. Борков В. Проблемы криминализации коррупционного обогащения в России // Уголовное право. 2007. № 2. С. 27–31.

7. Шакель Н. В. Имплементация положений о незаконном обогащении: сравнительно-правовое исследование // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. Минск, 2013. Вып. 6. С. 382–386.

8. On the Take Criminalizing Illicit Enrichment to Fight Corruption (World Bank) / L. Muzila, M. Morales, M. Mathias and T. Berger. Washington DC, 2012. P. 62–75.

9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят 14 марта 1997 г. // Гонконгский информационно-аналитический портал. URL: http://www.asia-business.ru (дата обращения: 03.05.2024).

© Онгарова Г. Б., 2024

Николай Иванович Пикуров,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

КОНКУРЕНЦИЯ И КОЛЛИЗИЯ НОРМ ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЕЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОИСК ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Природа взаимоотношений норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса исследовалась с разных сторон. Сегодня выработаны общепринятые подходы к анализу природы их взаимосвязи. Тем не менее некоторые вопросы остаются дискуссионными или мало разработанными. К их числу можно отнести конкуренцию и коллизию правовых норм той и другой частей Уголовного кодекса.

Существуют разные определения конкуренции и коллизии, в связи с чем до рассмотрения обозначенных в заголовке статьи вопросов мы уточним, какое из существующих в юридической литературе описаний этих понятий мы используем применительно к нашему материалу.

Коллизия уголовно-правовых норм – вызванное логико-структурным дефектом законодательства смысловое противоречие между содержанием двух и более уголовно-правовых норм, препятствующее однозначному выбору нормы, подлежащей применению к данному случаю (она требует вмешательства законодателя).

Конкуренция уголовно-правовых норм – это такая связь между двумя и более нормами уголовного права, при которой любая из них может быть применена к разрешению одной и той же правовой ситуации в условиях наличия логической возможности выбора одной из них (самостоятельно разрешается правоприменителем).

Если исходить из предназначения норм Общей части служить задачам унификации материала Уголовного кодекса и максимально компактного его изложения, причин для их конкуренции с нормами Особенной части нет. Однако, во-первых, действительность не всегда укладывается в рамки идеальной схемы, а во-вторых, законодатель не всегда учитывает содержание норм Общей части при формулировании отдельных составов преступлений или установлении санкций за их совершение. В последние годы наблюдается явно выраженная тенденция замыкать отдельные институты Общей части на конкретном составе преступления с их корректировкой, что ведет к несовпадению признаков института Общей части с их проявлением в конкретном составе. В нашу задачу не входит анализ причин такого положения – это тема не одной статьи и даже не одной диссертации, но важно отметить, что при таком положении у лица, применяющего уголовный закон, возникают вопросы, ответы на которые найти довольно трудно. В качестве примера такого положения мы выбрали только два института Общей части: соучастие и назначение наказания.

Признаки соучастия, как и виды соучастников, достаточно четко обозначены в нормах гл. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В процессе дифференциации ответственности за преступления экстремистской и терро-

ристической направленности законодатель конкретизировал признаки подстрекательства и пособничества применительно к отдельным составам. Например, под общий заголовок ст. 205.1. УК РФ «Содействие террористической деятельности» подпадают не только действия, относимые согласно нормам Общей части к пособничеству, но и деяние, которое именуется подстрекательством (вовлечением лица в совершение преступления посредством склонения, вербовки и т. д.).

Указанное противоречие вносит некоторую путаницу в содержание этих понятий, однако такое расхождение в наименовании некритично, поскольку непосредственно в диспозиции статьи Особенной части описаны признаки, именуемые содействием. Следуя этому описанию, правоприменитель не ошибется, независимо от того, как названы в заголовке статьи эти действия. К тому же в этом внешнем противоречии (возможно, без умысла авторов проекта) отражается более широкое, чем в определении пособничества, значение слова «содействие», которое может включать и элементы подстрекательства, если оно выступает в виде помощи кому-либо или чему-либо. Гораздо сложнее объяснить наличие существенного противоречия между понятием «преступление, совершенное группой лиц», которое дается в главе о соучастии, и понятием «преступление, совершенное группой лиц» в диспозиции статьи, предусматривающей ответственность за неосторожное преступление.

Содержание понятия «преступление, совершенное группой лиц» находится в ст. 35 гл. 7 УК РФ, именуемой «Соучастие в преступлении». Можно сделать вывод, что совершение преступления группой лиц является частным случаем совершения его в соучастии. Этот тезис практически не подвергался сомнению ни на практике, ни в теории уголовного права. Соучастие в силу прямого указания ст. 32 УК РФ может иметь место лишь в умышленном преступлении. Между тем законодатель использовал это понятие в ст. 263.1. УК РФ, в которой речь идет о причинении по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью в результате неисполнения требований по соблюдению (ч. 1) или обеспечению (ч. 2) транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. По всем параметрам – это неосторожное преступление, однако в качестве квалифицирующего признака состава законодатель указывает на совершение этого преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 3) либо организованной группой (ч. 4) ст. 263.1 УК РФ.

Трудно выяснить мотивы такого решения, поскольку в пояснительной записке к законопроекту ничего не говорится о наличии особого понимания группового преступления. Тем не менее анализ структуры состава преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ показывает, что место для сговора или даже действий организованной группы фактически есть, по крайней мере для деяния, предусмотренного частью второй рассматриваемой статьи.

Данное преступление состоит из двух относительно самостоятельных компонентов. Один из них заключается в нарушении правил (требований) лицами, ответственными за обеспечение транспортной безопасности, т. е. сотрудниками соответствующей организации, обеспечивающей соблюдение всеми лицами правил на определенном объекте транспортной инфраструктуры. Вполне мыслима ситуация, когда из соображений экономии средств сотрудники вступают в сговор, например

убирая пост охраны в каком-либо месте вопреки требованиям транспортной безопасности. Таким образом, на этой стадии развития нарушения требований безопасности возможен сговор. Однако он распространяется лишь на факт нарушения требований безопасности, и потому законодатель должен был отделить его от понятия «совершение преступления группой лиц». Для этого формулировка чч. 3 и 4 должна быть другой, например «нарушение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное по предварительному сговору группой лиц, что повлекло по неосторожности причинение…». В таком случае было бы ясно, что сговор существовал лишь относительно нарушений требований безопасности, а не по отношению к преступлению в целом. Возможно, разрешение этой коллизии не только применительно к отдельной статье Особенной части УК РФ, но и применительно ко всем преступлениям в Общей части, совершаемым посредством нарушения специальных правил.

Что касается правил назначения наказания, то суть их взаимосвязи с нормами Особенной части иная. Природа правил назначения наказания неоднородна. Одни из них непосредственно связаны с дифференциацией уголовной ответственности (например, нормы ст. 66 УК РФ), другие же (большинство), предназначены для индивидуализации наказания. Специалисты насчитывают в действующем УК РФ более полусотни правил назначения наказания, причем многие из этих правил конкурируют между собой, а в отдельных случаях возникают коллизии, преодолевать которые судье довольно сложно [1, с. 10].

В таком случае важно отличать конкуренцию норм Общей части с нормами Особенной части от логически непротиворечивой системы связи между ними, при которой санкции статьи Особенной части корректируются независимо от того, какое преступление совершено и кем. Например, любая санкция статьи Особенной части, предусматривающая наказание за умышленное преступление, должна восприниматься лишь в неразрывной взаимосвязи с нормами ст. 66 УК РФ, если преступление прервано на стадии приготовления или покушения по причинам, независящим от воли лица. Такие санкции в упомянутой выше работе О. К. Зателепина предлагается считать исходными для дальнейшего подсчета дробного снижения или усиления основной санкции. Никакого противоречия в данном случае между нормами Особенной и Общей частей нет, как нет их и в некоторых других случаях, когда законодатель обозначил непосредственно в УК РФ варианты их взаимосвязи.

В то же время не все из существующих вариантов взаимосвязи таких норм учтены законодателем, в связи с чем практика испытывает затруднения при разрешения противоречий. Большую роль в их разрешении играют постановления Пленума Верховного суда РФ и положения доктрины уголовного права. Но такое положение вряд ли можно признать нормальным. Законодатель должен расставить все точки в вопросах, которые могут быть разрешены на уровне правотворчества, поскольку доктрина редко предлагает однозначные решения. Чаще всего предложения бывают дискуссионными, что является основным триггером развития науки уголовного права, но мало приемлемо для следователя и судьи, нуждающихся в четких ориентирах.

Некоторые специалисты в области конкуренции норм уголовного права считают, что в определенных случаях нормы Общей части играют роль специальной нормы по отношению к нормам Особенной части. Например, при назначении наказания в пределах санкции статьи УК РФ по правилам ст. ст. 62, 65, 66 и 68 УК РФ нормы Общей части становятся специальными по отношению к нормам Особенной части [2, с. 157]. Эту позицию можно признать верной, но лишь в части конкретизации наказания, описанного в санкции нормы Особенной части, однако понятие конкуренции вряд ли подходит для характеристики их соотношения. Дело в том, что правила назначения наказания, хотя и неразрывно связаны с нормами-запретами, однако имеют собственного адресата, не всегда совпадающего с адресатом уголовно-правовой нормы Особенной части. Кроме того, в основании применения правил назначения наказания лежат факты, которые не совпадают ни по объему, ни по содержанию с фактами, являющимся основанием для применения нормы Особенной части.

Рассмотрим это положение на примере конкуренции и коллизии при выборе нормы для назначения наказания. Если конкуренцию и коллизию обычно связывают с тем, что две и более нормы права по-разному регулируют отношения, возникающие в связи с одним и тем же фактом, то следует разобраться в содержании этих фактов. О коллизии или конкуренции можно вести речь, если действительно один и тот же факт запускает действие разных норм уголовного права, по-разному описывающих связанные с ним юридические последствия. Если же факты различаются, вести речь о конкуренции или, тем боле о коллизии, по нашему мнению, вряд ли обоснованно.

Например, в основании применения правила ч. 1 ст. 60 УК РФ лежит тот же факт, что и в основе применения любой статьи Особенной части – совершение лицом деяния, содержавшего определенный состав преступления. Эта норма, как и большинство норм о порядке назначения наказания, несет в себе субсидиарную функцию по отношению к функции норм Особенной части УК РФ. Часть 2 ст. 60 УК РФ, определяющая возможность выхода за пределы санкции статьи Особенной части, прибавляет к факту совершения преступления дополнительные условия и отсылает к нормам ст. 69 и 70 УК РФ, конкретизирующим содержание таких условий, с которыми связан порядок назначения наказания по совокупности преступлений или совокупности приговоров.

Часть 3 ст. 60 УК РФ указывает на факты, выходящие за пределы содержания состава преступления. Они могут касаться событий, имевших место, задолго до совершения преступления (например, обстоятельства, характеризующие личность виновного), либо обстоятельств, относящихся к будущему развитию событий после назначения наказания (влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи и на исправление осужденного). Другими словами, нормы чч. 2 и 3 ст. 60 УК РФ, хотя и связаны с фактом совершения преступления (без этого не заработает юридический механизм назначения наказания), но приобретают относительно самостоятельное существование, связанное с прошлым допреступным поведением или будущим развитием событий.

Факты, которые учитывает суд согласно правилам, указанным в ст. 61 и 63 УК РФ, тоже пересекаются в определенной части с самим фактом совершения преступле-

ния, но при этом выходят за его пределы временного периода. Они могут предшествовать ему (стечения тяжелых жизненных обстоятельств, подтолкнувших лицо к совершению преступления), или наступать после совершения общественно опасного деяния (оказание после совершения преступления медицинской и иной помощи потерпевшему либо заглаживание причиненного ему вреда).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в отсутствии совпадения по объему и по другим параметрам фактов, рассматриваемых в качестве основания применения норм Общей и Особенной частей, вряд ли обоснованно вести речь о возможности возникновения конкуренции между ними. Каждая из таких норм выполняет свою функцию, причем эти функции не пересекаются, не подменяют и не заменяют друг друга. В зависимости от конкретных обстоятельств сочетание взаимосвязанных норм Общей и Особенной части может меняться, переводя действие уголовного права с типового случая к индивидуальному.

Такое соотношение рассматриваемых норм иногда нарушается самим законодателем, который по разным причинам отступает от принятого порядка. Например, обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения преступления по логике не могут повлиять на характер и степень общественной опасности уже завершенного общественно опасного деяния, содержащего все признаки преступления, но могут отражать свойства лица, совершившего преступление и его отношение в целом к общепринятым жизненным ценностям. Такие ситуации законодатель описывал в Общей части в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Те обстоятельства, которые сопровождали совершение деяние, отражаясь на его степени и характере, обычно описывались в качестве смягчающего или отягчающего признака состава преступления.

Однако в последнее время законодатель стал отступать и от этого принципа. Так, норма п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ предусматривает повышенную санкцию, если дорожно-транспортное преступление сопряжено с оставлением места его совершения. То есть обстоятельство, относящее к постпреступному поведению, включено в статью Особенной части как обстоятельство, отягчающее наказание. При определенном желании это дополнение к признакам основного деяния (оставление места совершена преступления) можно рассматривать как единое основание (квалифицированный состав) для применения ч. 4 ст. 264 УК РФ (нарушение правил безопасности дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека и оставление потерпевшего без помощи) Это невозможно по двум причинам. Во-первых, возникнут проблемы определения содержания вины и установления времени совершения преступления. Основное преступление, как это предусмотрено уголовным законом, совершается по неосторожности, тогда как оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) может быть выполнено лишь умышленно. Момент окончания у этих деяний также различный. Во-вторых, изучение причин появления этого отягчающего обстоятельства показывает, что оно связано с невозможностью или затруднением доказывания состояния опьянения в случае, когда лицо скрывается после ДТП. Аргумент, согласно которому эта норма введена для соединения состава оставления в опасности с самим ДТП, также не убедителен, поскольку оставление в опасном для жизни состоянии – формальный

состав, а ответственность по ст. 264 УК РФ возникает лишь в случае наступления реальных последствий – тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшего. Следовательно, действия, описанные в «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ, все же относятся не к самому факту совершения преступления, а к постпреступному негативному поведению. Другими словами, речь в данном случае идет о формулировании обстоятельства, отягчающего наказание в статье Особенной части, несмотря на то, что оно не относится к составу преступления, а следует по времени за ним.

В подобных случаях может возникнуть вопрос о конкуренции этой нормы Особенной части с нормой п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ, если потерпевший, оставленный без помощи, в итоге погибнет. Однако при сопоставлении признаков, указанных в п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ «Наступление тяжких последствий в результате совершения преступления» с признаками состава преступления, указанного в диспозиции ст. 264 УК РФ, легко заметить, что это тяжкое последствие является криминообразующим признаком состава преступления, который хотя и обусловлен в числе прочего оставлением лица без помощи, но юридически самостоятелен. Он применяется независимо от того, оставлено ли место совершения преступления водителем или нет.

Приведенные нами примеры соотношения норм Общей и Особенной частей показывают, что для разрешения вопросов конкуренции и коллизии между ними недостаточно формального сопоставления предписаний сравниваемых норм. Необходимо определить их природу и функции, особенность юридических фактов, лежащих в основании их действия, и лишь после этого применять формально-логические методы поиска ответа на вопросы о разрешении конкуренции либо преодоления коллизии.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Зателепин О. К. Применение смягченных, усиленных и смягченно-усиленных санкций в судебной практике // Судья. 2020. № 8. С. 10–17.

2. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.

© Пикуров Н. И., 2024

Олег Николаевич Пикуров,
доцент кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Уголовное законодательство призвано охранять ценности, основополагающие с точки зрения необходимости существования общества. Эти ориентиры меняются от поколения к поколению, следуя за перипетиями политического строя, потребностями экономической ситуации, достижениями научно-технического прогресса.

Между тем еще марксистская философия поднимала вопрос о существовании вечных и общечеловеческих ценностей, характерных для всей истории человечества. Среди них назывались, например факторы, способствующие общественному прогрессу, личность человека, его жизнь, свобода, достоинство, благосостояние, счастье [1, с. 20].

Первоочередным ориентирам развития нашей страны дано нормативное определение. Пункт 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей относит к ним жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России [2].

Казалось бы, объект уголовного права, отражающий ключевые, наиболее стабильные ценности общества должен обладать известной долей инертности. Соответственно инертным должно быть и само уголовное законодательство, охраняющее основные «условия существования жизни общества» (К. Маркс). Однако на протяжении последних 100 лет было принято 4 отечественных Уголовных кодекса (УК), каждый из которых претерпевал многочисленные изменения. Менялся ли при этом инструмент защиты «вечных» ценностей, насколько принципиально и в каком объеме? Для поиска ответа произведено сравнение фрагментов двух последних уголовных кодексов: гл. 3 УК РСФСР 1960 г. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья».

УК РСФСР 1960 г. вступил в силу 1 января 1961 г. 25 февраля – 6 марта 1986 г. Состоялся XXVII съезд КПСС, который утвердил основные направления политики государственных реформ. Вслед за коренным изменением ценностных ориентиров общества и постепенным отказом от социалистической системы менялось и уголовное законодательство. В связи с этим за основу взят 25-летний период действия указанного документа – по 1 января 1986 г. На тот момент действовала редакция от 30 октября 1985 г.

УК РФ 1996 г., вступивший в силу 1 января 1997 г., был принят по результатам формирования к тому времени нового государственного мировоззрения. Для сравнительного анализа взят тот же временной отрезок – 25 лет, до 1 января 2022 г. На тот момент действовала редакция от 30 декабря 2021 г.

Большинство составов преступлений не были идентичными и не повторялись в кодексах различных лет «слово в слово». В нашем исследовании они рассматривались по принципу аналогии с учетом следующих особенностей.

Разделение или наоборот совмещение в одной статье общей и специальной норм, основного и квалифицированного составов преступлений (ст. ст. 102 и 103 УК РСФСР предусматривали ответственность за квалифицированное и простое убийство, объединенных в ст. 105 УК РФ).

Изменение терминологии при описании одного и того же по своей сути деяния (ст. 106 УК РСФСР сформулирована как «неосторожное убийство», ст. 109 УК РФ – «причинение смерти по неосторожности»).

Сужение круга наказуемых деяний за счет введения дополнительных условий (уголовная ответственность за оставление в опасности по ст. 127 УК РСФСР наступала в любом случае, если лицо без угрозы для себя или окружающих могло оказать помощь, в то время как в УК РФ добавлено наличие у виновного определенных обязанностей по отношению к потерпевшему).

Расширение круга наказуемых деяний за счет исключения дополнительных условий (ст. 107 УК РСФСР предусматривала ответственность за доведения до самоубийства только лица, находящегося в служебной или иной зависимости от виновного, в то время как ст. 110 УК РФ не ограничивает круг потерпевших подобным условием).

Фактическое следование судебной практики последующим законодательным нормам (изнасилование в извращенной форме квалифицировалось по ст. 117 УК РСФСР, тогда как в УК РФ этому посвящена отдельная статья «Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм» – 132).

Смещение акцента на иной объект преступления, повлекшее перенос в иную главу (ответственность за понуждение к действиям сексуального установлена ст. 133 УК РФ, находящейся в главе «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». По статье 118 УК РСФСР квалифицировалась только одна форма такого деяния – естественным путем, и только в том случае, если в качестве потерпевшего выступала женщина).

Отсутствие в сравниваемый период специальной уголовно-правовой нормы, однако фактическое наличие уголовной ответственности по иным статьям (диспозиция ст. 124 УК РСФСР – злоупотребление опекунскими обязанностями, звучала как «использование опеки в корыстных целях или оставление подопечных без надзора и необходимой помощи». В УК РФ напрямую такой статьи не предусмотрено, но в случае присвоения или растраты опекуном вверенного ему имущества опекаемого он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ; в случае неисполнения обязанностей, соединенном с жестоким обращением – по ст. 156 УК РФ и т. д. Убийство матерью новорожденного ребенка, предусмотренное ст. 106 УК РФ, квалифицировалось по ст. 103 УК РСФСР).

Нами проведено постатейное сравнение первоначальных редакций гл. 3 УК РСФСР и гл. 16 УК РФ (табл. 1), а также внесенных в них изменений в течение одинакового 25-летнего периода действия. При этом учитывались только диспозиции статей, не менее сложный вопрос о размерах наказания оставлен за пределами настоящего исследования.

Таблица 1

Постатейное сравнение редакций гл. 3 УК РСФСР и гл. 16 УК РФ

Критерий сравнения	Гл. 3 УК РСФСР 1960 г.	Гл. 16 УК РФ 1996 г.
исследуемый период	с 1 января 1961 г. по 1 января 1986 г.	с 1 января 1997 г. по 1 января 2022 г.
число статей в первоначальной редакции	30	26
число статей спустя 25 лет действия УК	32	33
из них не имело аналогов в сравниваемом УК (с учетом иных глав)	1	7
введено новых статей	2	7
число статей, которые подвергались изменениям с учетом вновь введенных (если в одну статью внесено 2 изменения, учитывается как одно)	3	20
число дополнительно введенных статей, которые подвергались изменениям	0	4
всего внесено изменений с учетом повторных изменений в одну статью и вновь введенных статей (если в одну статью внесено 2 изменения, учитываются оба, введение новой статьи как изменение не учитывается)	4	41
число статей, в которые вносились изменения 2 и более раза	1	11

В таблице 1 приведены цифровые показатели, характеризующие основные результаты.

Почти все статьи гл. 3 УК РСФСР (31 из 32) в той или иной форме получили закрепление в УК РФ. Не получила аналога только ст. 115.1 УК РСФСР (уклонение от лечения венерической болезни), введенная Указом Президиума ВС РСФСР от 20 октября 1971 г., наличие которой в уголовном кодексе носило спорный характер.

Вместе с тем по сравнению с первоначальной редакцией документов УК РФ за исследуемый период подвергался значительно большим изменениям, чем УК РСФСР, в плане введения новых статей (более чем в 3 раза), числу статей, подвергавшимся изменениям (более чем в 6 раз), общему числу изменений (более чем

в 10 раз), числу неоднократных изменений одной и той же статьи (в 11 раз). К примеру, в ст. 116 УК РФ (побои) вносились изменения Федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, а затем спустя менее года – от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ. Это не считая изменений, касающихся размера наказания от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в приведенные выше цифровые показатели, как уже оговаривалось, последние не входят).

Осложнило чистоту сравнительного исследования и многострадальная ст. 116 УК РФ (побои), подвергшаяся диффузии с хулиганством и экстремизмом, а затем вновь возрожденная с использованием института административной преюдиции в виде ст. 116.1 УК РФ.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что даже при кардинальном изменении политического строя и экономической ситуации в стране сохранилась преемственность основополагающих ценностей, что позволяет вести речь о стабильности определенных элементов общего объекта уголовно-правовой охраны. В связи с этим актуальными остаются методы историко-правового исследования развития российского уголовного права и в частности изучение особенностей законотворческих и правоприменительных аспектов советского периода.

Конечно, при всей консервативности норм раздела о преступлениях против личности, ее затронули некоторые тенденции, характерные для уголовного права в целом. В частности стремление законодателя выделить наряду с понятием преступного деяния категорию преступной деятельности. В нашем случае к таковым можно отнести составы о содействии и побуждении к самоубийству (ст. 110.1, 110.2 УК РФ) при наличии «классической» ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства), имевшей своей прообраз в ст. 107 УК РСФСР. Пока таких проявлений, судя по статистическим данным, единицы. Приживутся ли новые нормы – покажет время.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблема ценности в философии. М., 1966. С. 14–24.

2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

© Пикуров О. Н., 2024

Татьяна Валентиновна Пинкевич,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Обеспечение безопасности личности в условиях цифровизации современного общества является одной из главных задач государства. Постоянное внимание уделяется защите несовершеннолетних, поскольку в силу возрастных и психологических особенностей они относятся к группе повышенного риска и требуют к себе особого внимания в обеспечении защиты их прав и интересов, а также социальной поддержки. Это обусловлено тем, что согласно результатам анализа криминальной обстановки в России количество зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, с каждым годом увеличивается. Особую тревогу вызывают деяния против половой неприкосновенности, половой свободы личности и общественной нравственности, совершаемые в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. Так, за период 2016–2023 гг. было зарегистрировано более 145 тыс. преступлений против половой неприкосновенности, половой свободы личности и 13,4 тыс. преступлений, совершенных против общественной нравственности. Жертвами таких преступлений в 64,8 % случаях становятся представительницы женского пола [1]. Причиной этому является высокая интернет-активность несовершеннолетних, значительное время препровождения (от 4 до 6 часов ежедневно) в смешанной, виртуальной (игровой) реальности, о чем свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного сотрудниками Академией управления МВД России.

Особенности общения в социальных сетях, мессенджерах и в сети Интернет несовершеннолетних позволяет им знакомиться с разными людьми, поддерживать с ними контакты, а порой и активно взаимодействовать в зависимости от их интересов. Несовершеннолетние ищут общения с посторонними людьми, поскольку в цифровой среде они более раскрепощены, чувствуют себя свободными в выражении своих мыслей и идей, максимально быстро и упрощенно осуществляют поиск новых собеседников, знакомятся с различной, порой деструктивной информацией и пр. Они могут в виртуальном пространстве в глобальной сети, социальных сетях и мессенджерах в открытом доступе встретить противоправный насильственный, агрессивный контент, оскорбительные комментарии интернет-пользователей, видеоролики, содержащие сцены насилия, в том числе сексуального, и домогательства, издевательства, травлю как со стороны взрослых, так и со стороны ровесников, что может отрицательно повлиять на несформировавшуюся психику подростка [2].

В виртуальном мире на отдельных сайтах сети Интернет в современном кино и телевидении довольно часто размещается контент, который не соответствует традиционным ценностям и морали. Здесь несовершеннолетние могут соприкоснуться с распространением культа жестокости и насилия, сексуальной распущенности, кон-

тентом, романтизирующим образ жизни преступников, в том числе криминальную субкультуру и т. п. Названный контент оказывает деструктивное влияние на их психическое и психологические развитие и поведение, что порой приводит к неблагоприятным процессам восприятия информации данной категории лиц. Это обусловлено тем, что подростки и малолетние обладают повышенной восприимчивостью негативных действий и информации.

Результаты проведенного анкетирования несовершеннолетних позволили провести анализ проблем в данной области и выявить несколько ключевых аспектов. Например, одной из главных проблем является анонимность в сети Интернет, позволяющая создавать множество аккаунтов, в том числе лжепрофили и идентификацию несовершеннолетних при использовании онлайн-ресурсов [3, с. 112], учитывая рост возрастающих угроз сетевого пространства, включая DarkNet. Исследование показало, что многие несовершеннолетние респонденты предпочитают использовать свои настоящие имена в социальных сетях, исключая вымышленные. Однако есть тенденция к более активному использованию лжепрофилей для детей младших возрастов.

Сказанное обуславливает рост преступлений против нравственности, половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых с использованием цифровых технологий, что требует принятия эффективных мер противодействия им. В этом направлении ведется своевременная и эффективная работа в части правового обеспечения названной деятельности. Так, например, Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает классификацию информационных продуктов по возрастным категориям, определяет требования к обороту информационной продукции и предусматривает специальные опознавательные знаки, закрепляет особенности распространения информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей [4]. На уровне Правительства России утверждена Концепция информационной безопасности детей, в которой определены стратегические цели государственной политики в области информационной безопасности детей, включающие обеспечение гармоничного развития молодого поколения при условии минимизации всех негативных факторов, связанных с формированием гиперинформационного общества в России [5]. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России принят план мероприятий, направленный на обеспечение информационной безопасности детей на 2021–2027 гг. [6]. Следует обратить внимание и на нормы Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которые определяют поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Важная роль отводится воспитанию детей. В указанной Стратегии особое внимание уделяется обеспечению безопасного информационного пространства [7] и др. Одним из приоритетных направлений «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 года» определено развитие современной безопасной инфраструктуры для несовершеннолетних, профилактика совершаемых ими и в отношении них преступлений, формирование безопасной информационной среды для детей и др. [8]. В Концепции информационной безопасности детей в РФ дается оценка современному состоянию информационной безопасности детей, определяются основные принципы этой деятельности и приоритеты государственной политики, а также предусматриваются ме-

ханизмы реализации и мониторинга ее состояния. В ней указано, что «несовершеннолетние являются крайне уязвимой аудиторией с точки зрения информационной безопасности, находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность» [9].

Таким образом, развитие безопасного цифрового поля для детей является приоритетным направлением общества и государства, поскольку обеспечение их информационной безопасности возможно исключительно при условии эффективного сочетания государственных и общественных усилий при определяющей роли семьи.

Защите несовершеннолетних в России посвящено более восьмидесяти законов и подзаконных актов, что свидетельствует о создании правовой основы защиты несовершеннолетних. Однако в современных условиях необходим ее мониторинг в целях исключения существующих в настоящее время пробелов и разночтений, корректировки и приведению к единообразному формулированию и толкованию законодательных предписаний.

Ведется серьезная работа для обеспечения защиты несовершеннолетних в онлайн-среде. Например, для обеспечения безопасности несовершеннолетних, многие образовательные учреждения внедрили системы контентной фильтрации для ограничения доступа к нежелательной информации [10]. В школах дополнительно введена должность советников директоров «по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в целях формирования единой воспитательной среды и вовлечения молодежи в общественно полезную деятельность» [11], создан Реестр несовместимых с задачами образования ресурсов (НСОР) и разработан перечень сайтов, рекомендованных для использования в образовательном процессе (РБОС) [12].

В целях предупредительного воздействия предлагается использовать современные технологии искусственного интеллекта и международный опыт. Предложения включают в себя расширение контроля родителей над активностью детей в сети Интернет, в том числе право на доступ к статистике и информации о деструктивном контенте, а также установку временных ограничений на сетевую активность детей.

Для повышения безопасности предлагается законодательно закрепить право родителей на мониторинг онлайн-активности детей, включая посещение запрещенных сайтов. Параллельно требуется проводить профилактическую работу в школах и дома, усилить родительский контроль, ввести обязательную идентификацию всех участников цифровой среды, оперативно осуществлять блокировку запрещенных сайтов. Эти предложения могут повысить уровень защищенности несовершеннолетних в глобальной сети.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существуют определенные риски, связанные с участием несовершеннолетних в сомнительных действиях в сети Интернет, включая участие в распространении запрещенного контента. Это подчеркивает необходимость современных методов фильтрации и увеличения ответственности интернет-провайдеров за контент, размещенный в цифровой среде.

Необходимы изменения законодательства в целях дальнейшей криминализации любых незаконных проявлений в сфере нравственности, половой неприкосно-

венности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых с использованием цифровых технологий; усиление всех видов ответственности за совершение рассматриваемых преступлений, либо за создание условий для их совершения, либо непринятие мер по устранению причин и условий их совершения, признаков, указывающих на подготовку или совершение данных преступлений.

Важно уделять внимание цифровому образованию общества, разработке теоретически обоснованных учебных программ по обучению родителей, а также ряда категорий граждан работающих с несовершеннолетними о правилах защиты несовершеннолетних от сексуального насилия и эксплуатации и особенностям общения с ними на эту тему. Необходимо повысить уровень взаимодействия различных структур для обеспечения безопасности детей в цифровой среде. Технологии искусственного интеллекта могут сыграть важную роль в данной сфере, их использование должно способствовать предотвращению преступлений и снижению рисков их совершения, а также в обеспечении виктимологической безопасности несовершеннолетних. Примеры аналитических продуктов, использующих искусственный интеллект, демонстрируют возможности в области мониторинга социальных сетей, идентификации преступников, предотвращения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе готовящихся преступлений, совершаемых организованной преступностью, анализа информации, выявления тенденций и создания стратегических прогнозов преступности.

Таким образом, краткий анализ мер предупредительного воздействия имеет потенциал проведения системной работы по защите прав несовершеннолетних и обеспечению их безопасности в цифровой среде. Ключевую роль в предотвращении преступлений и защите детей от вредного воздействия онлайн играют обучение родителей и педагогов правилам защиты несовершеннолетних в сети Интернет, включение в учебные планы изучения дисциплины «Безопасность в сети Интернет», использование искусственного интеллекта для мониторинга и блокировки негативного контента и др. Такие меры способствуют содействию создания безопасной среды для детей в цифровом мире.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Состояние преступности в России январь-декабрь 2016–2024 г. // Статистическая отчетность ФКУ «ГИАЦ МВД России. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 16.02.2024).

2. Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий / Т. В. Пинкевич, К. С. Тарабрина // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 176–177.

3. Нынюк Р. Н. Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 110–199.

4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. // Российская газета. 2011. 9 января.

5. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р // Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: http://government.ru/docs/all/104477/ (дата обращения: 16.02.2024).

6. О плане мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей на 2021–2027 годы: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 1 декабря 2020 г. № 644 // Министерство цифрового развития, связи, и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 16.02.2024).

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р: распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Правила подключения общеобразовательных учреждений к единой системе контентфильтрации доступа к сети Интернет: письмо от 28 сентября 2011 г. № АП-1057/07 Министра образования и науки Российской Федерации. // Гарант: информ.-правовой портал. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 16.02.2024).

11. Перечень поручений Президента РФ от 20.04.2022 по итогам заседания наблюдательного совета автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» // Администрация Президента России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/ orders/68717 (дата обращения: 16.02.2024).

12. О методических рекомендациях: письмо Департамента государственной политики в сфере оценки качества общего образования Министерства просвещения Российской Федерации от 7 июня 2019 г. № 04-474 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/article/1626099/ (дата обращения: 16.02.2024).

© Пинкевич Т. В., 2024

Анастасия Дмитриевна Плюта,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

ВИДЫ ФУНКЦИЙ КРИМИНОЛОГИИ

В условиях современного общества проблема преступности не теряет своей актуальности, становясь при этом все более сложной и многогранной. Преступность наносит урон всем сферам жизнедеятельности человека, ухудшает качество жизни, разрушает традиционные ценности, повышает уровень социального недовольства, напряжения, недоверия граждан по отношению к органам власти и пр., все это обуславливает необходимость применения системного подхода к решению данной проблемы. Именно криминология играет ключевую роль в рамках системы противодействия преступности, так как является научной основой криминологической политики государства. Задачи, поставленные перед криминологией, решаются посредством реализации ее функций, в связи с чем представляет научный интерес рассмотрение их классификации.

Криминология представляет собой теоретико-прикладную науку, поэтому считаем целесообразным первостепенно рассмотреть функции науки, однако необходимо отметить, что существуют различные классификации. Так, П. Е. Суслонов [1, с. 33], В. В. Балахонский, А. Г. Никулин [2, с. 54], А. И. Осипов [3, с. 119–120] одними их основных функций науки выделяют непосредственную производительную силу – разработку и внедрение новых научных технологий в производственные процессы для их оптимизации; мировоззренческую (культурно-мировоззренческую) – формирование научной картины мира; функцию социальной силы (социальной регуляции) – разработку теоретических и методологических основ, имеющих практическую реализацию для управления социальными процессами.

Е. В. Пенионжек, аналогично выделяя социальную функцию науки, также обращает внимание на информационную, гуманистическую и коммуникативную, подчеркивая, что данные функции претерпели трансформации в рамках постнеклассической науки. Например, говоря о социальной функции науки, необходимо отметить, что «ученые все чаще обращаются к пониманию моральной и социальной ответственности» [4, с. 111]. Информационную функцию нельзя ограничивать нацеленностью лишь на распространение знаний, следует говорить об информации с точки зрения влияния, которое она оказывает на различные сферы жизни общества. Гуманистическая функция, отражающая призвание науки приносить пользу обществу посредством решения социальных проблем и улучшения качества жизни людей, в рамках постнеклассической науки характеризуется повышением уровня осознанности ученых за результаты, полученные в ходе исследовательской деятельности. В свою очередь, коммуникативная функция науки, способствующая распространению и обмену научными знаниями и опытом, подчинена этическим требованиям.

Ю. М. Антонян выделяет две основные функции науки: описательную или же феноменологическую, предполагающую описание явлений, и нефеноменологическую, т. е. объяснительную (наиболее сложная функция, однако ее выполнение

отчетливо прослеживается в криминологии), в рамках которой осуществляется объяснение тех или иных явлений, подвергнутых изучению, с изучением их причин [5, с. 36]. Аналогичные функции также выделяет А. М. Новиков, отмечая первостепенную роль описательной функции, в связи с необходимостью науки иметь основу в виде обширного количества накопленного материала [6, с. 14]. Данная точка зрения, на наш взгляд, является справедливой, так как именно в результате реализации рассматриваемых функций появляется возможность для выполнения наукой иных функций.

Таким образом, придерживаясь вышеуказанной позиции относительно основных функций науки, мы отметим, что для криминологии характерны описательная и объяснительная функции.

Описательная функция криминологии состоит в отражении элементов, входящих в предмет данной науки, что возможно посредством сбора эмпирического материала. Реализация рассматриваемой функции позволяет получить сведения о криминогенной обстановке на определенной территории в определенный период времени, а также личности преступника и его жертвы, детерминантах преступности. Данная функция является необходимой и первостепенной для реализации иных функций криминологии, так как она является основой для последующего анализа, объяснения полученной информации, что необходимо для разработки эффективных мер противодействия преступности, что нельзя осуществить без точного, объективного и полного описания.

Объяснительная функции криминологии, являясь «постоянно “работающей” функцией», дает возможность осуществить переход от научного описания преступности к научному анализу [7, с. 34]. В данном случае выявляются характерные особенности изучаемых объектов, причинно-следственные связи, закономерности, присущие преступности того или иного вида либо же в определенных временных и территориальных рамках, ее детерминанты, закономерности формирования личности преступника, выбор жертвы и т. д. Значение данной функции заключается в том, что именно благодаря ее реализации возможно прийти к пониманию механизма функционирования преступности, что чрезвычайно важно для разработки практических мер противодействия преступности. Г. А. Аванесов подчеркивает, что объяснительная функция имеет тесную взаимосвязь с иными функциями криминологии, однако ей отводится основная роль [7, с. 34]. Автор отмечает необходимость осуществления «специального криминологического просвещения населения» в рамках реализации объяснительной функции криминологии, [7, с. 34], т. е. проведение комплексной работы по обучению и разъяснению населению способов самостоятельной защиты от преступных проявлений, порядок взаимодействия с правоохранительными органами в целях защиты от преступных посягательств и т. д.

Как отмечалось ранее, криминология представляет собой теоретико-прикладную науку, перед которой стоит задача определения перспективных и эффективных направлений противодействия преступности, поэтому необходимо отметить, что для криминологии также характерны прогностическая и практически-преобразовательная функции.

Прогностическая функция криминологии заключается в определении возможных тенденций развития преступности, и «именно эффективная реализация прогностической функции является необходимым условием успешного обеспечения криминологической безопасности» [8, с. 236]. А. И. Долгова подчеркивает: «Криминологическое прогнозирование как научное предвидение – это систематическая деятельность» [9, с. 469], которая имеет научно-практический характер. Именно на основе криминологического прогнозирования возможно осуществление деятельности по планированию реализации мер противодействия преступности.

А. И. Алексеев также, выделяя описательную, объяснительную и прогностическую функции криминологии, отмечает, что они «так или иначе подчинены интересам научно обоснованного управления социальными процессами, связанными с предупреждением преступности» [10, с. 7], в связи с чем необходимо отметить, что самостоятельной функцией также выступает практически-преобразовательная, которая состоит в разработке эффективных практических мер противодействия преступности. Именно посредством осуществления практически-преобразовательной функции криминология дает возможность теоретическим знаниям, полученным в ходе криминологических исследований, быть полезными не только для развития науки, но и для общества и государства в целом. Как отмечает А. И. Алексеев: «Криминологические знания только тогда имеют ценность, если они вооружают соответствующих субъектов социальной практики, служат для них ориентиром, руководством к действию» [10, с. 7].

В специальной юридической литературе существует достаточно обширный перечень видов функций криминологии, и, помимо традиционных, которые были перечислены выше, выделяют также: социальную, политическую, интегративную, правообразовательную и иные.

Так, социальная функция криминологии, посредством которой данная наука реализуется как «наука управления криминогенными процессами в обществе» [11] рассматривается В. И. Покладом, который отмечает, что «основная функция криминологии – анализ криминальных явлений и своевременный диагноз для последующей работы по «оздоровлению» социума» [12, с. 36].

Г. Н. Горшенков отмечает политическую функцию криминологии, в которой «проявляется то искусство управления, о котором размышлял еще мудрый Аристотель и из которого «вырастает» соответствующая (я назову ее генеральной отраслью) криминологии – антикриминальная политика» [13, с. 201].

Интегративная функция криминологии состоит в обеспечении полноты и целостности криминологической науки посредством объединения разноотраслевых идей в единую концепцию, «играющую роль общетеоретических основ» [13, с. 188].

Реализация правообразовательной функции криминологии основана на необходимости совершенствования законодательства на основании применения «научного криминологического потенциала в правообразовательном творчестве, т. е. теоретическое и эмпирическое обоснование правообразовательных решений, участие в подготовительной деятельности или создании условий для последующей согласованной правотворческой деятельности в тех направлениях, которые обслуживаются антикриминальными отраслями прав» [14, с. 208].

Относительно выделения указанных выше функций считаем необходимым отметить, что полученные в ходе криминологических исследований теоретические знания и разработанные на их основе практические меры являются основой для формирования криминологической политики государства, направленной на противодействие преступности, что является неотъемлемой составляющей для обеспечения общественной безопасности и развития общества. В связи с этим криминология интегрирует знания из различных наук, например из социологии, психологии и т. д., что позволяет более целостно и всесторонне подходить к рассмотрению предмета данной науки и решать поставленные задачи. Криминология также способна обеспечить правотворческую деятельность с точки зрения теоретических знаний и накопленного эмпирического материала. Однако, на наш взгляд, данные, а также иные функции, выделяемые в специальной литературе, охватываются описательной, объяснительной, прогностической, а также практически-преобразовательной функциями криминологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что классификация функций криминологии достаточно обширная, при этом считаем целесообразным выделить следующие функции криминологии:

1) описательную – отражение на основе сбора эмпирического материала элементов предмета данной науки;

2) объяснительную – выявление и объяснение особенностей изучаемого предмета;

3) прогностическую – изучение возможных тенденций развития преступности;

4) практически-преобразовательную – реализация в практической деятельности теоретические знания путем разработки практических мер противодействия преступности.

Использование традиционной классификации функций криминологии объясняется тем, что реализация вышеперечисленных функций в полном объеме охватывает решение поставленных перед криминологий задач.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. История и философия науки: учеб. / П. Е. Суслонов [и др.]. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2014. URL: http://lib.krdumvd.ru/elib/947 (дата обращения: 10.05.2024).

2. История и философия науки: учеб. пособие / В. В. Балахонский, А. Г. Никулин, В. И. Стрельченко [и др.]. СПб: СПбУ МВД России, 2022. URL: http://lib.krdumvd.ru/elib/12559 (дата обращения: 10.05.2024).

3. Осипов А. И. Философия и методология науки: учеб. пособие Минск: Белорусская наука, 2013. 287 с.

4. История и философия науки: учеб. пособие. Ч. 1 / ред. Е. В. Пенионжек // Труды сотрудников Уральского юридического института МВД России: сб. трудов. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2022. URL: http://lib.krdumvd.ru/elib/12663 (дата обращения: 13.05.2024).

5. Антонян Ю. М. Что такое криминология // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30). С. 33–38.

6. Новиков А. М. Научно-экспериментальная работа в образовательном учреждении: Деловые советы. М.: АПО, 1998. 134 с.

7. Криминология: учеб. / ред. Г. А. Аванесов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с.

8. Игнатов А. Н. Прогностическая и футурологическая функции криминологии и их роль в генезисе уголовного права // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 18–19 мая 2017 г. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 235–244.

9. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

10. Криминология и профилактика преступлений: учеб. / под ред. докт. юрид. наук А. И. Алексеева. М.: МВШМ МВД СССР, 1989. 431 с.

11. Зарубежная и российская криминология сегодня / В. Н. Бурлаков, Я. И. Гилинский, А. Л. Сморгунова, Д. А. Шестаков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 234–240.

12. Поклад В. И. О социальной функции криминологии и о кризисе глобализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 18. С. 36–44.

13. Горшенков Г. Н. Проблемы криминологии: курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2016. 259 с.

14. Иванова А. А. Правообразовательная функция криминологии // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 3А. С. 205–215.

© Плюта А. Д., 2024

Акбар Алишерович Расулев,
доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Узбекистан

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В числе эффективных средств борьбы с преступностью особое значение имеет уголовный закон. Одним из методов, используемых для достижения поставленных перед ним задач, является применение уголовно-правовых санкций к лицам, совершившим общественно опасные деяния. Неукоснительное соблюдение законности и обеспечение надежной защиты законных прав и интересов личности, общества и государства являются ключевыми направлениями современной уголовной политики. Это требует четкого и обоснованного применения законодательства, включая уголовный закон, который служит правовой основой для квалификации преступлений.

Правовая оценка общественно опасного деяния включает в себя сопоставление признаков, характеризующих обстоятельства совершенного деяния, с признаками конкретного состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

В Республике Узбекистан уголовная ответственность за незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ предусмотрена в ст. 273 Уголовного кодекса (УК).

Анализ уголовного законодательства и практики его применения показывает, что при правовой оценке незаконного сбыта указанных веществ и средств существуют определенные проблемы, связанные с законодательной конструкцией данной статьи.

В частности, по смыслу диспозиции ч. 1 данной статьи уголовная ответственность наступает в случаях незаконного изготовления, приобретения, хранения, провоза или пересылки с целью сбыта или сбыта наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в небольших размерах. Статья 56 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности устанавливает административную ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевоз или пересылку наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в малых размерах без цели сбыта.

Анализ приведенных положений уголовного и административного законодательств показывает, что незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевоз или пересылка с целью сбыта или сбыт наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в малых размерах остаются за рамками правового регулирования. Иными словами, за совершение таких деяний не предусмотрена ни административная, ни уголовная ответственность. На практике возникший правовой пробел разрешается на основании положения постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О судебной практике по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, их аналогов и психотропных веществ»

от 28 апреля 2017 г. № 12. Согласно пункту 4 «следует иметь в виду, что за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, их аналогов и психотропных веществ без цели сбыта в малых размерах виновные во всех случаях подлежат административной ответственности (ст. 56 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности). Если указанные действия совершены с целью сбыта, деяние подлежит квалификации по части первой статьи 273 УК» [1].

Однако, на наш взгляд, данное правило квалификации, предложенное высшим судебным органом страны, не имеет под собой правовой основы, поскольку в указанной ситуации возникает коллизия между положениями Уголовного кодекса и постановления Пленума Верховного суда. На основании ч. 3 ст. 18 Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» ЗРУ-682 от 20 апреля 2021 г. «В случае расхождений между нормативно-правовыми актами применяется нормативно-правовой акт, обладающий более высокой юридической силой» [2], т. е. применению подлежат положения Уголовного кодекса.

В связи с изложенным в целях устранения существующего правового пробела и достижения единообразного толкования нормы уголовного законодательства, полагаем целесообразным исключить из диспозиции ч. 1 ст. 273 указание на небольшой размер наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ.

Далее отметим, что ч. 4 ст. 273 УК предусматривает уголовную ответственность за деяния, предусмотренные в ч. 2 и 3 настоящей статьи, совершенные особо опасным рецидивистом (п. «а» ч. 4) и организованной группой или в ее интересах (п. «б» ч. 4). Анализ диспозиции данной части статьи приводит к выводу, что указанные квалифицирующие признаки могут применяться лишь в случаях незаконного изготовления, приобретения, хранения, провоза или пересылки с целью сбыта, а равно сбыта наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в небольших размерах, а также в размерах, превышающих небольшой, совершенные: лицом, ранее совершившим преступление, составляющее незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ; по предварительному сговору группой лиц; в местах отбывания наказания в виде лишения свободы; в учебных заведениях или в других местах, которые используются школьниками, студентами для проведения учебных, спортивных или общественных мероприятий. То есть незаконное изготовление, приобретение, хранение, провоз или пересылка с целью сбыта, а равно сбыт наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в небольших размерах, совершенные лицом, признанным особо опасным рецидивистом либо организованной группой или в ее интересах при отсутствии признаков, предусмотренных в ч. 3 (лицом, ранее совершившим преступление, составляющее незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ (п. «а»); по предварительному сговору группой лиц (п. «б»); в местах отбывания наказания в виде лишения свободы (п. «в»); в учебных заведениях или в других местах, которые используются школьниками, студентами для проведения учебных, спортивных или общественных мероприятий (п. «г»)), должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 273 УК.

Пункт «а» ч. 2 ст. 273 УК предусматривает ответственность за совершение данного деяния лицом, ранее совершившим преступление, составляющее незаконный

оборот наркотических средств или психотропных веществ, т. е. предполагает совершение данного деяния повторно, в совокупности с другими преступлениями, составляющими незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, либо образует опасный рецидив. Получается, что незаконный сбыт и другие действия с наркотическими средствами, их аналогами или психотропными веществами в целях сбыта в небольших размерах, совершенные особо опасным рецидивистом при отсутствии квалифицирующих признаков, названных в ч. 2 рассматриваемой статьи, являются менее общественно опасными, чем сбыт названных средств или веществ в небольших размерах, совершенные повторно или опасным рецидивистом. Это положение противоречит принципу справедливости и нарушает законодательную технику построения уголовно-правовых норм в зависимости от степени общественной опасности деяний.

Распространение в последние годы бесконтактных форм сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов требует принятия неотложных мер. Широкое использование современных компьютерных технологий и телекоммуникационных систем во всех сферах жизни, создание глобальных компьютерных сетей и активное использование киберпространства для распространения наркотиков представляет значительную угрозу. Использование сети Интернет и информационно-телекоммуникационных технологий при совершении данных преступлений позволяет преступникам охватывать практически неограниченную аудиторию, обеспечивает высокую степень оперативности и анонимности. Отсутствие возможности идентификации, осуществления единого контроля, высокая латентность и транснациональный характер этих преступлений свидетельствуют о более высокой степени общественной опасности сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным дополнить ст. 273 УК квалифицирующим признаком, предусматривающим повышенную ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение и другие действия с наркотическими средствами, их аналогами или психотропными веществами с целью сбыта, а равно их сбыт, совершенные с использованием сетей телекоммуникаций, а также всемирной информационной сети Интернет.

Часть 5 анализируемой статьи предусматривает ответственность за незаконную продажу наркотических средств или психотропных веществ. Мы согласны с тем, что продажа наркотических средств или психотропных веществ представляет значительную – по сравнению с другими формами сбыта – общественную опасность, и, несомненно, эта форма сбыта должна влиять на определение тяжести наказания. Однако ее наличие в диспозиции ч. 5 ст. 273 УК порождает серьезные трудности в правоприменительной практике. Например, при рассмотрении случаев других (кроме продажи) форм незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ (дарение, передача в счет уплаты долга и т. п.) в крупных размерах. Здесь справедливо возникает вопрос: чем необходимо руководствоваться при правовой оценке такой ситуации – количеством или формой сбыта? Нынешняя редакция статьи, указывает, что такие ситуации могут квалифицироваться только по ч. 2 (даже не ч. 3) ст. 273 УК. В этой связи, акцентируя внимание на том, что продажа является

одной из форм сбыта и предлагаемые нами изменения обеспечат единообразное толкование и применение данной нормы, будут способствовать достижению принципа справедливости наказания, полагаем целесообразным в ч. 5 ст. 273 УК слова «Незаконная продажа», заменить словами «Незаконный сбыт».

Действующая редакция ст. 273 Уголовного кодекса включает два самостоятельных состава преступления: 1) незаконное изготовление, приобретение, хранение, провоз или пересылка с целью сбыта, а также сбыт наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ; 2) организация или содержание притонов для потребления или распространения этих средств. Такая редакция, на наш взгляд, нарушает принципы законодательной техники, поскольку каждая статья нормативно-правового акта должна характеризоваться внутренним единством, иметь целостный характер и выражать законченный смысл. Объединение в одной статье норм, непосредственно не связанных друг с другом, представляет собой искусственное сокращение количества норм нормативного акта. Формирование отдельной нормы должно основываться на взаимообусловленности и взаимосвязи ее положений, определяющих основной признак ее структурного единства.

Если две или более нормы взаимосвязаны, дополняют друг друга и только совместно могут ответить на конкретный правовой вопрос, то для удобства использования их можно поместить в одну статью. Объединение нескольких норм в одной статье целесообразно при условии, что они логически связаны, определяют друг друга и следуют от общего к частному [3, с. 79].

В данном случае редакция ст. 273 Уголовного кодекса объединяет нормы, которые не являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Незаконное изготовление, приобретение, хранение, провоз или пересылка с целью сбыта, а также сбыт наркотических средств и организация или содержание притонов для потребления или распространения этих средств представляют собой различные виды противоправной деятельности, требующие самостоятельного правового регулирования. Объединение этих норм в одной статье нарушает принципы законодательной техники, поскольку не обеспечивает внутреннего единства и целостности, что затрудняет правоприменение и восприятие норм. Устранение данного нарушения законодательной техники обусловливает необходимость установления ответственности за организацию или содержание притонов для потребления или распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в самостоятельной статье Уголовного кодекса.

Анализ показал, что в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран (Корея, Турция, Россия, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, Казахстан) ответственность за организацию или содержание притонов для потребления или распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена в самостоятельных статьях.

Учитывая результаты проведенного в рамках данной научной статьи анализа теоретических и практических аспектов уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, предлагаем ст. 273 УК Республики Узбекистан изложить в следующей редакции:

Статья 273. Незаконное изготовление, приобретение, хранение и другие действия с наркотическими средствами, их аналогами или психотропными веществами с целью сбыта, а равно их сбыт

Незаконное изготовление, приобретение, хранение, провоз или пересылка с целью сбыта, а равно сбыт наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ –

наказываются ограничением свободы от трех до пяти лет или лишением свободы от трех до пяти лет.

Те же деяния, совершенные в размерах, превышающих небольшой, –

наказываются лишением свободы от пяти до семи лет.

Те же деяния, совершенные:

а) лицом, ранее совершившим преступление, составляющее незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ;

б) по предварительному сговору группой лиц;

в) в местах отбывания наказания в виде лишения свободы;

г) в учебных заведениях или в других местах, которые используются школьниками, студентами для проведения учебных, спортивных или общественных мероприятий, –

наказываются лишением свободы от семи до десяти лет.

Незаконное изготовление или переработка наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в лабораториях или с использованием средств и оборудования, являющихся чужой собственностью, либо с использованием прекурсоров, а равно деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) особо опасным рецидивистом;

б) организованной группой или в ее интересах, –

наказываются лишением свободы от десяти до пятнадцати лет.

Незаконный сбыт наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ в крупных размерах, –

наказывается лишением свободы от десяти до двадцати лет.

Лицо, совершившее деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, освобождается от наказания, если оно добровольно явилось с повинной в органы власти и сдало наркотические средства, их аналоги или психотропные вещества.

Надеемся, что сформулированные предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства об ответственности за незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ будут способствовать повышению эффективности правоприменительной практики, обеспечению правовой определенности и укреплению мер по борьбе с преступлениями, составляющими незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О судебной практике по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, их аналогов и психотропных веществ: постановление пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 12 от 28 апреля 2017 г. // LexUZ on-line. URL: https://lex.uz/docs/3203272 (дата обращения: 17.05.2024);

2. О нормативно-правовых актах: закон Республики Узбекистан ЗРУ-682 от 20 апреля 2021 г. // LexUZ on-line. URL: https://lex.uz/docs/5378968 (дата обращения: 17.05.2024).

3. Нажимов М. К., Сайдуллаев Ш. А. Қонунчилик техникаси. Ўқув қўлланма. Т.: ТДЮИ, 2008. С. 79.

© Расулев А. А., 2024

***Калиолла Кабаевич Сейтенов*,**
первый проректор Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

Одной из актуальных проблем современного Казахстана является организация противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений. Имеют место многочисленные факты насилия в семьях (особенно в отношении детей и женщин), которые чаще всего связаны с бытовой неустроенностью, происходят на фоне финансовых затруднений либо других причин. При этом проблема домашнего насилия характерна не только для Республики Казахстан, но и для многих других стран.

Так, согласно данным ООН, каждая третья женщина в мире хотя бы раз в жизни подвергалась физическому или сексуальному насилию, причем чаще всего – со стороны близкого человека. В ООН подчеркивают, что подобные действия в отношении женщин являются сегодня одним из наиболее распространенных нарушений прав человека. Причем это происходит не только в развивающихся, но и в развитых странах [1].

В сообщении главы Управления ООН по наркотикам и преступности Г. Ф. Вали также отмечается, что каждые 11 минут от рук членов семьи в мире погибает одна женщина или девушка [2].

Изучению современных проблем профилактики и противодействия семейно-бытовому насилию посвящено научно-практическое исследование «Криминализация/декриминализация форм семейно-бытового насилия: побоев, умышленного причинения легкого вреда здоровью», проведенное авторским коллективом Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан в 2021 г.

В рамках проведенного научного исследования авторы дали оценку современного состояния законодательства об ответственности за семейно-бытовое насилие, провели анализ законодательства об административной и уголовной ответственности за такие формы семейного насилия, как совершение побоев и умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Основным вопросом, которым задавались авторы данного исследования, являлась необходимость криминализации отдельных административных правонарушений, в особенности умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, с переводом их в категорию уголовно-наказуемых деяний.

Исследование показало, что имеет место достаточно серьезная дискуссия среди ученых – сторонников и противников криминализации рассматриваемых составов уголовных правонарушений.

Безусловно, степень общественной опасности, представляемой правонарушениями, совершаемыми в сфере семейно-бытовых отношений, очень высока.

Прежде всего нарушаются конституционные принципы, согласно которым высшей ценностью государства являются человек, его жизнь, права и свободы. Насилие в сфере семейно-бытовых отношений С. М. Рахметов характеризует как «физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией Республики Казахстан право на личную неприкосновенность» [3, с. 130]. В этой связи посягательства в отношении жертв такого насилия должны получать адекватную оценку и преследоваться по всей строгости закона.

Насилие в семье, совершаемое единовременно или, что еще опаснее, на систематической основе, способно разрушить взаимоотношения между родственниками, семейные отношения, что, в свою очередь, влечет за собой постоянное чувство страха у пострадавших от такого насилия. На наш взгляд, опасность такого насилия заключается в нанесении непоправимого вреда как психологическому состоянию женщин и детей, подвергающихся насилию в семье, так и институту семьи в целом.

Проблема насилия в семье является для Казахстана актуальной. Главой нашего государства Касым-Жомартом Токаевым в Послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» отмечается, что «нельзя закрывать глаза на многочисленные случаи семейно-бытового насилия. Безнаказанность дебоширов развязывает им руки, фактически оставляет их жертв беззащитными. Считаю, что пришло время ужесточить ответственность за подобные деяния. Нельзя, чтобы пострадавшие от семейно-бытового насилия боялись осуждения общества или давления с чьей-либо стороны» [4].

В целях реализации указанного положения в Республике Казахстан принят ряд нормативных правовых актов, направленных на ужесточение административной и уголовной ответственности лиц, совершающих насилие в семейно-бытовой сфере.

1. Совершение деяния в сфере семейно-бытовых отношений в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, законодателем признано в качестве квалифицирующего признака в ряде составов уголовных деяний. Так, Законом Республики Казахстан от 17 марта 2023 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения» внесены соответствующие дополнения в следующие статьи Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК, УК):

– п. 3) ч. 2 ст. 106 УК РК (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью)

– п. 3) ч. 2 ст. 107 УК РК (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) [5].

2. Законом Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» (далее – КРКоАП) в КРКоАП внесены изменения и дополнения по ужесточению административной ответственности за семейно-бытовое насилие.

Так, изменения коснулись сроков административного ареста, назначаемого за совершение следующих видов правонарушений:

– за умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенное впервые – пятнадцать суток (ранее – до пятнадцати суток), в случае повторного совершения правонарушения срок ареста увеличен с двадцати до двадцати пяти суток;

– за совершение побоев впервые – десять суток (ранее – до десяти суток), в случае повторного совершения рассматриваемого состава срок ареста увеличен с пятнадцати до двадцати суток [6].

Конкретизация сроков административного ареста и его увеличение в случае повторного совершения деяния, по мнению законодателя, способствует снижению количества фактов насилия в семье.

3. После долгих дискуссий и обсуждений принят Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 г. [7], которым внесен ряд существенных изменений и дополнений в регламентирующие ответственность за совершение насилия в сфере семейно-бытовых отношений нормативные правовые акты по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей. Указанным законом в УК РК вносятся следующие изменения:

– «запрет на назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено в особенной части кодекса, при совершении лицами преступлений, связанных с насилием в отношении несовершеннолетних;

– исключается примирение сторон по преступлениям, связанным с насилием в отношении несовершеннолетних, а также в случаях совершения повторно через год после примирения уголовных правонарушений, предусмотренных ст. 108-1 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») и 109-1 («Побои») кодекса;

– за деяния, направленные на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, средней тяжести вреда здоровью, исключается альтернативное наказание в виде ограничения свободы и устанавливается наказание в виде лишения свободы;

– устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы за убийство малолетнего лица (ст. 99 УК), совершение изнасилования в отношении малолетнего (ст. 120 УК) и за насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего (ст. 121 УК) путем исключения других альтернативных мер наказания, предусмотренных в действующих нормах УК;

– вводится ответственность за приставание сексуального характера к лицам, не достигшим 16-летнего возраста;

– устанавливается наказание за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства;

– вводится новая статья, устанавливающая особые требования к поведению лица, совершившего уголовное правонарушение, применяемые судом;

– уголовная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои путем их перенесения из КоАП в УК» [8].

Принимаемые нормативные правовые акты, на наш взгляд, способствуют формированию правового сознания граждан, способных противостоять насилию в семье, принимать адекватные и справедливые правовые решения, направленные на защиту интересов жертв бытового насилия.

Сейчас в Казахстане идет трансляция в открытых источниках судебного процесса в отношении экс-министра национальной экономики Бишимбаева, обвиняемого в совершении в отношении своей гражданской жены убийства на фоне семейно-бытового конфликта.

В одном из крупнейших международных агентств информации и новостей США Associated Press подчеркнули, что суд над К. Бишимбаевым «задел за живое» весь Казахстан. Как отметили авторы статьи, казахстанцы следят за судебным процессом К. Бишимбаева с большим интересом.

В другом авторитетном американском издании Washington Post отметили, что «судебный процесс над К. Бишимбаевым продолжает вызывать споры. По мере того как приближаются заключительные аргументы, в Казахстане разгораются споры о системе правосудия и правах женщин. Многие считают, что этот судебный процесс уже навсегда изменил страну».

На новостном телевизионном канале США NBC News рассказали о страшные подробности истязаний С. Нукеновой, упомянув о том, что в Казахстане был принят законопроект, ужесточающий наказание за насилие в семье. Автор статьи отметил, что в честь данного громкого дела законопроект был назван «Законом Салтанат».

В британском интернет-издании The Independent напомнили об исследовании, проведенном в 2018 г. при поддержке агентства ООН по вопросам гендерного равенства. Согласно его результатам ежегодно в Казахстане от домашнего насилия погибает около 400 женщин, и это без учета многих случаев насилия, о которых не сообщается.

В турецком издании Haberler излагают обстоятельства дела К. Бишимбаева и описывают жестокое избиение его жены, подробности которого стали достоянием общественности на судебных заседаниях.

Международный новостной онлайн-журнал The Diplomat пишет, что прямая трансляция судебного процесса по делу об убийстве акцентирует внимание на проблеме домашнего насилия в Казахстане [9].

Открытое проведение данного судебного процесса является яркой демонстрацией принципов законности, прозрачности и гласности, что позволяет говорить об обеспечении возможности общественного контроля в Казахстане. Так, в кратчайшие сроки организованы необходимая материально-техническая база для трансляции, беспрепятственный доступ представителей СМИ в зал судебного заседания. С 27 марта текущего года по девяти заседаниям суда проведено 17 прямых трансляций. В целом ретрансляция прямого вещания и участие представителей СМИ никак не ограничивались.

В данном контексте следует отметить, что открытую трансляцию судебного процесса над К. Бишимбаевым люди в Казахстане и других странах смотрят с большим интересом.

По данным Верховного Суда Республики Казахстан, «география охвата трансляции расширяется. Наши эфиры смотрят жители таких стран, как США, Германия, Великобритания, ОАЭ, Турция, Южная Корея, Россия, Грузия, Молдова, Беларусь, Украина, Узбекистан, Кыргызстан и др. В Верховный Суд поступают предложения от зарубежных СМИ о ретрансляции данного судебного заседания в своих странах.

В настоящее время данный вопрос рассматривается. Зафиксирован рекордный показатель единовременных подключений к эфиру, равный 250 тыс. 58 % аудитории составляют зрители в возрасте от 25 до 44 лет. Кроме того, согласно данным анализа, 75 % аудитории – женщины». Верховный Суд, учитывая повышенный общественный интерес к судебному разбирательству в отношении Бишимбаева, принял решение об организации онлайн-трансляции открытых судебных заседаний по данному делу. На аккаунтах Верховного суда в YouTube данный судебный процесс суммарно собрал 1,5 млн просмотров [10].

Другими словами, данный процесс показывает, насколько тема бытового насилия является актуальной, требующей незамедлительного решения, реагирования со стороны государственных органов и общественности.

Тема бытового насилия замалчивалась долгое время, без внимания оставались многие покалеченные судьбы женщин и детей. Суд над Бишимбаевым указал на проблемные аспекты противодействия правонарушениям такой категории. Как отмечает С. Жорин, «такой беспрецедентный онлайн-формат судебного процесса однозначно изменит отношение к проблемам семейно-бытового насилия во всех странах СНГ – за этим все следят. Эта проблема перестанет быть второго или третьего порядка, ее нужно решать. То, что происходит, – это история. Она притягивает интерес других стран, поскольку это везде актуально. Данная трагическая история однозначно изменит много. В дальнейшем она будет изучаться и обсуждаться, в том числе и в учебных заведениях» [11].

Таким образом, проблема бытового насилия в семье в современных условиях остается весьма важной. Выражаем надежду, что меры, принимаемые в Республике Казахстан, в том числе в рамках совершенствования и реформирования уголовного законодательства, будут способствовать снижению уровня насилия в сфере семейно-бытовых отношений.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Думанкызы З. Каждая 3-я женщина в мире хотя бы раз в жизни подвергалась физическому или сексуальному насилию // 24KZ: [сайт]. URL: https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/626866-oon-kazhdaya-3-ya-zhenshchina-v-ire-khotya-by-raz-v-zhizni-podvergalas-fizicheskomu-ili-seksualnomu-nasiliyu (дата обращения: 30.04.2024).

2. Каждые 11 минут от рук членов семьи в мире погибает одна женщина или девушка // Информационное агентство «Анадолу». URL: https://www.aa.com.tr/ru/ (дата обращения: 30.04.2024).

3. Рахметов С. М. Проблемы совершенствования законодательства республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 5 (63). С. 127–134.

4. Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2 (дата обращения: 25.04.2024).

5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения: закон Республики Казахстан от 17 марта 2023 г. № 212-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000212#z41 (дата обращения: 26.04.2024).

6. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: закон Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 227-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000227#z14 (дата обращения: 26.04.2024).

7. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072 (дата обращения: 29.04.2024).

8. Токаев подписал закон о бытовом насилии // Tengri news: [сайт]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-podpisal-zakon-o-byitovom-nasilii-532317/ (дата обращения: 29.04.2024).

9. Суд над Бишимбаевым вызвал широкий общественный резонанс // Tengri news: [сайт]. URL: https://tengrinews.kz/world_news/navsegda-izmenil-stranu-pishut-mirovyie-smi-sud-533566/ (дата обращения: 25.04.2024).

10. Кто и в каких странах следят за процессом над Бишимбаевым // МИА «Каз-ТАГ»: [сайт]. URL: https://kaztag.kz/ru/news/ot-yuzhnoy-korei-do-ssha-kto-i-v-kakikh-stranakh-sledit-za-protsessom-po-delu-bishimbaeva (дата обращения: 29.04.2024).

11. Известный российский адвокат: Дело Бишимбаева войдет в учебники // Tengri news: [сайт]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/izvestnyiy-rossiyskiy-advokat-delo-bishimbaeva-voydet-533102/// (дата обращения: 29.04.2024).

© Сейтенов К. К., 2024

Олег Валентинович Стрилец,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Принципы уголовно-исполнительного права – это основополагающие начала, на которых строится вся система исполнения наказаний в Российской Федерации. Они отражают фундаментальные идеи уголовно-исполнительного права и служат ориентиром для законодательной и правоприменительной практики.

Принципы уголовно-исполнительного права являются не только теоретическим фундаментом, но и практическим ориентиром для всех субъектов, участвующих в процессе исполнения наказаний. Учреждения уголовно-исполнительной системы, суды, правоохранительные органы должны руководствоваться этими принципами в своей деятельности. Законодательная власть при разработке и принятии новых норм уголовно-исполнительного права также обязана учитывать данные принципы, чтобы обеспечить их соблюдение на всех этапах и уровнях исполнения наказаний.

Кроме того принципы уголовно-исполнительного права играют ключевую роль в повышении эффективности исправительного воздействия на осужденных. Стремление к гуманному и справедливому обращению с осужденными, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний позволяют органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы создавать условия для ресоциализации, снижать вероятность рецидива преступления. В результате общество получает не только лучшее обеспечение прав граждан и осужденных, но и снижение уровня преступности в целом.

Принятие в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса РФ явилось основой развития новой отрасли права. В данном нормативном акте впервые на законодательном уровне была закреплена система принципов уголовно-исполнительного права. В соответствии со ст. 8 кодекса в нее вошли следующие принципы: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием.

В теории права систему уголовно-правовых принципов подразделяют на различные группы. Так, Н. И. Загородников выделял общие и специальные принципы права [1].

Г. А. Кригер писал об общих принципах, определяющих «направления и основные черты организации правового регулирования всей системы социалистического права», и о межотраслевых и отраслевых (специальных) принципах, отражающих

«специфику и конкретизирующих организацию правового регулирования в нескольких смежных отраслях и в каждой отдельной отрасли права» [2, с. 106].

С. С. Алексеев обосновывал наличие четырех групп принципов права: общие, межотраслевые, отраслевые и принципы правовых институтов [3, с. 152–153].

Принципам уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права в прошлом веке не уделялось должного внимания, что обусловлено реалиями времени. Вместе с тем Б. С. Утевский рассматривал принципы исправительно-трудовой политики государства [4]. Н. А. Стручков предлагал анализировать не принципы исправительно-трудового права, а принципы деятельности исправительно-трудовых учреждений и иных органов в системе исполнения наказания [5, с. 49].

В 1970 г. И. А. Сперанский одним из первых на научном уровне сформировал систему принципов исправительно-трудового права с делением ее на три группы: общеправовые, межотраслевые и специфические принципы [6].

В современной правовой доктрине система принципов уголовно-исполнительного права в основном подразделяется на три группы: общеправовые, межотраслевые и отраслевые [7, с. 21; 8, с. 15; 9, с. 7]. С учетом законодательной регламентации принципов уголовно-исполнительного права классификацию системы данной отрасли можно представить следующим образом:

– общеправовые: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом;

– межотраслевые: дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний;

– отраслевые: рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием.

Не вдаваясь в полемику о систематизации принципов уголовно-исполнительного права, мы остановимся на рассмотрении вопроса реализации отраслевых принципов и их значения для самостоятельной отрасли права.

Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения находит свое проявление в сочетании мер поощрения и принуждения осужденных. Подобный подход к организации исполнения и отбывания наказаний осужденными находит свое отражение и в принципе соединения наказания с исправительным воздействием. Реализация кары за совершенное преступление предполагает достижение целей наказания виновного, важнейшей из которых является исправление осужденного. Поэтому и организация исполнения назначенного осужденному наказания должна быть соединена с воспитательным воздействием на него, направленным на его исправление. Следовательно, сочетание мер принуждения и убеждения является неотъемлемой частью процесса исполнения уголовного наказания.

Основным направлением в решении проблем реализации отраслевых принципов уголовно-исполнительного права является развитие института ресоциализации осужденных. Ресоциализация подразумевает комплекс мер, направленных на восстановление социальных связей осужденного и его интеграцию в общественную жизнь после освобождения. Практическое внедрение программ профессиональной подготовки, обучения, психологической помощи и социальной поддержки может спо-

собствовать успешной ресоциализации и снижению вероятности повторного совершения преступлений. Важно обеспечить межведомственное взаимодействие различных государственных органов и общественных организаций для создания эффективной системы ресоциализации.

Одним из стратегических направлений является внедрение цифровых технологий и инноваций в уголовно-исполнительную систему. Современные информационные технологии могут значительно повысить эффективность управления органами и учреждениями, исполняющими наказание, улучшить контроль над соблюдением прав осужденных, а также обеспечить более рациональное использование средств исправления. Разработка и внедрение электронных систем мониторинга, дистанционного обучения и иных цифровых решений должны стать приоритетными в модернизации уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем встает вопрос: возможно ли самостоятельное, без всей системы принципов уголовно-исполнительного права, существование представленных выше отраслевых принципов.

Г. А. Кригер писал, что «общеправовые, межотраслевые и специальные принципы, выступая как система и соотносясь как общее и особенное, взаимно дополняют друг друга и конкретизируют заложенные в них идеи, причем все они выступают в единстве. Только в таком случае эти принципы могут максимально способствовать развитию регулируемых ими социалистических общественных отношений» [2, с. 106]. Развивая данную мысль, В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина пишут: «Представляются малоплодотворными усилия выделить отраслевые принципы, т. е. уголовно-правовые принципы в «чистом» виде. Общие, межотраслевые и отраслевые принципы соотносятся между собой как диалектические категории общего, особенного и единичного» [10, с. 62].

Обращая внимание на сложность вопроса о роли отраслевых принципов в системе принципов права, отметим, что рассматриваемые принципы – это аморфная категория, теоретически обоснованная для определенной отрасли права. Однако данное обстоятельство отнюдь не предполагает механическое отрицание значения отраслевых принципов для принципов правосознания. В то же время они специфичны в связи с особенностями предмета и метода правового регулирования. Систему принципов отдельной отрасли права необходимо рассматривать комплексно: принципы уголовно-исполнительного права – это принципы правосознания применительно к предмету уголовно-исполнительного права, иными словами, к исполнению наказаний.

Принципы уголовно-исполнительного права являются краеугольным камнем всей системы исполнения наказаний в Российской Федерации. Они определяют как теоретические подходы, так и практическую деятельность всех субъектов, участвующих в этом процессе. Только при строгом соблюдении этих принципов можно достичь целей уголовного наказания, обеспечить социальную справедливость и законность, а также создать условия для эффективного исправления и ресоциализации осужденных.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Загородников Н. И. Принципы советского социалистического права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 65–74.

2. Кригер Г. А. Место принципов уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 102–107.

3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. 265 с.

4. Утевский Б. С. Основные принципы советской исправительно-трудовой политики и этапы их развития. М.: Сов. законодательство, 1934. 36 с.

5. Стручков Н. А. Советское исправительно-трудовое право. М.: НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1963. 224 с.

6. Сперанский И. А. Принципы советского исправительно-трудового права и их закрепление в основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Сперанский Игорь Андреевич. М., 1970. 31 с.

7. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Трунова. М.: Эксмо: Ekcmo Education, 2005. 764 с.

8. Уголовно-исполнительное право / под ред. В. И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2009. 351 с.

9. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право. М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2010. 347 с.

10. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М.: Наука, 1987. 276 с.

© Стрилец О. В., 2024

Наталия Сергеевна Сысолина,
старший преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЫ

Преступность как социальное явление взаимосвязана с различными общественными отношениями, обусловленными постоянным развитием порождающей их среды, подразумевающей совокупность природных и социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность людей [1, с. 431]. Следовательно, в структуру среды помимо природной составляющей входит социальный компонент, определяющий реализацию человека как члена общества и влияющий на его поведение.

В науке наиболее опасным видом негативной девиации, опасной для общества, признается преступление [2, с. 77; 3, с. 15]. Совокупность всех преступлений, совершаемых на конкретной территории в определенный период, образует социальное негативное явление преступности со своими закономерностями и тенденциями развития, обусловленными спецификой его детерминантов. Таким образом, преступность – один из результатов взаимодействия людей в социальной среде. В связи с этим выделим условно из социальной среды ту ее часть, которая включает благоприятные условия самовоспроизводства преступности и которую принято называть преступной (криминальной) средой.

Подходы к пониманию сущности преступной среды в науке разнятся.

Например, Б. П. Михайлов, А. В. Воронцов и И. А. Завьялов понимают под ней «исторически сложившуюся, относительно устойчивую часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности и антиобщественного поведения, активно противостоящую мерам противодействия преступности» [4, с. 187]. Практически также определяет преступную среду А. Е. Шалагин [5, с. 136]. К преимуществам этого подхода относится расширение видов поведения субъектов, связанных с преступной средой: оно не ограничивается лишь нарушением уголовного закона и может быть в целом асоциальным, усиливающим действие криминогенных факторов преступности. Однако полагаем, что доходы от криминального и асоциального видов поведения, хотя и способствуют воспроизводству преступной деятельности, не могут являться единственным источником существования криминальной среды. Преступная среда определяется не только извлекаемыми из преступной деятельности и антиобщественного поведения доходами, но и совокупностью иных криминогенных детерминантов.

На один из таких факторов обращает внимание В. И. Горкин. По его мнению, преступная среда, как и сама преступность, рассматривается в качестве социального уголовно-правового явления, которое образуется «из определенной совокупности лиц, занимающихся криминальной деятельностью, большинство из которых ранее судимые и являющиеся носителями криминальной субкультуры, имеющие цель со-

вершение умышленных преступлений и уклонение от ответственности» [6, с. 7]. В полной мере указанная дефиниция представляется несовершенной, поскольку криминальная среда как часть социальной среды не может включать только лиц, осуществляющих преступную деятельность. Подобный подход нарушает этимологию исходного термина «среда», а значит, существенно сужает понимание преступной среды. Спорно также утверждение о цели деятельности указанных лиц – уклонении от ответственности. В таком случае из состава лиц, связанных с преступной средой, следовало бы исключить написавших заявление о явке с повинной и сотрудничающих с органами предварительного расследования, что представляется неверным. Вместе с тем согласимся, что одним из важнейших компонентов рассматриваемой категории является особый субъектный состав.

На субъектную составляющую также обращают внимание А. С. Овчинский, А. В. Шмонин, Б. А. Торопов и Ф. П. Васильев, рассматривая криминальную среду как часть общества, включающую преступников, их группы и формирования, личности и даже целые слои населения, склонные к противоправной деятельности и асоциальному поведению [7]. Среди признаков преступной среды авторы называют наличие ресурсов для ее существования, самовоспроизводства, развития и адаптации к изменяющимся внешним условиям, а также криминальную субкультуру. Вместе с тем иные составляющие преступной среды, помимо криминально настроенной части общества, указанный подход не отражает.

Таким образом, в науке преступную (криминальную) среду рассматривают как часть социальной среды, как уголовно-правовое явление либо как криминально настроенную часть общества, а ее признаваемыми большинством авторов характеристиками выступают социальный характер и осуществление ее членами преступной деятельности либо наличие антиобщественного поведения.

Обратимся к существующим подходам, описывающим структурные элементы преступной среды.

Б. П. Михайлов, А. В. Воронцов и И. А. Завьялов полагают, что криминальная среда включает в себя три основных компонента:

– асоциальную жизненную среду, включающую причины и условия ее существования и развития, а также физические объекты, пораженные преступностью – места лишения свободы, притоны;

– асоциальный организм (криминальную общину);

– криминальную субкультуру [4, с. 187].

А. Е. Шалагин относит к элементам криминальной среды совокупность лиц с ассоциальным (преступным) прошлым и настоящим, материальные и нематериальные ресурсы, обеспечивающие ее устойчивость и развитие, а также криминальную субкультуру [5, с. 136].

Согласимся с включением указанных автором элементов в состав преступной среды комплекса факторов и условий ее существования, а также особого субъектного состава, поскольку данные элементы соответствуют логике содержания системы более высокого порядка – социальной среды. Вместе с тем поставить в один ряд с указанными составляющими физические объекты, пораженные преступностью, а акже криминальную субкультуру не представляется логически обоснованным. Так,

пораженными преступностью как продуктом человеческого взаимодействия могут быть только люди и характер их взаимодействия. А криминальная субкультура, по нашему мнению, является лишь одним из результатов такого взаимодействия, возникающего у некоторых субъектов преступной среды в отношениях друг с другом и с остальными ее компонентами. И поскольку приверженцами такой субкультуры являются не все лица, связанные с преступной деятельностью, то обозначать в дефиниции системы преступной среды данный результат как единственный или обязательный представляется преждевременным. Полагаем, что главным результатом взаимодействия людей в преступной среде является социальное негативное явление преступности.

По нашему мнению, минимально необходимыми компонентами, составляющими содержание системы преступной среды, являются следующие:

а) факторы, условия, процессы, влияющие на деятельность некой части общества, связанную с совершением преступлений;

б) субъекты преступной среды, обеспечивающие существование и развитие преступности (члены преступной среды);

в) взаимосвязи субъектов преступной среды, вовлеченных в общественные отношения в сфере нарушения уголовного закона, и факторов, условий, процессов, которые окружают указанных субъектов на макро- и микроуровнях;

г) устойчивые результаты указанных взаимосвязей, приобретающие характер социальных явлений, главным из которых является преступность.

Таким образом, под преступной средой следует понимать одну из составляющих социальной среды, детерминирующую преступное поведение некоторых членов общества, результатами взаимодействия которых являются преступность и связанные с ней иные социальные явления. Уяснение сущности криминальной среды и ее составляющих необходимо для понимания направлений, определяющих построение системы мер противодействия преступности – главного результата ее существования.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Человек и общество: словарь-справочник (философия) / И. Д. Коротец [и др.]. Ростов на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.

2. Менделевия В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.

3. Родимушкина О. В. Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых лицами с девиантным поведением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Родимушкина Ольга Владимировна. М., 2011. 27 с.

4. Михайлов Б. П., Воронцов А. В., Завьялов И. А. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 186–190.

5. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (2). С. 136–141.

6. Горкин В. И. Рецидивная преступность и криминальная среда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Горкин Владимир Иванович. Саратов, 2007. 26 с.

7. Криминальная среда цифрового мира как угроза кибербезопасности / Овчинский А. С., Шмонин А. В., Торопов Б. А., Васильев Ф. П. // Вопросы безопасности. 2019. № 5. С. 9–15.

© Сысолина Н. С., 2024

Кристина Сергеевна Тарабрина,
адъюнкт 3 факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров,
кафедра уголовной политики
Академии управления МВД России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Мир стремительно развивается. Внедрение цифровых технологий в жизнедеятельность общества сделало сеть Интернет неотъемлемой составляющей повседневной деятельности человека. Сейчас интернет-пространство – основной источник получения полезной информации. Однако несмотря на огромное количество преимуществ глобальная сеть – открытая и свободная зона, которая не подчиняется законам одной страны. Широкое распространение информационно-телекоммуникационных технологий и основанных на них сетей создало новую среду для развития преступности. Криминальные элементы, используя цифровую среду, предпринимают попытки нанести вред личности, обществу и государству.

В цифровом пространстве происходит активное размещение материалов террористических и экстремистских организаций, подстрекающих к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности и участию в незаконных публичных собраниях. Названный контент пропагандирует самоубийства, криминальный образ жизни и употребление наркотиков. Противоправная информация свободно распространяется в Интернете.

Несовершеннолетние наиболее подвержены подобным деструктивным воздействиям [1, с. 175]. По данным АНО «Белый Интернет», «50 % детей хотя бы раз сталкивались с травлей в Интернете, а 30 % подвергались ему два и более раз» [2]. Психовозрастные особенности подрастающего поколения (появление чувства «взрослости», отсутствие достаточного жизненного опыта и знаний, чрезмерная доверчивость, поиск себя и испытание своих возможностей, склонность к подчинению авторитету взрослого, внимание к собственной личности, интенсивное половое созревание и развитие, а также неспособность оценить сложившуюся ситуацию и спрогнозировать возможные последствия насильственного преступления сексуального характера) повышают для несовершеннолетних риск стать жертвой сексуального насилия в виртуальном пространстве.

Бесконтрольный доступ подрастающего поколения к сети Интернет дает преступникам возможность для совершения противоправной деятельности в отношении несовершеннолетних, а также для вовлечения в эту деятельность наиболее незащищенных слоев населения.

Криминогенная ситуация осложняется применением преступными элементами современных цифровых технологий. Появляются новые формы посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних. Исполь-

зуя социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные интернет-ресурсы, позволяющие скрыть личность пользователя, опираясь на знание детской психологии, криминальные лица могут совершать общественно опасные деяния в отношении несовершеннолетних. Интернет становится средством для вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией, создание и распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних и пр.

Особую тревогу вызывает сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних. С развитием цифровых технологий сексуальное насилие приобретает новые формы: секстинг, сексторция, кибергруминг, теледилдоника, трансляция сексуального насилия в режиме реального времени.

В современных реалиях обеспечение конституционных гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, формирование системы превентивных мер, направленных на недопущение преступных посягательств в отношении несовершеннолетних, являются ключевыми задачами российского государства. Выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры Российской Федерации, В. В. Путин, Президент Российской Федерации, отметил необходимость основательного повышения уровня защищенности детей и подростков от преступных посягательств [3].

Рассмотрим предупредительные меры, позволяющие обеспечить безопасное использование глобальной сети несовершеннолетними.

Правовую основу защиты несовершеннолетних от преступлений, совершаемых с применением информационно-цифровых технологий, составляет ряд законодательных и нормативных актов. Конституция РФ как Основной закон РФ провозглашает: «Материнство, детство, семья находятся под защитой государства» [4]. Названный принцип выступает основой для принятия государством качественных мер в сфере охраны и защиты материнства и детства: государственная правовая защита, поощрение института материнства, защита детства, повышение ценности семьи.

Закон «О средствах массовой информации» [5] также охраняет интересы несовершеннолетних от противоправных посягательств. Законом запрещено распространение в СМИ потенциально опасной информации, способной причинить вред несовершеннолетним. Ограничительные условия распространения отдельных видов информации предусматривают возрастную маркировку.

Особое внимание следует обратить на основные федеральные законы, обеспечивающие защиту прав и охрану интересов несовершеннолетних, информационную безопасность в глобальной сети: «О полиции», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О рекламе» [6–11] и др.

Например, один из основных законов, стоящих на защите детства, – Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7], положения которого направлены на регулирование отношений, непосредственно связанных с защитой детей от распространения информации, нанося-

щей существенный вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, социальному благополучию [11, с. 445].

В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] особое внимание уделяется вопросам ограничения распространения (вплоть до полного запрета) той информации, которая может причинить вред гражданину, в том числе несовершеннолетнему. Нормативно-правовой акт защищает нравственное, духовное развитие несовершеннолетних от воздействия негативной и нежелательной информации в сети Интернет. В Указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [12] уделяется особое внимание обеспечению безопасного использования несовершеннолетними ресурсов глобальной сети с целью их нормального гармоничного развития, обучения и получения образования, повышения культурного уровня, совершенствования творческих способностей и др.

Не случайно 28 апреля 2023 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации (далее – Концепция) [13], в которой определены стратегические цели государственной политики в области информационной безопасности детей. Согласно Концепции «несовершеннолетние являются крайне уязвимой аудиторией с точки зрения информационной безопасности и находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность» [13]. Представляя масштаб проблемы, разработчики Концепции уделяют пристальное внимание тому, что несовершеннолетние наиболее подвержены рискам стать жертвой различных посягательств, в том числе и вовлечению в сексуальную эксплуатацию.

Так, в Указе Президента РФ «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [14] выделены цели, задачи и направления развития государственной политики обеспечения безопасности несовершеннолетних. Определены основные угрозы детской безопасности, факторы, оказывающие деструктивное воздействие на развитие детей. В рассматриваемом Указе особо выделена необходимость разработки и усиления мер борьбы с угрозами безопасности несовершеннолетних, обусловленных применением глобальной сети, а также формирования безопасной информационной среды.

Защита несовершеннолетних граждан от негативного влияния в интернет-пространстве, от преступлений, совершаемых с использованием информационно-цифровой среды и обеспечение их информационной безопасности, – текущая задача российской государственной политики. Так, в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [15] особое внимание уделяется созданию эффективной системы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-цифровых технологий, а также снижению ущерба от их совершения. В Указе выделено важное направление – обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в глобальной сети «Интернет».

В Российской Федерации информационной безопасности несовершеннолетних уделяется особое внимание. Так, в Рунете создана доменная зона.Дети (специально

для формирования безопасного интернет-пространства, ориентированного на самую незащищенную аудиторию пользователей – детей и подростков), в которой профессионалы разместили тщательно подобранные полезные и актуальные познавательные ресурсы для лиц, не достигших совершеннолетия. На ведущем российском видеопортале RUTUBE функционирует отдельный раздел «Детям», содержащий мультфильмы, сказки, познавательные проекты, шоу для детей и пр.

Анализ криминогенной ситуации приводит к выводу: объемы использования информационно-цифровых технологий в противоправной деятельности увеличиваются, что значительно усложняет работу правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, связанных с посягательством на безопасность несовершеннолетних посредством использования названных технологий.

Современные дети имеют сотовые телефоны, позволяющие им общаться в социальных сетях или мессенджерах, посещать иные интернет-ресурсы. Подрастающее поколение обладает навыками обходить установленные взрослыми ограничения по использованию цифровой среды. Родителям, педагогам и близким родственникам следует проводить с детьми профилактические беседы о возможных угрозах и рисках использования глобальной сети, рассказывать о полезных и безопасных интернет-ресурсах, создавать материалы с активными ссылками на эту информацию для своевременного ознакомления.

Таким образом, исследование российского законодательства в сфере предупреждения сексуального насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних с применением информационно-цифровых технологий, позволяет сделать следующие выводы.

Анализ действующего российского законодательства в названной сфере показал, что защита интересов личности несовершеннолетнего является одним из основных национальных приоритетов России. В силу криминологически значимых особенностей информационно-цифровых технологий, глобальной сети, проявления угроз и рисков, вызываемых деструктивным влиянием интернет-пространства, профессионального психологического воздействия на состояние несовершеннолетнего, расширения новых средств и способов совершения преступлений в этой сфере ситуация усугубляется: увеличивается количество противоправных посягательств в отношении подрастающего поколения.

В связи с вышеизложенным необходимо осуществить совершенствование правовых основ обеспечения защиты прав и охраны интересов несовершеннолетних с учетом современного состояния преступности, криминогенных рисков и среднесрочного прогноза преступности. Следует расширить и усилить перечень мер, направленных на профилактику виктимного поведения несовершеннолетних в исследуемой сфере.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Пинкевич Т. В., Тарабрина К. С. Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информа-

ционно-цифровых технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 174–179.

2. Антонова Т. Глава АНО «Белый интернет» назвала число жертв кибербуллинга в России // Электронное периодическое издание MK.ru. URL: https://www.mk.ru/social/2023/09/05/glava-ano-belyy-internet-nazvala-chislo-zhertv-kiberbullinga-v-rossii.html?ysclid=lvqh1wt7x934040817 (дата обращения: 15.05.2024).

3. Заседание коллегии Генпрокуратуры России 2023 г. // Информационный портал «Президент России». URL: http://kremlin.ru/events/president/news/707044 (дата обращения: 10.05.2024).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 // Российская газета. 1992. № 32.

6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Рос. газета. 1998. 5 августа.

7. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436–ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собр. закон-ва РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

8. О полиции: федер. закон от 07.02. 2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О рекламе: федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

11. Тарабрина К. С. Современные проблемы предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-цифровых технологий // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя: сб. науч. тр., Рязань, 1–8 февраля 2023 г. Рязань: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 445–449.

12. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р: распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 № 358. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Тарабрина К. С., 2024

Андрей Павлович Титаренко,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

ИНОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ ЛИЦА В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФОРМА СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях беспрецедентного увеличения числа попыток террористических атак на гражданскую инфраструктуру российских объектов очень важным является своевременное и эффективное противодействие им в рамках наиболее радикального варианта воздействия нормами уголовного права. В XXI в. терроризм одиночек ушел в прошлое. Ему на смену пришли детально продуманные, глубоко законспирированные, хорошо организованные спонсируемые спецслужбами иностранных государств формы коллективного совершения террористических актов.

Одним из уголовно-правовых механизмов отечественного права, нацеленных на предотвращение террористических актов уже на стадии их подготовки, является ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающая уголовное наказание за содействие террористической деятельности. Действующая ее редакция ч. 1 и ч. 1.1 предусматривает три варианта содействия в рамках приискания соучастников преступления: вербовка, склонение, иное вовлечение лица в совершение одного из преступлений, которое по своему внутреннему содержанию относится к террористическим.

Однако само грамматическое толкование указанной нормы вызывает определенные трудности в разграничении трех ее составляющих понятий и наделении последних индивидуальными признаками.

Так, склонение в отечественном праве традиционно рассматривается как одна из форм вовлечения в совершение преступления [1, с. 38]. Поэтому, чтобы предусмотреть уголовную ответственность за все варианты побуждения лица к совершению преступления, отдельные авторы предлагают узкий термин «склонение» заменить в статьях УК РФ на его более широкую, по их мнению, лексическую единицу – «вовлечение» [2, с. 524].

Почти аналогичным образом в рамках исследуемого состава преступления воспринимается и понятие вербовки. Так, Н. И. Соколов утверждает, что вербовка и склонение не имеют самостоятельного значения, а являются описывающими признаками понятия содействия в террористической деятельности [3, с. 104, 106].

В судебных решениях содействие террористической деятельности рассматривается как совершение любых побудительных действий в отношении потенциального террориста [4]. Так, непосредственно под вовлечением судебной практикой понимается ментальное воздействие на лиц, имеющих негативное отношение к установленным в обществе способам разрешения конфликта и обладающих соответствующими навыками для совершения террористического преступления [5; 6]. Склонение

к совершению террористического акта подразумевает интеллектуальное воздействие на человека, ранее не помышлявшего о возможности своего участия в совершении подобного [7; 8]. Под вербовкой понимается проведение ряда организационных мероприятий (поиск, собеседование, отбор, прием), направленных на подбор потенциальных участников террористического преступления [9; 10].

Соответственно, есть полное основание утверждать, что законодатель вполне оправданно выделяет три пусть имеющих некоторую тождественность, но все же юридически самостоятельных формы содействия террористической деятельности.

Сравнительно-правовое толкование позволяет сделать вывод, что изначально термин «вовлечение» рассматривался уже, нежели «склонение» и «вербовка». Так, при введении в УК РФ ст. 205.1 предусматривалось наказание только за вовлечение лица в совершение террористического преступления (в редакции Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации»). Позже законодатель установил различные варианты уголовной ответственности за содействие террористической деятельности (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”»). Однако обращает на себя внимание отсутствие признака «вовлечение» в основном федеральном законе 2006 г., направленном на противодействие терроризму.

Таким образом, с учетом судебной практики и проанализированных точек зрения ученых нам представляется, что под склонением к совершению террористического акта следует понимать возбуждение у лица, ранее не рассматривающего себя в качестве исполнителя преступления, желания решить проблему преступным способом. Вовлечение – это укрепление уже имеющегося у потенциального террориста желания совершить преступление. Вербовка, на наш взгляд, это проведение ряда организационных мероприятий, направленных на обработку сознания лиц, которых, по мнению организатора террористического акта, можно использовать в качестве его исполнителя.

Если признать указанную концепцию верной, то в целях более четкого разграничения рассматриваемых форм содействия террористической деятельности необходимо из ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ изъять слова «или иное». Подобная трансформация позволит акцентировать внимание на том, что вовлечение в совершение террористического преступления – это самостоятельная форма содействия террористической деятельности. Содержательную формулу данного способа содействия в реализации террористического акта, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в п. 14 которого необходимо закрепить положение о том, что под вовлечением лица в совершение преступлений, указанных в ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ, следует понимать умышленные действия, направленные на укрепление уже имеющегося у этого лица желания совершить преступление.

Считаем необходимым дополнить пункт г) ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» признаком вовлечения террористов.

Реализация предлагаемых изменений позволит на практике точнее определять содействие террористической деятельности в форме вовлечения лица в совершение преступлений, устрашающих население.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Иногамова Л. В. К вопросу о склонении к потреблению наркотических средств или психотропных веществ // Борьба с незаконным оборотом наркотиков: проблемы уголовного права, криминалистики, прокурорского надзора: материалы науч.-практ. конф.. М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 2000. С. 37–40.

2. Нагаева Т. И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // Lex Russica (Русский Закон). 2011. № 3. С. 515–539.

3. Соколов Н. И. Содействие террористической деятельности: вопросы теории и практики // Трибуна ученого. 2023. № 4. С. 102–107.

4. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2021 г. по делу № 223-УД21-5-А6 // Легалакт: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18052021-po-delu-n-223-ud21-5-a6/ (дата обращения: 25.04.2024).

5. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12 августа 2015 г. № 5-АПГ15-31 // Кодексы и законы Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/7730cd0693b3ac2c2cc3ff6f1cff2a46/ (дата обращения: 23.04.2024).

6. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 г. № 222-УД22-65-А6 // Легалакт: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13122022-n-222-ud22-65-a6/ (дата обращения: 27.04.2024).

7. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 223-УД22-1-А6 // Легалакт: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08022022-n-223-ud22-1-a6/ (дата обращения: 15.04.2024).

8. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2023 г. № 225-УД23-3-А6 // Легалакт: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16032023-n-225-ud23-3-a6/ (дата обращения: 28.03.2024).

9. Приговор Гудермесского городского суда Чеченской Республики № 1-109/2019 1-7/2020 от 12 ноября 2020 г. по делу № 1-109/2019 // СудАкт.ру: [сайт]. URL: https: //sudact.ru/regular/doc/sLVf5y8hMg6P/ (дата обращения: 18.03.2024).

10. Решение Благовещенского городского суда Амурской области № 2А-6600/2021 2А-6600/2021~М-5599/2021 М-5599/2021 от 26 июля 2021 г. по делу № 2А-6600/2021 // СудАкт.ру: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/V9RoCmpGIrrv/ (дата обращения: 21.04.2024).

© Титаренко А. П., 2024

Дмитрий Николаевич Тишкин,
заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала РЮИ МВД России,
кандидат политических наук
Светлана Владимировна Бабенко,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону,
кандидат юридических наук
Игорь Павлович Напханенко,
заведующий кафедрой административного права
и уголовно-правовых дисциплин
Ростовского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук, доцент

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ) И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ КОМПЛЕКСНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ДАННОЙ СФЕРЕ

Любое государство (полития) независимо от формы правления, политического режима и в целом политической системы имеет определенные, длительное время не решаемые государственные проблемы. Сама по себе проблема безнадзорности и преступности несовершеннолетних представляется актуальной уже на протяжении многих десятилетий и даже веков, являясь негативным социально-политическим явлением, содержащим угрозу как нормальному развитию любой политии, так и ее национальной безопасности. Комплекс угроз национальным интересам политии при отсутствии адекватных контрмер со стороны субъектов политического управления имеет накопительный деструктивный потенциал и в стратегической перспективе может привести к глобальным разрушительным социально-политическим процессам. Сущность указанных процессов обусловлена сочетанием и симбиозом множественных факторов: рост преступных деяний несовершеннолетних (распространение наркотических средств, киберпреступность, проституция и другие антиобщественные действия) способствует положительной динамике преступности в молодежной среде и, соответственно, в перспективе ведет к значительному ухудшению криминогенной и криминологической обстановки в целом. Отступление от вековых морально-нравственных установок и факты фальсификации истории собственной страны в совокупности с отсутствием национальной идеологической платформы при наличии возможности посредством «всемирной паутины» (Интернет) навязывать потенциальным и реальным противникам (недружественным странам) чуждые идеологические ценности ведут к национальной деградации общества. Любое общество, пора-

женное подобными «коррозиями», не имеет будущего и с высокой долей вероятности может быть «раздавлено» под воздействием внутренних и внешних угроз.

В трудное для нашей Родины время, в 1921 г., «творец и вождь грозной ВЧК» Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) по личной инициативе отметил: «Я хочу бросить некоторую часть моих лучших сил, а главное, сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью» [1–3]. Таким образом был дан старт борьбе с беспризорностью – одному из самых неординарных проектов в истории «ВЧК-ОГПУ».

Сотрудники госбезопасности и НКВД совместно с другими представителями советской власти фактически вырывали несовершеннолетних, уже вовлеченных в преступную деятельность, из «лап уголовного мира», противопоставляя уголовщине производительный труд и социальное обеспечение, давая подросткам возможность обучиться любой профессии и найти достойное место в жизни.

Многие бывшие беспризорники, получившие «путевку в жизнь», с уважением и трепетом относившиеся к своим наставникам, стали выдающимися учеными, военными, деятелями культуры, спортсменами, самоотверженными солдатами на фронтах Великой Отечественной войны.

Эффективная модель функционирования государственных органов в сфере противодействия подростковой преступности, заложенная Ф. Э. Дзержинским, стала уникальным и беспрецедентным явлением в мировой истории. Подобный опыт борьбы с беспризорностью и преступностью в среде несовершеннолетних применялся неоднократно: в 1944–1948 гг., в последней декаде XX в. Актуальным он представляется и сейчас.

В современном российском социально-политическом пространстве решение значительной части практических задач, связанных с недопущением правонарушений в сфере противодействия подростковой преступности и профилактики беспризорности, относится в первую очередь к деятельности МВД России, а также иных уполномоченных государством органов, что отражено в ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]. Статья 1 данного нормативного правового акта содержит такие необходимые для упоминания в контексте данного исследования понятия, как «индивидуальная профилактическая работа – деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении» и «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних – система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних» [4].

Выборочно и для примера проведем анализ статданных, представляемых Генеральной прокуратурой РФ, о различных преступлениях, совершенных, в том числе несовершеннолетними, на примере Астраханской области, с отражением ее места во всероссийском рейтинге по показателю в период с 2015 по 2022 гг. (табл. 1) [5].

Таблица 1

Динамические параметры различных преступлений, совершенных, в том числе несовершеннолетними на территории Астраханской области, с отражением места во всероссийском рейтинге по показателю в период с 2015 по 2022 г.

год, место / показатели	2015 рей-тинг	2016 рей-тинг	2017 рей-тинг	2018 рей-тинг	2019 рей-тинг	2020 рей-тинг	2021 рей-тинг	2022 рей-тинг
Общее количество зарегистрированных и выявленных преступлений на территории Астраханской области								
Зарегистрировано преступлений	14774	13893	13432	13427	13110	14059	13801	13062
	54	50	50	49	51	48	49	53
Выявлено лиц, совершивших преступления	10340	9228	8180	8372	8244	7804	7856	7307
	37	41	43	40	38	39	35	38
Общее количество выявленных несовершеннолетних, учащихся и студентов, совершивших преступления на территории Астраханской области								
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	651	365	343	376	299	308	339	301
	34	48	45	41	47	39	31	34
Выявлено учащихся и студентов, совершивших преступления	422	348	295	349	256	304	298	312
	50	53	54	48	59	44	40	35
Предварительно расследовано преступлений различной категории, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии на территории Астраханской области								
Общее количество предварительно расследованных преступлений	599	378	320	384	279	343	333	299
	40	54	52	44	57	43	37	39
Преступления небольшой тяжести	154	111	51	92	41	47	50	51
	43	46	66	47	68	63	58	53
Преступления средней тяжести	352	203	202	220	154	203	167	148
	33	55	47	43	50	34	31	34
Тяжкие преступления	81	45	53	57	68	82	100	85
	50	64	56	48	44	38	26	31
Особо тяжкие преступления	12	19	14	15	16	11	16	15
	50	32	38	38	45	52	44	50

Сжато анализируя состояние преступности среди несовершеннолетних на территории Астраханской области в период с 2015 по 2022 г., возможно констатировать следующее:

– в период с 2015 по 2019 гг. в список регионов с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления (от общего числа выявленных лиц) на территории России, Астраханская область не вошла;

– в период с 2015 по 2022 гг. в список регионов с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных несовершеннолетними или при их соучастии на территории России, Астраханская область не вошла;

– в 2015 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории преступлений средней тяжести, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 33 из 83 регионов;

– в 2016 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 32 из 83 регионов;

– в 2017 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 38 из 83 регионов;

– в 2018 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 38 из 83 регионов;

– в 2019 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 44 из 83 регионов;

– в 2020 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории преступлений средней тяжести, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 34 из 83 регионов;

– в 2021 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 26 из 83 регионов;

– в 2022 г. наиболее низкий рейтинг зафиксирован в категории тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, – 31 из 83 регионов;

– в период с 2015 по 2022 гг. общее количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, постепенно сокращалось – от 651 в 2015 г. до 301 в 2022 г., т. е. в 2,16 раза;

– в период с 2015 по 2022 гг. общее количество предварительно расследованных преступных деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, постепенно сокращалось – от 599 в 2015 г. до 299 в 2022 г., т. е. в 2 раза;

– в период с 2015 по 2022 гг. по рейтинговым показателям преступности несовершеннолетних среди 83 регионов России Астраханская область стабильно находится в среднем диапазоне 35–45.

В своем докладе 2 апреля 2024 г. руководитель МВД России В. А. Колокольцев констатировал: «По итогам 2023 года количество совершенных несовершеннолетними преступных деяний снизилось на 10 %, <…> продолжена реализация мероприятий по дальнейшему снижению их криминальной активности» [6].

Таким образом, комплексный анализ состояния преступлений (антиобщественных действий) несовершеннолетних (на примере Астраханской области) показал, что на протяжении нескольких лет прослеживается общероссийская динамика снижения преступных деяний (антиобщественных действий) несовершеннолетних, однако возможно прогнозировать сохранение значительного уровня угроз национальной безопасности, усиливающихся нарастанием воздействия внешних и внутренних факторов (ведение против России гибридной войны).

В данном контексте следует отметить, что А. М. Ильницким еще в 2021–2022 гг. определены следующие вызовы и угрозы: глобальный Запад усиливает «гибридное воздействие, включая экономическое и политическое давление, информационные диверсии и кибератаки» для ликвидации РФ через лишение ее субъектности; «влияние и масштабность киберинформационных технологий на мировую политику и экономику значительно возросло» [7].

Принимая во внимание тот факт, что органы, уполномоченные ФЗ РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ на обеспечение системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в сложившейся социально-политической обстановке не могут в полной мере влиять на негативные общественные процессы, авторы предлагают ряд комплексных мер, позволяющих субъектам политического управления существенно изменить ситуацию в данной сфере:

– «устранение антагонизма между социумом и элитой на платформе легитимизированной государственной идеи, сопровождаемое реактивными процессами в экономике и промышленности, <…> усиление взаимодействия и сотрудничества между спецслужбами и экспертным сообществом, умело сочетаемое с результатами прогнозов» [8, с. 79–80];

– реактивное внедрение в субъекты политического управления превентивной культуры принятия управленческих и иных решений [9, с. 142];

– непримиримая борьба (на базе национальной идеи) с попытками фальсификации истории России и навязывания в молодежной среде ложных целей и ориентиров (с привлечением возможностей информационных технологий);

– «разработка объективной "оценочной шкалы" эффективности функционирования "силового блока", сопровождаемая созданием госструктур, комплексно противодействующих гибридной агрессии» [10, с. 217] и киберугрозам;

– формирование не допускающей искажения на всех этапах системы поэтапной передачи достоверной и объективной информации обо всех событиях, происходящих в российском социально-политическом пространстве, по принципу «снизу вверх»;

– имплементация опыта борьбы с преступлениями несовершеннолетних органов государственной безопасности (ВЧК, ОГПУ, НКВД и др.) в период 1917–1940 гг.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Опубликованы документы о роли Дзержинского в борьбе с беспризорностью // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/20230911/dzerzhinskiy-1895438912.html (дата обращения: 17.04.2024).

2. Победившему беспризорность // Региональное объединение ВКР Западного военного округа. URL: https://uvkr.ru/pobedivshemu-besprizornost.html (дата обращения: 17.04.2024).

3. Избранные статьи и речи. 1908–1926 / Ф. Э. Дзержинский. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. 390 с.

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/12116087/ (дата обращения: 17.04.2024).

5. Динамика показателей преступности России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ: офиц. сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 17.04.2024).

6. Расширенное заседание коллегии МВД 2 апреля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/115/events/73770 (дата обращения: 17.04.2024).

7. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.

8. Возможные направления корректировки государственной политики России по противодействию организованной преступности в условиях «организационной войны» / Д. Н. Тишкин, С. В. Бабенко, И. П. Напханенко // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 75–81.

9. Возможные приоритеты при корректировке государственной политики комплексного противодействия организованной преступности / Д. Н. Тишкин, С. В. Бабенко, И. П. Напханенко // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 137–143.

10. Политические аспекты противодействия спецслужб России современным формам организованной преступности / Д. Н. Тишкин, А. А. Крицкая, Н. Ф. Солдатов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 213–218.

© Тишкин Д. Н., Бабенко С. В., Напханенко И. П., 2024

Дмитрий Васильевич Углицких,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С АТАКАМИ НА ОБЪЕКТЫ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Топливно-энергетический комплекс представляет собой новый объект права [1], начавший свое развитие в прошлом веке и становящийся все более актуальным в современном мире. Поэтому вопросы, связанные с определением объекта этой сферы, являются важными и обсуждаемыми.

В научном сообществе не возникает споров относительно общего объекта, так как он определен в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ); именно эта норма устанавливает, какие отношения в Российской Федерации подлежат охране уголовным законом. Некоторые исследователи критикуют эту норму, считая, что объекты уголовно-правовой охраны в ней не упорядочены по значимости и не соответствуют разделам Особенной части УК РФ [2, с. 66]. Однако мы считаем, что законодатель не преследовал такой цели, поставив в этой норме задачи уголовного закона.

Изучив современные тенденции определения объекта преступлений, ученые указывают на важность анализа нормативных актов, регулирующих ответственность за нарушения в сфере топливно-энергетического комплекса. Согласно традиционному подходу, группы преступлений данного вида определены в различных разделах УК РФ. Требуется более детальное рассмотрение каждой из них для выявления уголовно-правовых отношений, подлежащих защите. Нарушения, за которые предусмотрена ответственность по ст. 158, 215, 215.1, 215.2, 215.3, 217.1 и 217.2 УК РФ, включены в число деяний, рассматриваемых в данном контексте.

В разделе VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ находится ст. 158, в которой упоминается один из особо квалифицированных составов посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса. Это свидетельствует о том, что данное преступление охватывает общественные отношения в сфере экономики. Остальные преступления, направленные против объектов топливно-энергетического комплекса (ст. 215, 215.1, 215.2, 21.53, 217.1 и 217.2 УК РФ), расположены в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Эти преступления затрагивают общественные отношения по обеспечению безопасности и общественного порядка. Нормы, устанавливающие ответственность за деяния в определенной сфере, объединены законодателем в главы, что обусловлено характером общественных отношений, поставленных под охрану отдельными нормами. Размещение рассматриваемых преступлений в различных главах УК РФ обусловливает различие в видовых объектах. Статья 158 УК РФ входит в гл. 21 «Пре-

ступления против собственности» и касается кражи на объектах топливно-энергетического комплекса, она связана с отношениями по охране собственности. Общественные отношения, обеспечивающие охрану права собственности, являются видовым объектом рассматриваемых деяний, регламентированных нормами, объединенными в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Непосредственный объект, состоящий из общественных отношений, защищаемых конкретной уголовно-правовой нормой, находится на следующем уровне в иерархии объектов. Хищение, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, посягает на собственность, как и другие деяния, включенные в главу. В статье 215 УК РФ рассматривается особенная часть, где основным объектом преступления являются отношения собственности. Однако, изучая характер деяния, следует также учитывать общественную безопасность на объектах топливно-энергетического комплекса как дополнительный аспект. В контексте преступления, предусмотренного ст. 215 УК РФ, основным объектом можно считать общественную безопасность на объектах атомной энергетики, но в случае квалифицированных составов важны жизнь и здоровье человека, а также экологическая безопасность (ч. 2 и 3 ст. 215 УК РФ).

В сфере функционирования источников жизнеобеспечения рассматриваются отношения по охране общественной безопасности по ст. 215.1 УК РФ. Собственность и здоровье человека также включены в качестве дополнительных объектов охраны [3, с. 86]. В ч. 2 ст. 215.1 УК РФ дополнительным непосредственным объектом являются отношения по охране жизни человека. Изучение преступления по ст. 215.2 УК РФ позволяет заметить, что обеспечение безопасности объектов жизнеобеспечения является основным объектом. В особо квалифицированном составе (ч. 3 ст. 215.2 УК РФ) дополнительным объектом выступает жизнь человека. Охрана общественной безопасности в сфере функционирования объектов топливно-энергетического комплекса является ключевым аспектом преступлений, описанных в ст. 217.1 УК РФ. Здоровье человека и собственность также приобретают значимую роль в этом контексте. В случае квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений основным объектом является человеческая жизнь. В отношении преступлений, предусмотренных ст. 217.2 УК РФ, основной акцент делается на обеспечении общественной безопасности на промышленных объектах. Жизнь человека, его здоровье и владение собственностью также имеют значение в рамках этих преступлений.

В законодательстве закреплено определение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса. Оно представляет собой состояние защищенности от актов незаконного вмешательства, включая террористические акты или покушения на них, которые могут угрожать нормальному функционированию объекта и приводить к ущербу для жизни, здоровья и имущества людей. Большинство посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса связано с обеспечением безопасности в этой сфере, в то время как кража является исключением, так как в ней основной объект – отношения собственности.

При изучении топливно-энергетического комплекса необходимо учитывать объективные показатели, включая нефтепроводы, нефтепродуктопроводы и газопроводы. Исследователи отмечают, что эти сооружения представляют собой сложные

технические конструкции, способные транспортировать нефть, нефтепродукты и горючие газы от места добычи к потребителям. Суть рассматриваемых объектов заключается в трубопроводах, состоящих из труб, арматуры и других деталей, тщательно соединенных между собой для обеспечения надежности и прочности. Важным элементом преступления является объективная сторона, которая представлена действиями или бездействиями, последствиями и связями между ними. Прежде всего, следует изучить объективную сторону преступления, за которое предусмотрена ответственность по ч. «б» ст. 158 УК РФ. Законодатель выделил различные виды деяний в особо квалифицированном составе в зависимости от объекта, на котором совершается преступление. В данном случае рассматриваемое преступление можно сравнить с обычным хулиганством. Для того чтобы понять его суть, следует обратить внимание на характеристики хулиганства. Это проявление активной агрессии в отношении чужого имущества. Например, действия могут быть направлены на незаконное вторжение в чужой дом с целью украсть ценные вещи и использовать их в своих интересах. Для совершения хулиганства лицо, совершающее преступление, должно действовать безвозмездно, т. е. оно получает имущество (в данном случае это драгоценности, ценные предметы) без каких-либо затрат, которые были бы необходимы при их законном приобретении. Существует специфический аспект, отличающий кражу от других видов хищения – это тайность действий. Когда хищение совершается тайно, можно говорить о краже. В то же время необходимо отметить, что не всегда действия, направленные на завладение товарами, будут квалифицироваться как кража. Например, работник предприятия в сфере топливно-энергетического комплекса, долгое время не получающий заработную плату и решающий возместить ущерб, причиненный ему работодателем, может полагать, что имеет на это право.

Опасный материальный вред является результатом преступных действий, совершенных в секретности, когда виновный считает, что никто не следит за ним. Даже если на самом деле кто-то наблюдает за ним, это остается скрытым фактом, не раскрывающимся для виновного. Объективная сторона хищения всегда связана с материальным ущербом, и преступление считается завершенным в тот момент, когда общественное зло уже нанесено. Виновное лицо должно быть причиной указанного последствия, вызванного его действиями [4, с. 94]. Законодатель криминализировал различные действия в рассматриваемой норме, включая ограничение и прекращение. Разрыв электрической цепи и других цепей жизнеобеспечения – это способы прекратить поставку электроэнергии. Существуют разнообразные способы, но результат один – прекращение поступления энергии. Ограничение подачи энергии связано со снижением мощности, например с уменьшением тока установок.

По закону даже кратковременные отключения электроэнергии на несколько часов могут быть рассмотрены как преступления, если они причиняют крупный ущерб или имеют тяжкие последствия, включая смерть человека. Обязательным элементом преступления является разрушение или повреждение объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения.

Используя заключения судов, можно сделать вывод, что ст. 158 и 215.2 УК РФ применяются в случаях, когда происходит урон определенных предметов, что приводит к их повреждению. Смерть человека увеличивает уголовную ответственность по ст. 215.2 УК РФ. Преступление, направленное против топливно-энергетического комплекса, также предусматривает уголовную ответственность.

При нарушении административных правил, предусмотренных законом, возможно незаконное подключение к газопроводам, нефтепроводам и нефтепродуктопроводам. Это может происходить даже при использовании официальных точек для подключения, но без соответствующего разрешения поставщика. Незаконное использование нефти, газа и нефтепродуктов может осуществляться без учета, включая изменение показаний измерительных устройств или их полное отключение.

Совершение указанных действий в отношении основных трубопроводов может повлечь усиление уголовной ответственности за произошедшее (ч. 2 ст. 215.3 УК РФ). В случае если действия виновника приводят к общественно опасным последствиям, таким как разрушение, повреждение, или иным образом наносят ущерб объектам, то ответственность возникает по ч. 3 или 4 ст. 215.3 УК РФ. Действия, подпадающие под уголовную ответственность по ст. 215.3 УК РФ, считаются формальными – достаточно их совершения, необязательно наступление последствий.

Нарушение требований безопасности и антитеррористической защиты объектов топливно-энергетического комплекса, сопровождающееся возникновением общественно опасных последствий, может привести к серьезным последствиям, таким как тяжкий вред человеку или значительный ущерб. Преступление по данной статье УК РФ считается материальным, и квалификация зависит от тяжести последствий, включая случаи смертельного исхода.

Различные действия, совершаемые двумя или более лицами, согласно п. 3 ст. 217.1 УК РФ и п. 2 ст. 217.1 УК РФ, могут привести к посягательству на топливно-энергетический комплекс. Объект преступлений, связанных с этим, может изменяться в зависимости от конкретных действий, совершенных преступниками. Однако все эти преступления объединяет то, что в каждом случае целью становится безопасность топливно-энергетического комплекса. В некоторых случаях этот комплекс выступает в качестве дополнительного объекта преступлений, в других – основным. Объективная сторона данных преступлений характеризуется разнообразием действий, указанных в соответствующих нормах.

Таким образом, объектами преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса становятся безопасность, причинение ущерба и тяжкие последствия, включая смерть. Воровство выступает дополнительным объектом в некоторых случаях, тогда как в других преступлениях оно является основным. Различные деяния, указанные в нормах, характеризуют объективную сторону преступлений. Важно отметить, что общественная опасность проявляется в причинении крупного ущерба, тяжкого вреда здоровью и других тяжких последствий, включая смерть вследствие неосторожности. Привлечение к ответственности за совершенные преступления является обязательным по большинству норм, которые направляются к правовым актам, устанавливающим правила использования объектов и другие необходимые требования.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Приходько А. И. Уголовно-правовая характеристика на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК): дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Приходько Анна Игоревна. М., 2018. 153 с.

2. Абдурагимов З. Г. Понятие и признаки объекта преступления. Классификация объектов преступления // Молодой ученый. 2022. № 8 (403). С. 65–67.

3. Хромов Е. В. Характеристика объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215.1 УК РФ // Современная наука. 2010. № 1 (1). С. 85–88.

4. Нудель С. Л. Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (267). С. 93–97.

© Углицких Д. В., 2024

Равшан Тулкунович Хакимов,
главный научный сотрудник института государства и права
Академии наук Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Под источниками права принято понимать внешнюю форму выражения правовых норм. Источники права представляют собой методы, с помощью которых создаются нормы и регулируются отношения, в том числе между субъектами права.

В международном праве источники принято подразделять на основные и вспомогательные.

К основным источникам в международном праве, а следовательно, и в праве борьбы с коррупцией, относятся международные договоры, международные обычаи и общепризнанные принципы международных отношений (jus cogens).

К вспомогательным – решения международных организаций, специализированных международных организаций, национальные законы, судебные решения, доктрины и концепции ученых.

В международном праве и национальном законодательстве некоторых стран при изучении круга источников также ссылаются на ст. 38 Статута Международного Суда ООН: «1. Суд <…> применяет:

а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

в) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

г) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины, наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

2. Это постановление не ограничивает право Суда разрешать дело ex aequo et bono, если стороны с этим согласны» [1].

К источникам, регулирующим международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией, относятся:

– Европейская конвенция о выдаче (экстрадиции) от 13 декабря 1957 г.;

– Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. и Дополнительные протоколы от 15 октября 1975 г. и 17 марта 1978 г.;

– Европейская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.;

– Устав СНГ от 22 января 1993 г.;

– Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по семейным, гражданским и уголовным делам от 22 января 1993 г.;

– Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией (Организация Американских Государств) от 29 марта 1996 г.;

– Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере экономики от 12 апреля 1996 г.;

– Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц государств – членов Европейского Союза (Совет Европы) от 26 мая 1997 г.;

– Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (Организация Экономического Сотрудничества и Развития) от 21 ноября 1997 г.;

– Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 г.;

– Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Комитет министров Совета Европы) от 27 января 1999 г;

– Гражданско-правовая конвенция о коррупции (Комитет министров Совета Европы) от 4 ноября 1999 г.;

– Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.;

– Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Главы государств и правительств Африканского Союза) от 12 июля 2003 г.;

– Конвенция ООН по борьбе с коррупцией от 13 октября 2003 г.;

– другие региональные и двусторонние соглашения.

Эти документы являются базой для дальнейшего совершенствования и кодификации международного и национального права борьбы с коррупцией. Процесс кодификации права борьбы с коррупцией в международном и национальном праве динамичен, поскольку постоянно пополняется новыми правовыми нормами со стороны субъектов правоотношений.

Большую работу по кодификации права борьбы с коррупцией проводят государства, международные и негосударственные некоммерческие организации.

В рамках ООН в 1947 г. на 2-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была учреждена Комиссия международного права ООН, основная цель которой – содействие прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Комиссия международного права ООН состоит из 34 членов, являющихся лицами с признанным авторитетом в области международного права. Кроме того, на повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН и других органов ООН постоянно рассматриваются вопросы, связанные с проблемами противодействия коррупции.

Большое значение имеют доклады Генерального секретаря ООН по проблемам борьбы с коррупцией. Отметим роль ООН, Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Организации Экономического Сотрудничества и Развития и других организаций, в том числе и Неправительственная независимая организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру (ННО, Transperency International) и др. не только в кодификации норм права, но и в оказании технической помощи странам, которые выразили свою политическую волю в борьбе против коррупции. Вопросы кодификации современного международного

права борьбы с коррупцией оказывают значительное влияние и на прогрессивное развитие национального законодательства государств в этой области путем имплементации.

Сегодня научно-теоретическими изысканиями и кодификацией права борьбы с коррупцией в Узбекистане пока активно занимаются. Хотя в последнее время об этом говорится в выступлениях и трудах Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиеева, Генерального прокурора, в СМИ, ННО, в работах ученых, проводятся тренинги и семинары, в том числе с участием международных организаций, но этого пока недостаточно.

Говоря о взаимосвязи законодательства Республики Узбекистан с международным правом борьбы против коррупции, следует отметить, что в настоящее время пока подписаны на межгосударственном уровне двухсторонние и многосторонние соглашения (СНГ), идет активное сотрудничество с международными организациями. В качестве правовых источников борьбы с коррупцией на национальном уровне действуют Конституция Республики Узбекистан, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Концепция национальной безопасности Республики Узбекистан и другие законы и нормативно-правовые документы.

В то же время следует сказать, что до сих пор в республике на должном уровне не проводится анализ и мониторинг действующего законодательства, недостаточно освещаются в СМИ и на ТВ проблемы противодействия коррупции, недостаточно активен гражданский сектор.

По мнению ряда специалистов, законы и действия государств в противостоянии обозначенной проблеме должны предусматривать:

– доступ к информации (включая законодательство об официальных секретах);

– разрешение проблем конфликтов интересов;

– процессы государственных закупок;

– свободу слова и СМИ;

– защиту разоблачителей и тех, кто подает жалобы относительно злоупотреблений правительства;

– мобилизацию гражданского общества;

– демократические выборы;

– запрет тем, кто осужден за преступления серьезного морального значения, такие как изнасилование или кража, занимать должность или претендовать на занятие государственной должности или на должность в компании;

– правила, регулирующие подарки и проявления гостеприимства в отношении государственных служащих;

– судебный надзор за законностью административных действий.

В отношении уголовного регулирования законы и действия государств должны предусматривать:

– соблюдение международных стандартов в области прав человека;

– избежание чрезмерно репрессивных мер;

– четкие руководящие принципы относительно приговоров, которые отличались бы соответствием;

– консолидацию различных законов, касающихся коррупции; специальных положений по делам о коррупции, в соответствии с которыми лица должны обозначать происхождение необъясненного богатства к удовлетворению суда;

– арест коррупционных средств и переход их в пользу государства;

– определение коррупции как включающей и передачу, и получение взятки.

Как видно, работы в сфере правотворчества достаточно, для этого имеются все необходимые условия, все дело за политическим волеизъявлением, основной целью которого является максимальное искоренение из нашей жизни такого негативного явления, как коррупция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статут – Международный Суд. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml (дата обращения: 17.06.2024).

2. Как бороться с коррупцией. ОБСЕ. Вена, 2005. 147 с.

© Хакимов Р. Т., 2024

Ирина Витальевна Ханова,
старший преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ ВТОРОЙ СТАТЬИ 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из наиболее распространенных посягательств на интересы семьи и несовершеннолетних является неуплата алиментов на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

После декриминализации указанного деяния в 2016 г. [1] неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей стала рассматриваться в качестве преступления только при ее неоднократном допущении: была введена административная преюдиция для привлечения к уголовной ответственности родителей или трудоспособных детей, не уплачивающих алименты.

Изменение законодательства вызвало множество вопросов, связанных с практическим применением названной уголовно-правовой нормы, а именно с установлением объективных признаков рассматриваемого преступления.

Статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит две самостоятельные нормы, описывающие составы преступлений, схожие по проявлению объективной стороны, но отличающиеся друг от друга объектом и характеристикой признаков потерпевшего.

Видовым объектом неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное, психологически и экономически комфортное функционирование семьи.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 157 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие гарантированное Конституцией РФ право нетрудоспособных родителей на получение поддержки со стороны детей.

Дополнительным непосредственным объектом рассматриваемых преступлений выступают интересы правосудия, а именно отношения по исполнению судебного решения, а также отношения по соблюдению условий нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов.

Согласно ч. 2 ст. 157 УК РФ потерпевшими могут являться нетрудоспособные родители виновного лица, право которых на получение поддержки, в том числе финансовой, и заботы со стороны детей гарантировано Конституцией Российской Федерации и Семейным Кодексом Российской Федерации.

Нетрудоспособными родителями признаются лица, достигшие пенсионного возраста (женщины – 65 лет, мужчины – 70 лет), а также граждане из числа малочисленных народов Севера, достигшие определенного возраста (женщины – 50 лет,

мужчины – 55 лет), и инвалиды при наличии у них соответствующих подтверждающих документов, выданных на основании медико-социальной экспертизы [2].

Особую сложность для правоприменителей представляет установление признаков объективной стороны неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей.

Отметим, что под алиментами в науке семейного права понимаются «отношения по содержанию нетрудоспособных членов семьи» [3, с. 39], денежные средства и иные материальные блага, которые один член семьи обязан безвозмездно предоставлять другому для его содержания в силу существующих между ними семейных отношений [4].

Применительно к рассматриваемой уголовно-правовой норме неуплатой алиментов признается умышленное неисполнение (уклонение от исполнения) обязанности по внесению алиментных платежей, установленных судебным решением или определенных нотариально удостоверенным соглашением, совершенное неоднократно.

В примечании к ст. 157 УК РФ законодатель закрепил понятие неоднократности как совершения деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Диспозиции ст. 157 УК РФ напрямую связаны с положениями ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающими ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Следовательно, рассматриваемое деяние квалифицируется как уголовно наказуемое в случае, если виновное лицо совершает поступок, предусмотренный ст. 5.35.1 КоАП РФ, во второй раз в течение одного года, исчисляемого с момента вступления в законную силу постановления суда по делу о назначении ему административного наказания за первое нарушение.

С объективной стороны преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 157 УК РФ, относится к формальным составам – считается оконченным с момента неуплаты причитающихся платежей и не зависит от наступления общественно опасных последствий. Это длящееся преступление, которое начинается с момента вступления в законную силу соответствующего постановления суда о наложении на неплательщика алиментов административного наказания по ст. 5.35.1 КоАП РФ, а оканчивается возбуждением в отношении виновного лица уголовного дела по ч. 2 ст. 157 УК РФ или добровольным отказом его от противоправной деятельности и исполнением алиментных обязательств. Моментом окончания рассматриваемого преступления также может стать утрата юридических оснований для производства алиментных выплат (например, отмена в установленном законом порядке выполнения обязанности по уплате средств на содержание нетрудоспособного родителя, гибели лица, в пользу которого уплачиваются алименты и т. п.).

Период, в течение которого плательщик алиментов не исполнил своего обязательства, достаточный для привлечения лица к уголовной ответственности, законодательно не определен. Однако исходя из того, что алименты должны вноситься обязанным лицом ежемесячно, на практике сложилась ситуация, при которой к уголовной ответственности стали привлекаться лица, не исполнившие подобное обязательство в течение двух и более месяцев.

В связи с вопросами, возникающими у правоприменителей при реализации ст. 157 УК РФ, в целях единообразного толкования закона в декабре 2022 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение, в котором указал, что «под неуплатой алиментов следует понимать умышленное неисполнение (уклонение от исполнения) обязанности по внесению лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, алиментных платежей в течение двух и более месяцев подряд в рамках возбужденного исполнительного производства» [5, п. 5].

Таким образом, основной элемент объективной стороны рассматриваемого преступления характеризуется бездействием. А основанием для привлечения лица, без уважительных причин не выплачивающего алименты в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения, к уголовной ответственности служат административная преюдиция и срок, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Однако с объективной стороны неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей может быть выражена и в совершении активных действий. Подобное встречается, когда субъект в целях уклонения от исполнения алиментного обязательства предоставляет в соответствующие исполнительные органы недостоверные документы или сведения из числа анкетных данных, часто меняет работу или место жительства, скрывает доходы, переоформляет имущество на третьих лиц.

Активным неисполнением алиментных обязательств признается также умышленная частичная уплата алиментов в суммах, явно не соответствующих размеру, установленному решением суда или нотариально удостоверенным соглашением. Подобные решения принимаются судами только в случаях, когда виновное лицо имело реальную возможность выплачивать алименты, но умышленно уклонялось от исполнения возложенной на него обязанности.

Недоплата алиментов может не привести к уголовной ответственности, если суд сочтет нарушение малозначительным. При решении вопроса о малозначительности нарушения суд в обязательном порядке должен оценить размер неуплаченных сумм, длительность периода, в течение которого уплата алиментов осуществлялась не в полном объеме, а также мотивы, которыми руководствовался виновный.

Обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 157 УК РФ является отсутствие уважительной причины неуплаты алиментов.

Уважительными причинами неуплаты алиментов признаются обстоятельства, при которых неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей происходит независимо от воли лица, обязанного уплачивать алименты [6, п. 5], когда плательщик желает, но не имеет реальной возможности выполнить возложенное на него обязательство.

Перечень уважительных причин неуплаты алиментов законодательно не определен. Признать причину неуплаты алиментов уважительной может только суд, оценив для этого целый ряд обстоятельств: мотивы противоправной деятельности, материальное и семейное положение плательщика, наличие у него реальной возможности выполнять свои обязательства. К уважительным причинам неуплаты алиментов, не порождающим ответственность плательщика, могут быть отнесены

такие обстоятельства, как прохождение военной службы, невыплата заработной платы работодателем, нетрудоспособность в связи с болезнью и т. п.

Отметим, что отбывание наказания в местах лишения свободы (при привлечении лица к оплачиваемому труду), а также несогласие лица с размером или сроками уплаты алиментов, установленными соглашением или решением суда, не могут признаваться уважительными причинами неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей.

В качестве уважительной причины не рассматриваются действия лица, обязанного уплачивать алименты, связанные с его инициативным уходом и содержанием нетрудоспособного родителя. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации «покупка продуктов, дарение вещей, оплата расходов, если такие действия не носили постоянного характера и не свидетельствовали о нахождении нетрудоспособных родителей на иждивении у лица, обязанного уплачивать алименты, не освобождают его от обязанности уплачивать алименты в полном объеме» [5, п. 8].

Неоднозначная правовая оценка дается на практике действиям должника, не уплачивающего алименты в отношении двух нетрудоспособных родителей в случаях, когда алиментные обязательства возложены на него несколькими решениями судов или нотариально заверенными соглашениями и когда лицо привлечено к административной ответственности за каждое из совершенных деяний.

Иногда правоприменители считают, что лицо, уклоняясь от уплаты алиментов на содержание двух нетрудоспособных родителей, следуют единому преступному умыслу, в связи с чем признают его виновным в совершении одного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 157 УК РФ. Однако чаще нарушение каждого алиментного обязательства оценивается как отдельное уголовно наказуемое деяние и виновному лицу вменяется совокупность преступлений.

При установлении ответственности за преступления, связанные с неоднократной неуплатой алиментов, законодатель предусмотрел условия, при которых лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Согласно примечанию 3 к указанной статье виновный подлежит освобождению от уголовной ответственности в случае полного погашения задолженности по выплате средств на содержание нетрудоспособных родителей. Полным погашением задолженности признается уплата всей суммы основного долга по исполнительному производству о взыскании алиментов, имеющейся на дату принятия решения об освобождении от ответственности и прекращении уголовного дела, без учета сумм неустойки за несвоевременную уплату алиментов. Рассматриваемая задолженность может быть аннулирована либо самим виновным, либо по его просьбе или с его согласия другими лицами. Отметим, что наличие у виновного лица неснятой или непогашенной судимости за другое преступление не препятствует принятию решения об освобождении его от уголовной ответственности в соответствии с п. 3 примечания к ст. 157 УК РФ при наличии на то законных оснований [5, п. 11].

Кроме того не имеющие судимости лица, виновные в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 157 УК РФ, могут быть освобождены от уголовной от-

ветственности по иным нереабилитирующим основаниям – в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) или примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). При этом размер выплат (возмещения вреда, причиненного преступлением) может отличаться от суммы основного долга по алиментам, подлежащей взысканию в рамках исполнительного производства, в сторону увеличения. Кроме того Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что в случае примирения с потерпевшим способы заглаживания вреда и размер его возмещения определяются лицом, на содержание которого подлежат уплате алименты, или его законным представителем [5, п. 10].

Следует отметить, что во всех рассмотренных случаях задолженность по алиментам должна быть фактически аннулированной к моменту принятия решения о прекращении производства по делу. Обещания или какие-либо обязательства лица, не уплачивающего алименты, погасить задолженность в будущем основанием для его освобождения от уголовной ответственности не являются.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 157 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести и согласно общему правилу, установленному ст. 78 УК РФ, лицо, его совершившее, должно быть освобождено от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекло два года. Данное положение породило у правоприменителей разногласия в вопросе определения момента фактического окончания неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей при рассмотрении возможности освобождения виновного от уголовной ответственности. В постановлении от 22 декабря 2022 г. № 39 Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения для судов по возникшему вопросу. Согласно п. 14 указанного постановления сроки давности уголовного преследования за неуплату средств на содержание нетрудоспособных родителей начинают исчисляться со дня фактического окончания такого преступления, в том числе со дня прекращения обязанности уплачивать алименты, добровольного прекращения лицом невыполнения алиментного обязательства, возникновения уважительных причин неуплаты алиментов, вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (при отсутствии вышеуказанных обстоятельств).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.). ст. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. П. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Косова О. Ю. Семейный кодекс РФ об алиментах // Закон. 2005. № 10. С. 39–40.

4. Матвеев И. В. Правовая природа и участие родителей в дополнительных расходах на детей и совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 39. п. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6. п. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ханова И. В., 2024

Юрий Павлович Шкаплеров,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

СПИРАЛЬ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В БЕЛОРУССКОМ ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Одним из основных участников уголовного процесса, безусловно, выступает прокурор, эволюция процессуального статуса которого отражает развитие всей уголовно-процессуальной деятельности. В России, как и на белорусских территориях, присоединенных к ней в результате первого раздела Речи Посполитой, с принятием Учреждения о губерниях Всероссийской империи 1775 г. на прокуроров и стряпчих, помимо прочего, была возложена обязанность по наблюдению за ходом следствия и за тем, чтобы обвиняемый воспользовался всеми законными средствами защиты [1, с. 35; 2, с. 737]. Вместе с тем на практике эти законодательные установления исполнялись на низком уровне [3, с. 14–15].

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) за прокурором сохранилась обязанность по осуществлению прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием, для реализации которой он согласно ст. 278 УУС наделялся следующими полномочиями:

1) присутствовать при проведении следственных действий (ст. 280 УУС);

2) изучать материалы уголовного дела (ст. 280 УУС);

3) давать указания («законные требования») судебному следователю. О мерах по исполнению указаний прокурора следователь делал отметку в протоколах. Если же полученные указания выполнить было невозможно либо проблематично, следователь уведомлял об этом прокурора и ожидал его решения по данной ситуации (ст. 282 УУС);

4) требовать от следователя применения в отношении обвиняемого меры пресечения, не связанной с лишением свободы (ст. 283, 284 УУС);

5) предлагать судебному следователю задержать обвиняемого, в отношении которого не применено (либо отменено) заключение под стражу. Если же следователь не был согласен с предложением прокурора, то разрешение данного вопроса передавалось на рассмотрение суда (ст. 285 УУС);

6) требовать «дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям» (ст. 286 Устава 1864 г.).

Помимо этого прокурор согласно УУС осуществлял надзор и за дознанием, имея полномочия, во многом схожие с теми, которые сегодня закреплены в ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь; в частности, он обладал правом «разъяснять полиции порядок производства дознаний и давать ей по этому предмету циркуляры» [4, с. 320].

Несмотря на то, что УУС не наделял прокурора правом расследования уголовных дел, нормативный акт все же давал ему возможность принимать решение о возбуждении уголовного дела [5, с. 686–687].

В соответствии со ст. 478 УУС по окончании предварительного следствия судебный следователь отсылал материалы дела прокурору или его товарищу для дальнейшего направления в суд.

После Октябрьской революции институт прокурорского надзора был упразднен на основании Декрета СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде» № 1 [6, с. 271–272]. Однако через непродолжительное время в связи с основанием в 1922 г. прокуратуры он был воссоздан.

При отсутствии отдельной статьи либо компактно расположенной группы статей в УПК РСФСР 1922 г. и УПК БССР 1923 г., определяющих процессуальный статус прокурора в досудебном производстве, ч. 13 Положения о прокурорском надзоре, утвержденного постановлением ВЦИК 28 мая 1922 г., наделяла данного участника досудебной уголовно-процессуальной деятельности полномочиями по:

а) возбуждению уголовных дел;

б) надзору за производством дознания и предварительного следствия;

в) даче указаний и разъяснений органам дознания, а также следователю;

г) разрешению вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания;

д) утверждению обвинительных заключений по уголовным делам, законченными следователями, а также составлению обвинительного акта и постановления о прекращении дела и т. п. [7].

Чуть позже, 26 июня 1922 г., постановлением III сессии ЦИК БССР было принято Положение о прокурорском надзоре в БССР, которое во многом воспроизводило нормы вышеназванного российского нормативного акта [8, с. 14].

Согласно УПК РСФСР 1923 г. для осуществления надзора прокурор получал права контроля ключевых следственных и иных процессуальных действий, дачи обязательных указаний о дополнении следствия, направления дела на доследование с изложением подлежащих исследованию обстоятельств, продления срока содержания под стражей, разрешения жалоб и отводов, заявленных следователю [9] и т. д.

Приказом Прокурора СССР «О работе прокуратур по руководству следствием, производимым следователями» от 25 сентября 1936 г. № 58/6 определялось, что все указания прокурора следователю надлежало давать обязательно в письменной форме [10, с. 121].

Кроме того в рассматриваемый период развития уголовного процесса на практике появилось правило об утверждении прокурором постановлений о возбуждении уголовных дел [11, с. 125].

5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов была принята Конституция СССР, ст. 127 которой содержала положение о том, что никто не мог быть подвергнут заключению под стражу (аресту) иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. С этого времени постановления о применении

рассматриваемой меры пресечения в досудебном производстве оказались подлежащими обязательному санкционированию прокурором.

Таким образом, как отмечает Л. В. Головко, в 1920-е гг. начала формироваться советская конструкция несудебного «прокурорского» предварительного следствия, стирающая грань между следствием и дознанием [12, с. 157].

С вступлением в силу УПК БССР 1960 г. тенденции по усилению влияния прокурора на предварительное следствие и дознание сохранились, в связи с чем А. К. Аверченко охарактеризовал деятельность этого должностного лица как «фактическое руководство предварительным следствием и активное участие в нем» [13, с. 160]. Помимо надзора за законностью возбуждения уголовного дела и за исполнением законов при производстве дознания, предварительного следствия (ст. 41, 211–217 УПК БССР 1960 г.) прокурор уполномочивался на производство расследования по любому уголовному делу [14].

Кроме того, законодатель в ст. 212 УПК БССР 1960 г. «легализовал» имевшуюся прежде практику и впервые сформулировал в законе требование о том, что все указания прокурора, данные им в рамках осуществления надзора за предварительным следствием и дознанием, должны излагаться только в письменной форме.

1 января 2001 г. по вступлении в силу УПК Республики Беларусь в первоначальной его редакции процессуальное положение прокурора и должностных лиц органов уголовного преследования, по сравнению с УПК БССР 1960 г., не претерпело кардинальных изменений.

Создание Следственного комитета Республики Беларусь и связанная с этим реформа предварительного расследования с 1 января 2012 г. освободили прокурора от выполнения функции процессуального руководства расследованием. Последняя была возложена на начальника следственного подразделения, за исключением случаев, когда предварительное следствие по делу производит нижестоящий прокурор. Прокурор сохранил за собой право проверять уголовные дела и материалы проверки. При этом требование рассматриваемого должностного лица об их представлении должно быть исключительно письменным. Проводить следственные и другие процессуальные действия по уголовным делам, находящимся в производстве следователя (прежде всего, допрос подозреваемого, обвиняемого), прокурор правомочен только при санкционировании заключения под стражу, домашнего ареста, а также запрета определенных действий, распространяющегося на подозреваемого и обвиняемого (ст. 34, 35 УПК Республики Беларусь). До 2012 г. он мог произвести следственные действия по любым делам и на любой стадии уголовного процесса.

После создания Следственного комитета Республики Беларусь обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и других процессуальных действий прокурор мог давать лишь при возвращении следователю уголовного дела, переданного для направления в суд, для производства дополнительного предварительного расследования или выполнения других процессуальных действий. Законом сужались и полномочия прокурора по применению, изменению и отмене меры пресечения: такое решение он оказался вправе принимать только по делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора (до 1 января 2012 г. – по любому делу). Помимо этого прокурор утратил полномочия передавать

уголовное дело одного следователя другому, а также отстранять следователя от производства предварительного расследования, если последним были нарушены требования законодательства. В таком случае прокурор вправе потребовать от начальника следственного подразделения устранения допущенных нарушений законности (ст. 34 УПК Республики Беларусь).

Таким образом, можно подумать, что с января 2012 г. в Беларуси прекратилась начатая в 1922 г. тенденция усиления прокурорской власти на стадии предварительного расследования. Однако 26 мая 2021 г. ст. 34 УПК Республики Беларусь была дополнена ч. 5^1, согласно которой указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий прокурор может давать также при отмене постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования. На Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь размещен проект Закона «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь», согласно которому предлагается наделить прокурора полномочием дачи следователю обязательных для исполнения письменных указаний о производстве следственных и других процессуальных действий по любому уголовному делу без каких-либо оговорок. Для этого планируется изменить редакцию указанной выше ч. 5 ст. 34 УПК Республики Беларусь [15].

Таким образом, развитие полномочий прокурора в белорусском досудебном производстве происходит по спирали. После Октябрьской революции, с начала 1920-х гг., в противоположность предшествующему периоду происходит усиление прокурорской власти, выражающееся в фактическом руководстве предварительным расследованием. Этот этап закончился 1 января 2012 г. в связи с созданием Следственного комитета: статус прокурора в уголовном процессе оказался схожим с соответствующим статусом согласно УУС. Однако такое положение существовало недолго, так как в наши дни начался обратный процесс, похожий на тот, что происходил сто лет назад в советском государстве. Причем сегодня названная трансформация процессуального статуса прокурора, как видится, происходит исключительно по инициативе и в интересах отдельных ведомств.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.

2. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 846 с.

3. Оболенский И. И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов. В 2 ч. Ч. 2. Формальное следствие. М.: Тип. Александра Семена, 1855. 116 [III] с.

4. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В. Ширков, М. Шрамченко. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 948 [56, IV] с.

5. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 3. Ст. ст. 249–594 / под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. М.: Изд. М. М. Зива, 1914. 944, IV с.

6. Памятники российского права. В 35 т. Т. 23. Первые декреты Советской власти: учеб.-научное пособие / под общ. ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 488 с.

7. Положение о прокурорском надзоре: Постановление ВЦИК, 28 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Грачева И. М. Централизация полномочий органов прокуратуры БССР периода 1922–1937 гг. // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. 2021. № 1. С. 11–16.

9. Сычев Д. А. Прокурор: от Петра Великого до наших дней. Эволюция функциональной деятельности в уголовном процессе // Юридические исследования. 2015. № 3. С. 71–101.

10. Рязанцев В. А. Советские органы предварительного следствия в период 1924–1963 годов // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2023. № 1. С. 114–136.

11. Памятники российского права. В 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. В. А. Лазаревой, Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 608 с.

12. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

13. История следствия в России: монография / под общ. ред. Д. О. Серова, А. Ф. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017. 280 с.

14. Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901874557 (дата обращения: 23.04.2024).

15. Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь: Проект Закона Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3951&p0=2024015001 (дата обращения: 03.05.2024).

© Шкаплеров Ю. П., 2024

Оксана Николаевна Штаб,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Распространение в современном обществе цифровых технологий и их внедрение во все сферы жизни привело к трансформации преступности, в том числе связанной с предметом взяточничества в виде криптовалюты. У преступников появилась возможность получать предмет взятки через такие электронные платежные системы, как «Яндекс.Деньги» и «QIWI Кошелек» при существенно сниженном риске быть обнаруженными. Назрела острая необходимость проявления адекватной реакции законодателя, который должен учитывать происходящие в современном цифровом мире изменения, касающиеся определения предмета взяточничества. Некоторые подвижки в направлении признания криптовалюты в качестве предмета взятки все-таки есть. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 59 были внесены изменения в Постановление от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – ППВС РФ № 24), в соответствии с которыми моментом окончания получения или дачи взятки является, в том числе, момент зачисления передаваемых ценностей на электронный кошелек. В сложившейся ситуации представляется своевременным и актуальным решение вопроса о признании криптовалюты предметом коррупционных преступлений.

Ориентируясь на современные тенденции развития цифровых валют, некоторые авторы определяют криптовалюту как цифровую запись с собственным криптографическим кодом, базирующуюся на открытой и децентрализованной технологии шифрования и хранения данных, известной как блокчейн [1, с. 23]. Эти инновации создают различные проблемы и риски, в том числе в работе правоприменителя. Несмотря на внедряемую в жизнь государства, общества и человека политику, направленную на регламентацию функционирования цифровой среды, научная литература отмечает, что законодательство о цифровых валютах в данный момент несовершенно и требует детализации.

В Российской Федерации правовое регулирование обращения криптовалюты установлено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В пункте 3 ст. 1 этого закона цифровая валюта характеризуется как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, предлагаемых или принятых как средства платежа, не являющихся денежной единицей России и иностранных государств, международной расчетной

единицей. Данное определение противоречит положениям ст. 14 этого же закона, фактически устанавливающего запрет на определенные сделки с криптовалютой (продавать за криптовалюту). В то же время ответственность за нарушение данного запрета не установлена.

Предмет получения взятки является обязательным элементом ее состава и определяется в диспозиции ч. 1 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), из содержания которой следует вывод, что предмет получения взятки является достаточно широкой категорией, поскольку он не ограничивается классическим пониманием преступного посягательства. В соответствии с диспозицией ст. 290 УК РФ предметом взятки могут быть деньги, ценные бумаги, другое имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав [2]. Анализ каждого из перечисленных видов указывает на то, что отнесение криптовалюты к одному из них является затруднительным в силу ее особой правовой природы и связанной с этим возможности определения ее имущественной ценности. Формально криптовалюту можно отнести к иным имущественным правам. Несмотря на то что криптовалюта является официально установленным средством платежа, легальный механизм определения ее стоимости не регламентирован.

Отдельные авторы отмечают, что в России криптовалюта официально не используется в экономическом обороте, вследствие чего возникают трудности с ее оценкой и отнесением к предмету взятки. Но большинство исследователей считают, что криптовалюта представляет собой не принципиально новый объект права, а технологический способ записи имущественных прав, и ее следует отнести к категории «иное имущество» в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [3].

С учетом этого в 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес изменения в п. 9 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в соответствии с которыми к имущественным правам, являющимся предметом взяточничества и коммерческого подкупа, отнесены среди прочих и цифровые права, дающие взяткополучателю возможность получать доход от их использования (предшествующая редакция указанного пункта постановления упоминания о цифровых правах не содержала).

Изучив достаточное количество приговоров судов общей юрисдикции Алтайского края и обобщив следственную практику, мы приходим к выводу, что в данном субъекте Российской Федерации предметом взятки чаще всего являются денежные средства, переводимые на денежный счет взяткополучателя. Но тот факт, что в Алтайском крае официально не зафиксированы случаи использования криптовалюты как предмета взятки, не может свидетельствовать о неактуальности данной проблемы в регионе. Напротив, правоприменителю, не имеющему опыта в данной отрасли, сложно выявить и расследовать подобные преступления.

В других регионах страны ситуация иная. Так, Никулинский суд Москвы изъял в пользу государства рекордную сумму взятки в 1032 биткоина (около 24 млн долларов, или 1,6 млрд рублей), полученных, по версии следствия, бывшим начальником следственного отдела Следственного комитета по Тверскому району Москвы Мара-

том Тамбиевым от членов хакерской группировки Infraud Organization [4]. Уголовное дело по обвинению в получении взятки бывшего руководителя Тверского следственного отдела пока находится в стадии предварительного расследования и еще не передано в суд. Но если вина Тамбиева будет доказана, можно будет утверждать, что это одна из самых крупных взяток в истории современной России и она получена в биткоинах.

Существует множество сервисов-холдеров в инфраструктуре криптовалютных сетей, позволяющих анонимно создавать криптокошелек без верификации паспортных данных. Технология блокчейна, применяемая в транзакциях с криптовалютой, обеспечивает точное отслеживание движения криптовалюты только при идентификации владельца кошелька [1]. В противном случае все операции оказываются полностью анонимными. Отсутствие посредников при совершении транзакций с криптовалютой создает препятствия для оперативных сотрудников, лишая их возможности получить доказательства, необходимые для ведения уголовных дел. Недостаточно четкое законодательство и отсутствие оправдавших свою эффективность технологий пресечения таких противоправных действий способствуют усилению мер, обеспечивающих анонимность использования криптовалюты. Поэтому необходимо не бороться с цифровыми валютами, а строго регламентировать их оборот на территории России и контролировать их использование.

Так, в Москве в конце августа 2021 г. было возбуждено уголовное дело против преподавателей Московского педагогического государственного университета (далее – МПГУ), обвиняемых в получении и предоставлении взяток за защиту диссертаций и присвоение ученых степеней [5]. Преподаватели МПГУ, получая деньги в криптовалюте за оказанные «услуги», переводили их в биткоины на свои анонимные кошельки. Однако до сих пор неизвестны подробности этого дела, имена соискателей ученых степеней, произведших операции по переводу биткоинов. Важно отметить: расследование уголовного дела по коррупционным преступлениям с использованием криптовалют не гарантирует его успешное разрешение.

В заключение мы с уверенностью можем сказать, что оборот криптовалюты будет увеличиваться, она все чаще будет представать в качестве предмета взятки. Следовательно, возникнут и новые запросы, связанные с регламентацией ее использования и контролем оборота этих «полулегальных» экономических ресурсов. В соответствии с этим законодателю следовало бы обратить внимание на возрастающую опасность распространения коррупционных преступлений, предметом которых является криптовалюта, а также на необходимость дополнительно криминализировать использование цифровой валюты в качестве предмета коррупционных преступлений. Это позволит устранить образовавшийся вследствие технического прогресса правовой пробел и значительно повысит уровень противодействия коррупции в стране.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Пахомова О. Н. Криптовалюта как предмет взятки // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии»: материалы Междунар.

науч.-практ. конф., Калининград, 13 декабря 2019 г. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. С. 158–159.

2. Рахматулин З. Р. Предмет взятки: проблемы определения // Эпоха науки. 2019. № 19. С. 43–46.

3. Александрова Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 28–31.

4. В Москве у начальника следственного отдела суд арестовал более 1 миллиарда рублей в биткоинах // Совершенно Секретно Трейд. URL: https://www.sovsekretno.ru/news/vmoskve-unachalnika-sledstvennogo-otdela-sud-arestoval-bolee1-milliarda vbitkoinakh/?ysclid=lbkpmy0rm3258251428 (дата обращения: 10.05.2024).

5. СК завел дело о взятках биткоинами за диссертации в МПГУ // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/25/08/2021/61262ebe9a7947383e067c59?ysclid=l85bstytth394934302 (дата обращения: 17.05.2024).

© Штаб О. Н., 2024

Далер Амруллохужаевич Эшонов,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, ДИСКРЕДИТИРУЮЩИХ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

На современном этапе развития международных отношений, характеризующемся глобальными изменениями в социальной, экономической и политической структурах миропорядка, наблюдается обострение как внутриполитических, так и внешнеполитических угроз ее участникам. Протекающие политические процессы все более активизируют стремление отдельных стран повлиять на развитие международных отношений в той или иной сфере с точки зрения своих национальных интересов, что, в свою очередь, приводит к несанкционированным вмешательствам во внутренние дела того или иного государства. Такие вмешательства могут привести к дестабилизации общественных отношений, созданию криминальной обстановки и активизации сил оппозиции.

В сложившейся в мире геополитической обстановке важнейшую роль играет способность государства обеспечить национальную безопасность, отстоять свои интересы на международной арене. В связи с этим возникает необходимость в выстраивании жесткой, но в то же время справедливой внешней и внутренней политики, имеющей стабильную нормативную правовую базу.

Так, одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности является уголовно-правовая политика страны, направленная на противодействие преступлениям, посягающим на безопасность государства. Уголовное законодательство в этой сфере должно быть способным противостоять современным угрозам как внутреннего, так и внешнего характера.

В связи с высокими темпами развития общественных отношений уголовное законодательство Республики Таджикистан в сфере противодействия преступлениям против безопасности государства нуждается в совершенствовании, особенно в части, касаемой дискредитации вооруженных сил и воинских формирований.

Необходимость в криминализации указанного деяния не является беспочвенной, поскольку вооруженные силы, действуя в интересах страны в целях обеспечения безопасности государства, не должны сталкиваться с препятствиями при выполнении поставленных перед ними задач.

Значимость этой позиции возрастает в связи с разворачивающимися на международной арене событиями. В последнее время все чаще для разрешения межгосударственных конфликтов привлекаются государственные вооруженные формирования. Неизбежность вмешательства различных силовых структур порождает новые общественные отношения, определяющиеся различными факторами, в том числе негативными, например деяния, дискредитирующие использование вооруженных сил, обеспечивающих территориальную целостность государства и защищающих интересы национальной безопасности.

Эта проблема особенно актуальна для Республики Таджикистан. За последние несколько лет на таджикско-кыргызской границе произошли два крупных конфликта с участием силовых структур, в основном – вооруженных сил обеих стран. Такие конфликты преимущественно сопровождаются активизацией дестабилизирующей криминальную обстановку в обществе деятельности специальных служб и организаций иностранных государств. Этим, в свою очередь, могут воспользоваться и оппозиционные силы в своих корыстных целях, дискредитируя государственные вооруженные формирования различными средствами.

Кроме того продолжающийся вооруженный конфликт на российско-украинской границе также убеждает в необходимости утверждения вышеприведенной позиции. Сложившиеся общественные отношения и криминогенная обстановка привели к необходимости криминализации российским законодателем в 2022 г. публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных сил Российской Федерации. В целях защиты интересов России и ее граждан соответствующее решение было закреплено в ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Стоить отметить: данная норма имеет административную преюдицию, т. е. согласно диспозиции указанной статьи к уголовной ответственности лицо может быть привлечено, если аналогичные деяния совершены им повторно, после привлечения его к административной ответственности по ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в течение одного года.

Во многом схожая норма появилась и в уголовном законодательстве Белоруссии. Она закреплена ст. 369.1 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Дискредитация Республики Беларусь». Диспозиция данной статьи, среди прочих, запрещает распространение заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований [1].

Однако указанная норма в белорусском законодательстве, в отличие от российского, закреплена без административной преюдиции, что указывает на более жесткий характер отношения законодателя к действиям, дискредитирующим вооруженные формирования страны.

Среди ученых Таджикистана и в средствах массовой информации долгое время велась дискуссия о возможном внесении в административное законодательство страны положения, запрещающего распространение недостоверной информации о вооруженных силах.

В результате Министерство обороны Республики Таджикистан на своем официальном сайте опубликовало законопроект, которым предлагает дополнить Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях ст. 374.2 следующего содержания: «Распространение заведомо ложной информации об условиях несения службы в рядах Вооруженных сил Республики Таджикистан, воинских частях и формированиях с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Распространение различного рода заведомо ложной информации о призыве граждан на срочную военную службу, в том числе иной недостоверной информации, принижающей авторитет Вооруженных сил Республики Таджикистан и военнослужащих» [2]. Однако указанная инициатива мини-

стерства сохраняет статус законопроекта, что, безусловно, негативно сказывается на регулировании общественных отношений в данной сфере.

Таким образом, отметим, что сложившаяся в стране система общественных отношений требует закрепления рассматриваемой нормы в законодательстве Республики Таджикистан. Анализируя законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере противодействия правонарушениям, связанным с дискредитаций вооруженных сил, мы склоняемся больше к опыту российского законодателя – криминализации указанного деяния с административной преюдицией. Наряду с законопроектом Министерства обороны Республики Таджикистан должен появиться законопроект о внесении дополнения в Уголовный кодекс Республики Таджикистан в виде нормы, закрепляющей запрет на действия, дискредитирующие вооруженные силы и иные воинские формирования. Это будет способствовать дестабилизации криминогенной обстановки в государстве и нормальному функционированию его вооруженных формирований.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 23.05.2024).

2. Законопроект о внесении дополнений в Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях // Министерство Обороны Республики Таджикистан: офиц. сайт. URL: https://mort.tj/лоиҳа-қонуни-ҷумҳурии-тоҷикистон-дар/ (дата обращения: 24.05.2024 г.).

© Эшонов Д. А., 2024

Научное издание

Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе

МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Волгоград, 24 мая 2024 г.

Редакторы *Е. О. Степаненко, А. Н. Гайворонская-Кантомирова*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 28.12.2024. Объем 1,2 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 77.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.